

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Удар в сердце

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Annotation

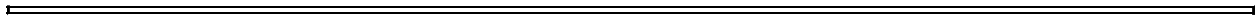
Сборник состоит из шести рассказов, действие одного из которых происходит в Москве в 1899 году. Идет очередная денежная реформа. Старые купюры меняют на новые, но при утилизации банкнот случайно обнаруживается целый мешок подделок. Известно, что фальшивки пришли из частного банка, и есть подозрение, что кто-то из его руководства замешан в преступлении. Официальное расследование может спугнуть преступников, поэтому за дело берется надворный советник Алексей Лыков. Он внедряет в штат банка своего подчиненного Юрия Велевачева, однако командировка оказывается опаснее, чем он думал...

- [Николай Свечин](#)
  -
  - [Удар в сердце](#)
  - [Шел по улице малютка...](#)
  - [Дело безносого](#)
  - [О.Б.П. \(Оставить без последствий\)](#)
  - [Варешкин](#)
  - [Шведская куртка](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

Николай Свечин

Удар в сердце (сборник)

© Свечин Н., текст, 2015

© Асадчева Е., иллюстрации, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Удар в сердце

10 апреля 1877 года выдалось пасмурным. Вольноопределяющийся второго разряда Алексей Лыков замер в шеренге Александропольского пехотного полка. Рядом стояли другие части. На поляне у Эскадских высот выстроился в огромное каре весь Рионский отряд. Двадцать четыре тысячи штыков и сабель! Основу составляли пехотные полки Кавказского корпуса: Севастопольский, Кубанский, Закатальский, Ленкоранский и лыковский Александропольский. Их усиливали Первый и Второй Кавказские стрелковые батальоны, четыре пешие сотни пластунского батальона, Второй Ейский казачий полк, а также саперы и артиллеристы. Значительную часть отряда составляли местные добровольцы. Грузинские, Кутаисские и Гурийские пешие дружины (по две от каждой области, а всего шесть) дополнял Кутаисский конный иррегулярный полк. Все эти силы должны были завтра перейти турецкую границу и начать войну.

Лыков прибыл в действующую армию неделю назад. Переболев в детстве пневмонией, он пропустил год и гимназию потому окончил поздно. Недоучившийся школяр вызвался воевать добровольцем. Экзамены пришлось сдавать экстерном. За большинство дисциплин Алексею поставили хорошие отметки справедливо – парень шел одним из лучших в классе. Вот за древние языки дали высокий балл зря. Пожалели юного героя или оценили патриотизм. А может, команда такая спустилась с верхов – ходили слухи. Девятнадцатилетних юношей брали неохотно^[1]. Лыкову-старшему пришлось идти к губернскому воинскому начальнику, хлопотать за сына. Взяли, хоть и покачали головой. Мать проплакала все глаза, а мужа чуть не прокляла... Но сын оказался настойчив, с ним ничего нельзя было поделать, и она смирилась. Ладно хоть на Кавказ послали, где турок поменьше и война должна быть пожиже...

Ноги у Алексея еще болели. Это с непривычки – руки-то он уже хорошо развил. Сойдя на станции Самтретиа Поти-Тифлисской железной дороги, пополнения двинулись к Озургетам. Семьдесят верст по горному шоссе шли двое суток. Маленький уездный городок Кутаисской губернии встретил героев нудным дождиком. Неопытный Лыков натер себе портянками волдыри еще в первый день. Пришлось садиться на патронную двуколку под насмешки товарищей. Вольноопределяющийся второго разряда в армии на особом учете. Полное среднее образование – не хухры-мухры! Тут два пути. Либо тебя втолкнут в канцелярию, поскольку

грамотные люди нужны позарез. Либо, если есть способности, быстро поднимут в унтер-офицеры. А там и до прапорщика «за отличие» недалеко. Поэтому и фельдфебели, и даже поручики говорят вольнопёрам «вы». Зато солдаты ровней не считают и на всякий случай сторонятся.

Выручил парня ефрейтор Голунов из восьмого отделения. Он смазал ноги Лыкова какой-то пахучей дрянью и переложил подорожником. А сверху замотал портянки, как положено. И Алексей смог снова идти. После этого нижегородец выделял рослого красивого кубанца. То, что он из кубанских казаков, ефрейтор рассказал сам. Бывший пластун перевелся из военного сословия в крестьяне по какой-то личной причине. Но, когда объявили мобилизацию, тоже вызвался добровольцем. Рукастый, ловкий и очень спокойный, Голунов пользовался общим уважением. Вся рота обращалась к нему по имени-отчеству: Калина Аггеевич. Ясно было, что в ефрейторах кубанцу сидеть недолго... Характерно, что Голунов пришел с полным снаряжением, как и полагается казакам по арматурному списку. Поэтому за поясом у вчерашнего крестьянина виднелась нагайка, а в ранце лежал горский костюм.

Алексея начальство тоже выделило. На первых же учениях он сумел отличиться. В русском пехотном батальоне пять рот: четыре линейных и одна стрелковая. Лыков попал в линейную и огорчился – хотелось пострелять. Да и винтовки в пятой роте были системы Крнка, а у линейцев – Карле. И там и там патроны бумажные, но Крнка лучше и дальность боя у нее выше. Согласно тактике, впереди батальона идет стрелковая цепь. Но от каждой линейной роты выделяется полувзвод, и эти команды составляют вторую цепь – для усиления первой. Вольнопёр попал туда. Остальные солдаты батальона атакуют взводными колоннами, отступая от стрелков на сто двадцать саженей. В цепи боевой единицей считается звено из четырех человек. Лыков оказался в нем самым образованным и был назначен старшим. Вот и повышение! Поручик Агафонов-второй, командир их полуроты, похвалил нижегородца за сообразительность: тот перебегал, как полагается по уставу, вовремя падал и вовремя вставал. И при этом успевал подгонять других. Если так же будет в бою, сказал поручик, можете и капральство получить. А это уже младший унтер-офицер! Алексей сначала загордился, а потом смутился. Кто знает, как будет в бою? Вдруг, попав под огонь, он наделает в штаны? Думать об этом не хотелось, но мысли о бое не отгонишь. Ведь скоро война. Там убивают. Хватит ли духу, или вольнопёр опозорится? Отец его – кавалер Владимирского креста с мечами и бантом; а вот кем окажется сын?

Алексей стоял в каре и волновался. В центре толпились полковые

командиры. Среди них выделялся седой полковник с большими усами и Георгием на мундире. Это был князь Абашидзе, командир 161-го Александропольского полка, старый кавказец и известный храбрец. А особняком на коне гарцевал командир всего Рионского отряда генерал-лейтенант Оклобжио. Его тонкое нервное лицо дергалось, короткая борода всклокочена... Серб по рождению, перешедший на русскую службу, он тридцать лет отвоевал здесь же, на Кавказе, и имел высокую боевую репутацию. Поручик Агафонов рассказывал, что Оклобжио окончил в молодости университет в Падуе, чуть ли не юридический факультет. Но снял ученую мантию и ушел в военные. Эко жизнь выворачивает...

Оклобжио дернул повод и выехал в центр каре.

Раздалась команда:

– Глаза... на средину!

Все разговоры сразу стихли. Стало слышно, как в воздухе звенят комары, а далеко в городе пиликает скрипка.

– Братцы!

Огромный прямоугольник замер. Люди напрягли слух, каждый волновался и пытался скрыть это от соседей.

– Завтра мы идем грудью на врага. Вы дали присягу. Долг есть долг, русскому солдату об этом напоминать не надо. Но есть то, что требуется сверх долга. Нам нужны охотники. Для начала двести человек. Вот туда уже каждый идет сам, по своей воле. Туда приказом не назначают. Решайте.

Отряд стоял и слушал. Генерал шумно вдохнул, и стало ясно, что он тоже волнуется.

– Охотники – это особые люди, – продолжил Оклобжио. – Тот, кто выйдет сейчас из строя и поступит в команду, должен знать о себе всю правду. А правда такая: никто из охотников не вернется домой.

Алексей поразился. Что несет этот седобородый человек? Выйдешь из строя – и неизбежно покойник? Как можно так говорить? Кто согласится стать смертником? Но люди слушали внимательно и серьезно. Взрослые мужчины, в большинстве своем крестьяне, только нахмурились. И никто не побледнел.

– Ребята! Повторю: охотники дома не увидят. Все они полягут здесь, в этих диких горах. Так должен думать каждый. Иначе он не сможет исполнить приказа. Ведь самые трудные приказы получают именно они! Лишь тот, кто не боится смерти, кто умер уже для мирских дел и сделался настоящим солдат, смело пойдет на пули. Такова высшая честь для охотника: атаковать в первых рядах и первым умереть. Высшая воинская честь. И потому...

Голос генерал-лейтенанта дрогнул, но он взял себя в руки.

– И потому говорю: подумайте хорошенько! Вы отрезаете себя от надежды, поймите! Вы смертники. Самые трудные и опасные дела поручат вам. Такие, где возможности нет уцелеть. Разведки в тылу врага, захват пленных, охрана наших позиций, уничтожение турецких секретов, штурм высот. Это доверяют лишь охотникам. И потери у них самые большие всегда. А награды как у всех, увы. Там не за кресты голову кладут. А за Веру, Царя и Отечество. Выбирайте, ребята. Решайте прямо сейчас. Кто вперед шагнул, себе уже не принадлежит.

Многотысячная людская масса молчала. То ли обдумывали услышанное, то ли ждали приказа... И приказ поступил.

– Внимание! – фальцетом крикнул генерал. – Кто желает стать охотником... два шага вперед... марш!

Несколько томительно длинных секунд все стояли без движения. Лыков уже решил для себя, что в охотники не пойдет. Как это он может не вернуться? А мать? А больной отец? Конечно, вызываясь на войну, Алексей понимал, что может погибнуть. Но есть и шансы уцелеть! Прийти домой, обнять родных. К неизбежной смерти, выбранной по своей воле, Алексей был не готов. И, немного малодушно, ему сейчас очень захотелось, чтобы вперед вышли немногие. А таких, как он, оказалось большинство. Но тут секунды раздумий прошли, и каре зашевелилось.

Лыков стоял и смотрел, как люди выбирают для себя смерть. Было жутко, и при этом любопытно. За тем и шел на войну молодой парень, чтобы увидеть жизнь в высших ее проявлениях. Когда на кону твоя голова... И хотя война еще не началась, а выбор уже надо делать. И солдаты его сделали.

Вся лампасная пехота^[2], как один человек, дружно шагнула вперед. Четыреста пятьдесят разных характеров – и полное единодушие! То же самое сделали стрелковые батальоны, ейские казаки, кутаисские милиционеры, грузинские и гурийские добровольцы.

Пехотные полки поступили иначе. Хотя они давно воевали на Кавказе, имели славные традиции и числили в своих рядах множество храбрецов, шагнули вперед не все. В 164-м Закатальском, например, приблизительно две трети. А в 161-м Александропольском, на глазок, неизбежную смерть выбрали меньше половины.

Алексей с облегчением увидел, что на левом фланге каре из строя не вышел никто. И тут же устыдился. Вспомнил, что там стоят специальные части: понтонеры, саперы и отделение военно-полевого телеграфа. Кто же их отпустит в охотники? Не для того готовили много лет! Этим отборным

людям путь в смертники заказан.

Вдруг Лыков заметил, что два шага вперед сделал его сосед по строю. Вольноопределяющийся Михаил Бельский пошел воевать добровольцем из студентов. Старше Алексея на два года и много опытнее, он опекал бывшего гимназиста. Михаил пытался попасть еще на Сербскую войну, но добрался лишь до Бухареста. К тому времени сербов уже побили, и румыны не пускали туда русских добровольцев. Бельский проторчал в румынской столице полтора месяца, истратил все деньги и подхватил дурную болезнь. Этим его боевые подвиги исчерпались. Однако в Москве студент прослыл героем. Видимо, учиться ему не хотелось. Чуть только снова запахло порохом, он сразу бросил университет и записался в армию. За две недели знакомства Лыков и Бельский стали приятелями, и вот! Михаил готов погибнуть за правое дело. А он, трусливый мальчишка, нет? Алексей рассердился на себя. Точнее, сначала ему стало стыдно, а уже потом он осерчал. И собрался, пусть с запозданием, шагнуть вперед. Но тут кто-то сзади положил ему руку на плечо.

Вольноопределяющийся резко обернулся – и опешил. Перед ним стоял флигель-адъютант подполковник Териев, командир их первого батальона. Легендарной храбрости человек, кавалер четырех солдатских Георгиевских крестов и одного офицерского! Вся жизнь его прошла на войне с горцами. Из рядовых отчаянный вояка дослужился до штаб-офицера. А флигель-адъютантский аксельбант получил за покорение черкесов. Териев был знаменит той храбростью, которую солдаты почитают выше всех других, – спокойной и непоказной. Подполковник не терпел лишней крови, ни своей, ни вражеской. Осторожный и расчетливый, он побеждал умом и опытом. Лишь только если это было неизбежно, батальонер посылал людей на смерть. При этом всегда шел рядом с ними, а солдаты жались к своему командиру. Они были уверены, что Териев заговоренный и пули его обходят. И вот этот удивительный человек удержал его, Лыкова, от шага вперед!

Подполковник строго смотрел на Алексея восточными карими глазами. Потом сказал вполголоса:

– Не спеши, сначала подумай.

– Но там...

– Ну и что? Запомни: никогда не торопись с такими важными вещами. Не спеши умереть. Навоюешься еще.

– Ваше высокоблагородие, но они не испугались! Чем же я хуже их?

– Ничем. Ты еще себя покажешь. Я вижу, я много знал храбрецов. Тебе просто нужно время.

– Но...

– Не суетись и никого не стесняйся.

Подполковник кивнул и ушел вдоль строя. Когда Алексей повернулся к центру каре, было уже поздно. Всех желающих собрали внутри. Они выстроились в очередь к писарям, и те составляли списки. Генерал Оклобжио просил двести охотников, а вперед вышли более тысячи. Лишних вносили в состав резерва, чтобы потом заместить выбывших. Тем, кто остался в строю, велели сдвинуть ряды. Через час ожидания каре было распущено, солдат повели обедать.

Бельский вернулся в роту возбужденным. Его распирало неприятное Лыкову чувство самодовольства. Тон, которым студент обратился к своему приятелю, стал вдруг покровительственным... Да и другим он сказал в глаза: «Уйду я от вас, картузники!»^[3] Алексей замкнулся. Хотел передать слова батальонного командира, но передумал. Вышло бы, что он оправдывается! Михаил в охотники не попал, желающих хватило и без него. Но его записали в резерв и велели быть наготове. Убыль у охотников повышенная. Как только начнутся бои, появятся и вакансии.

Вечером пришел Голунов. Он был в черкеске с малиновыми пластунскими пробками в напатронниках и с берданой на плече. За поясом виднелась опойковая нагайка. Ефрейтор сказал что-то на ухо отделенному и стал собирать вещи. Алексей подошел, но спросить не решился. Калина Аггеевич заговорил сам. Он объяснил, что зачислен в охотничью команду левой колонны. Лыков ничего не знал про колонны, и ефрейтор прочел ему целую лекцию. Оказалось, что из Рионского отряда выделен Гурийский отряд с задачей охраны тыла и побережья в сторону Сухума. В него вошли, в частности, второй и третий батальоны их 161-го полка. А то, что осталось для атакующих действий, разбито на три колонны. Два других Александропольских батальона при поддержке казачьей сотни составили правую колонну, самую слабую. Их полоса действий – непосредственно вдоль моря. Но там ничего важного произойти не может. У турок сильный флот, а мы вследствие крымской катастрофы лишены права иметь на Черном море военные корабли. И в случае нашей атаки приплывут османские броненосцы и разнесут все к чертям. Задача колонны, таким образом, разведка и демонстрация. Это неинтересно.

Вторая колонна тоже слабовата. В нее включили три батальона 163-го Ленкоранского полка, Первую Грузинскую пешую дружину и кутаисских милиционеров. Зато там много артиллерии. 32 орудия встанут посреди фронта, чтобы огневым маневром поддерживать оба фланга. Задача колонны, судя по всему, помогать главным силам и охранять

артиллерийский кулак.

Самая мощная колонна – та, куда перевелся Голунов. Пластуны, стрелки, саперы, батальон ленкоранцев, весь Закатальский полк, пешие гурийцы, две сотни кутаисцев и две батареи – все это говорит само за себя. Главный удар будет наноситься с левого фланга. Подальше от моря, поближе к горам. Охотничья команда левой колонны самая многочисленная, людей туда отбирает лично Оклобжио по рекомендациям полковых командиров.

Алексей выслушал ефрейтора и окончательно закручинился. Тот уходит в другую часть, Бельский загордился, а завтра в бой. Он же струсил выйти из строя... Нижегородец рассказал Калине Аггеевичу о своем разговоре с Териевым. Голунов сразу одобрил слова подполковника.

– Вот настоящий солдат! – заявил он. – Ему ли не знать цену храбрости? Соглашусь с ним: не торопись помереть! Еще навоюешься. Какая, по-твоему, самая верная линия поведения?

– Какая?

– На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Так и поступай всегда!

– Но ты же пошел в охотники!

– Мне можно.

– А мне почему нельзя?

– Потому что молодой. Пообтешись немного, хватит на тебя войны.

– А Бельский? Он храбрее меня, выходит?

– Это надо в бою смотреть, – серьезно ответил Голунов. – А так не поймешь. Ну, бывай!

Он протянул вольноопределяющемуся крепкую руку:

– Будет время – заходи.

И исчез в сумерках бесшумным пластунским шагом.

После ужина унтер-офицеры раздали огнеприпасы, по 182 патрона на человека. Патроны были бумажные, и их велели не мочить. При переходе через горные реки надлежало нести подсумки и сухарный мешок с зарядами над головой.

Роты изготовились к ночному маршу. Двух полковых собак привязали на поводки. Одну звали Мухтарка, в честь Мухтар-паши, командующего Анатолийской армией, а вторую – Дервишка, по имени Дервиш-паши, командира Батумского корпуса турок. Штыки велели убрать, чтобы не заколоть товарищей. Второй и третий батальоны двинулись в Озургеты, в Гурийский вспомогательный отряд. А первый и четвертый в походной колонне ровно в полночь вышли из Эскадского укрепленного лагеря. В

крошечной тьме они долго пробирались по узкой дороге к границе. Дороги – больное место Приморского театра войны. Их здесь почти нет. Есть лишь арочно-вьючные, просто вьючные и пешие. Зимой, когда льют бесконечные дожди, жизнь в горах замирает. Даже пешком никуда не дойдешь. И как воевать?

В два часа ночи впереди захлупало множество сапог. Бранясь, солдаты спускались в топкую низину, по дну которой стремительно неслась горная река. Чолок! На правом берегу уже Турецкая Гурия! Александропольцы смело вошли в стремнину. Взводные командиры приказали поотделенно взяться за руки. А как же огнеприпасы? Их надо поднять над головой! Вода дошла уже до колен, потом до пояса. Сильное течение норовило сбить с ног. Лыковское звено – четыре человека – шло в обнимку. Посреди реки, в самом глубоком месте, правого солдатики повалило; за ним стал падать и сосед. Бросив сухарную сумку болтаться на плече, Алексей схватил обоих товарищей в охапку. И буквально выдернул из водоворота. Шагнув вперед, почувствовал, что твердо стоит на ногах. Еще бы – он стал втрое тяжелее! Так Лыков и вышел на тихое место, держа звеньевых под мышки... С левого берега поручик Агафонов одобрительно прошептал:

– Ай да сила! Молодец, Лыков! А теперь вперед, вперед!

Длинная цепь мокрых, озябших пехотинцев стала взбираться на высокий берег Чолока. Вот и турецкий пост! Дрожащими руками – то ли от холода, то ли от страха – вольноопределяющийся передернул затвор винтовки. Сейчас начнется... Но рота никого не обнаружила. Три или четыре строения были пусты, окопы слабого профиля – тоже. Турки не приняли боя и ушли.

Вдруг впереди, саженьях в ста, раздались выстрелы. Началось! Александропольцы побежали на шум боя. Лыков ощутил новое, не испытанное ранее чувство: восторг и ужас одновременно. Вынести его оказалось нелегко. Хотелось чего-то резкого, даже страшного, лишь бы случилось поскорее. Пусть опасность или смерть, но не этот пугающий восторг... Но стрельба быстро прекратилась. На поляне лежало несколько тел в незнакомых куртках, вокруг них толпились линейцы. Из темноты выскочил батальонный командир, посветил спичкой.

– Турки, из редифа^[4]. Сторожевое охранение. У нас потери имеются?

– Так точно, господин подполковник, – ответил поручик второй полуроты. – Убит солдат в головном взводе. Разрешите преследовать дальше?

Териев наклонился над мертвым солдатом:

– Первый уже есть...

Стало тихо, и Лыков обнаружил, что от его восторга ничего не осталось. Вот тебе война, вот кровь, невидимая на мокрой траве...

– Вперед, братцы! – скомандовал батальонер. – Не бойтесь ничего! За Богом молитва, а за царем служба не пропадают!

Когда рассвело, батальон оказался в западне огромного векового леса. Три тропы перекрещивались в самой чаще. Две из них шли на восток, к морю, еще одна вела к горам. А войскам требовалось на юг, к Кобулету. Лес оказался непроходимым даже для пехоты. Лианы и какой-то невиданный колючий кустарник затрудняли движение, люди выбились из сил. В голове колонны состоялось совещание начальства. Незнакомый капитан с аксельбантом Генерального штаба шуршал картой, поворачивая ее то так, то эдак. Командир полка князь Абашидзе, подполковник Териев и командир четвертого батальона мрачнели на глазах. Наконец полковник подозвал Агафонова и приказал:

– Отправьте несколько солдат на поиск тропы. Кого-нибудь посмышленнее.

– Есть, ваше сиятельство!

Поручик созвал унтер-офицеров, и уже через полминуты раздалось:

– Лыков, Иванов, Тахвердов, ко мне бегом!

Алексей подбежал первым, вытянулся. Полуротный сказал, глядя ему прямо в глаза:

– Вы доброволец, с вас особый спрос.

– Слушаю, ваше благородие!

Рядом встали два старослужащих из их четвертого взвода.

– Надо сыскать тропу на юг. Карта говорит, что она есть. А найти не можем! Под угрозой выполнение боевой задачи. Понятно?

– Так точно!

– Расходитесь веером, расстояние держите в пятьдесят сажений. Кто первый найдет тропу – пусть стреляет. Вопросы есть?

– Есть, ваше благородие, – сказал Иванов, степенный дядька из вологодских. – Нам бы кинжалы... Без них не пройдем, ей-бо! Вон какая колючка.

– Кинжалов нет, можем дать офицерские сабли, – ответил поручик.

Иванов только вздохнул.

– У гурийской дружины надо попросить, – подсказал Тахвердов.

Теперь настала очередь вздыхать полуротного.

– Гурийцы идут сзади в двух верстах. Времени нет их ждать.

Лыков молча козырнул и шагнул в чащобу. Первый же аршин дался ему с большим усилием. С изумлением он обнаружил, что не знает ни

одного дерева из окружавших его. Самые высокие вроде бы орех... Светлые стволы – это, кажется, граб. А вон там вообще пальмы, как в книжке про Робинзона Крузо... Густой обильный подлесок затруднял видимость и очень мешал ходьбе. А хуже всего – колючка, цеплявшаяся за одежду при каждом шаге. Алексей пытался уворачиваться, подныривать под ветки, но все равно попадал на шипы. Он прошел так сто шагов и вдруг оказался на широкой тропе. Обрадованный, передернул затвор и бабахнул в невидимое отсюда небо. Затрещали за спиной ветки, затопали сотни сапог, и голова колонны выскочила из кустарника.

– Молодец, вольноопределяющийся, – сказал, задыхаясь, князь Абашидзе. – То, что надо.

Тропа вела на юг. В сторожевое охранение выдвинули пластунов, и отряд быстро зашагал вперед. Алексей вернулся в роту и первым делом перезарядился. Оказалось, что оба подсумка у него намокли, пока он вытаскивал из водоворота своих соседей. Низ сухарной сумки тоже черпнул воды. Тогда вольноопределяющийся бесцеремонно отобрал у товарищей по одному подсумку, отдав взамен промокшие. Те не противились. Понимали, что он их выручил, а может, сила парня произвела впечатление... Заимев сухие огнеприпасы, Лыков повеселел – он жаждал боя.

Но бой все отодвигался. В густом лесу мелькали тени, трещали сучья под чьими-то ногами. Уже совсем рассвело, а противник не показывался. Вчерашний гимназист устал и начал клевать носом. Вдруг он вспомнил лицо убитого солдата на берегу ручья. Это же Никитин из второго взвода! Познакомились они на марше в Озургеты. Никитин был старослужащий, независимый и с гонором. С фельдфебелем он здоровался за руку, а молодые солдаты подносили ему воду для умывания. Когда Алексей натер себе ноги и не смог идти, Никитин посмеялся над ним особенно зло. Назвал барчуком и белой костью. А ведь знал, что вольноопределяющийся из потомственных дворян! Лыков не столько обиделся, сколько удивился. Он никому не сделал зла, не требовал к себе особого отношения. И вдруг... Однако Никитина это мало интересовало. Он захотел посмеяться и посмеялся. А теперь лежит мертвый. А скоро, может быть, и другие полягут. И он, Лыков, в их числе...

От такой мысли желание сражаться у Алексея вмиг улетучилось. Как уж там? На службу не напрашивайся! Что будет, то будет, не надо провоцировать судьбу.

Тут к Лыкову подошел поручик Агафонов. Он похвалил за быстро отысканную тропу и рассказал общую обстановку. Два батальона их полка

пробираются через Осендальский лес. Коническая вершина, что мелькает иногда справа, – это Джиганджири. Задача отряда – выйти к реке Очхамури левее местечка Легва и там закрепиться. Штабные умники, как всегда, недооценили местность. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Хуже всего справа, там, где за лесом шумит прибой. Только что пришел посыльный из бокового охранения. У берега крейсируют два турецких броненосца. Поэтому идти по единственной настоящей здесь дороге, песчаной, удобной, – нельзя. Расстреляют с моря. И закрепиться по берегу Очхамури будет сложно. Судя по карте, местность там голая, болота и кое-где камни. Пушки броненосцев достанут и дотуда. Их колонна всех ближе к морю, и потому наиболее уязвима для огня корабельной артиллерии. Центральная и левая колонны как бы прикрылись александропольцами. Значит, атаковать придется быстро, ибо лишь в скорости их спасение.

– А что атаковать? – отважился спросить у офицера вольноопределяющийся. Однако тот не оскорбился и объяснил. За рекой вытянулись от гор к морю высоты со смешным названием Муха-Эстаде. Там у турок должна быть позиция. Точных данных о ней нет, разведка пока поставлена плохо. Но на пути к Батуму это первый естественный рубеж. Глупо надеяться, что турки им не воспользуются. На этих высотах, скорее всего, и предстоит отряду принять первый настоящий бой. И турки на смешной позиции Муха могут хорошо посмеяться над русскими... Пехота и артиллерия будут бить их с гребня, а корабли – с моря. И если атака захлебнется, роты начнут топтаться на месте – беда. Их загонят обратно в лес с большими потерями. Боевой дух войск зависит от исхода первого сражения. Оплошать нельзя.

Еще через час они вышли на опушку и увидели вдалеке цепь пологих лесистых холмов. Муха-Эстаде! До высот на глаз три версты, но идти придется по равнине. Справа переливалось серыми блестками море, и на нем чернели две точки. Броненосцы!

Александропольцы просидели в кустах долго. Начальство смыкало фланги, подтягивало артиллерию, потом последовала команда развести костры и пообедать. Застучали топоры. Отделенный командир куда-то сходил и принес большую банку консервов: тушеная картошка с бараньим салом. Линейцы повеселели. Они наелись горячего, запили кипятком с сухарями и развалились на шинелях отдыхать. Ожидание боя, к удивлению Лыкова, не было мучительно-томительным. Солдаты вынули карты и весело били друг другу щелбаны. Никто не сидел с бледным лицом и не молился... Но когда рядовой Брешалов выругался по матери, к нему

подошел старослужащий и дал сильную затрещину. В назидание сказал:

– Тебе, может, через час перед Вышним престолом стоять! Не оскверняй.

Все посерьезнели, ненадолго затихли, но вскоре опять вернулись к картишкам. Однако за словами уже следили.

Вдруг сверху что-то засвистело, словно баловался Соловей-разбойник. Лыков задрал голову, но ничего не увидел. Свист быстро сменился шипением, а затем резким неприятным треском. В небе над опушкой раскрылись два огромных дымных цветка. Сучья в лесу принялись ломаться, как от урагана. Что-то тяжело зашлепало вокруг, будто град... И лишь через секунду Алексей догадался, что их обстреляли шрапнелью. Разрывы стаканов ударили левее, далеко от их взвода. Даже не было страшно. Батальоны затушили костры, чтобы не давать броненосцам ориентиров. Но те и сами решили не переводить снаряды зря и больше не стреляли.

Около полудня вперед пошли охотники. Они рассыпались в жидкую цепь. Сначала солдаты перебегали от валуна к валуну, от дерева к дереву. Но никто по ним не стрелял, и они осмелели. Довольно быстро цепь прошла две трети поляны, и тогда высоты сразу окутались черным пороховым дымом. Турки с гребня Муха-Эстаде открыли густой ружейно-артиллерийский огонь. Броненосцы молчали, ждали атаки главных сил. Охотники залегли. Опять подошел полуротный и стал объяснять:

– Там река и высокий левый берег. Люди должны выяснить броды, тропы и проходы в скалах. Где пушки стоят, где пехота гуще, а где меньше... Сегодня атаки уже не будет, охотники едва успеют провести разведку.

– Мы ночуем здесь? – догадался Лыков.

– Да. Ростом Николаевич^[5] нас пока не собирал, но по уму... Вечером, когда охотники вернутся, составят диспозицию боя. Утром будем атаковать. А сегодня больше не бойтесь, Лыков! Для вас ничего опасного уже не случится.

Поручик ушел, а вольноопределяющийся задумался. Больше не бойтесь... Значит, заметно, что он мандражирует? Ну, заметно. Что ж теперь? Первый бой. Все боятся. Особенно когда тебе и двадцати лет еще не стукнуло!

За дальностью перестрелка охотников с турками выглядела неинтересной, и Алексей перестал за ней наблюдать. Остаток дня действительно прошел без событий. Раз только вылез на поляну отряд Гурийской пешей дружины и попытался продвинуться к реке. Броненосцы

тут же повесили над храбрецами полдюжины шрапнелей, и те убрались обратно в лес. Правильно: три версты голого пространства лучше преодолеть утром. Глядишь, туман прикроет! Подивившись, какой он умный, вольнопёр лег спать. Прежде чем уснуть, прислушался к себе. Страх не было, было опасение. Вялое, нудное, как зудение комара, и такое же неотвязное. Но того страха, который Лыков боялся обнаружить в себе, он не чувствовал. Когда дрожат руки, подгибаются ноги, а зубы выстукивают дробь. И мысль встать и пойти вперед пугает до потери самообладания... Может, так будет завтра? А сегодня он смелый оттого лишь, что опасность пока далеко?

Ночевали александропольцы в холоде. Костры, чтобы не дразнить корабли, приказали отставить. В Эскадском лагере Алексей спал в палатке возле Бельского, и они полночи разговаривали обо всем. Но теперь Михаил зазнался. Он держался возле взводного унтер-офицера, имел строгое лицо и хмурый начальственный взгляд. На виду у Лыкова Бельский вынул папиросник, к нему тут же подскочил первогодок со спичкой. Кандидат в охотники прикурил и важно кивнул... Общаться с гордецом Лыкову не хотелось, и он притулился спиной к спине Сашки Брешалова. С другой стороны лег Савченков, один из тех, кого Алексей в охапку выносил из реки. Так они втроем согрелись и уснули.

На другой день атаки опять не объявили. Впереди перестреливались охотники, особенно жарко было слева. Там кричали «Ура!», в ответ слышалось загадочное «Ла ху!». В тыл нескончаемой чередой шли раненые. Днем в цепь принесли борщ, заправленный жиром и подбитый мукой. Такой вкуснотищи вольнопёр никогда еще не ел! Следом появился Агафонов, как всегда, с новостями. Он пояснил, что охотники и турки схватились в штыки. «Ла ху!» означает «О, он!», то есть Аллах. С этим криком османы ходят в смертельные атаки. Если услышишь его – готовься к жестокому бою. Еще поручик рассказал, что вчера за деревней Какуты охотники заняли выгодную гору в двухстах саженях от Муха-Эстаде. Она доминировала на равнине правого берега реки Очхамури и давала обзор всей вражеской позиции. Расположение артиллерии, склады и обозы – все видать! Турки спохватились и ночью послали на гору черкесов. Те явились в превосходящих силах и перебили защитников горы. А потом надругались над трупами: отрезали уши, выкололи глаза... Кого захватили раненым – подожгли одежду, и люди сгорели заживо. Некоторым мертвецам отсекали головы и бросили их вниз, к нашим позициям. Погибло более двадцати человек. И теперь у охотников есть вакансии, нужно пополнить их из резерва смельчаков.

Алексей оглянулся, разыскивая Бельского, но увидел только его спину. Михаил быстрым шагом шел куда-то в глубь леса. Послали с донесением? Вольноопределяющихся унтера старались зря не гонять. В лесу штаб, обозы первого разряда и лазаретные фуры. Какие там могут быть дела у Михаила? Но думать за других не полагается, и Лыков отвернулся. Запасных охотников в роте оказалось шестеро. Они быстро построились и отбыли на левый фланг. А сидение в лесу продолжилось.

Бельский вернулся лишь к вечеру. Он о чем-то коротко переговорил со взводным, махнул рукой и отошел в сторону. До ночи Михаил просидел на камне в обнимку с винтовкой. Никто к нему не подходил. Лыков догадался по этой обструкции, что дело нечисто. Похоже, герой струсил... Отрезанные головы смутили его? Или ослабла пружина внутри?

Он уснул в той же компании, греясь о спины товарищей. А в три часа утра их разбудили и велели двигаться вперед. Атака началась! Горнисты со всех сторон дали сигнал наступления:

– За царя и Русь святую
Уничтожим мы любую
Рать врагов!

Батальоны вышли из леса. Над равниной стоял туман. Он был недостаточно плотным, чтобы скрыть турецкую позицию, но от враждебного моря закрывал. И это вселило в солдат необходимую уверенность. Впервые после выхода из лагеря Алексей увидел свою колонну целиком. Офицеры выбежали вперед и выровняли ряды. Как на учениях, стрелковые роты рассыпались в цепь и быстрым шагом двинулись вперед. Полувзводы линейных рот тут же встали им в затылок. Все делалось быстро и слаженно самими же солдатами – они понимали, что их спасение в скорости маневров.

Лыков занял свое место во второй стрелковой цепи и огляделся. Савченков справа, Лагорио и Буткин слева; все звено в сборе. Дистанция с первой цепью – уставная. Он повернул голову назад и ахнул. Линейные роты во взводных и полувзводных колоннах двигались следом за стрелками. До них было чуть больше ста саженей, тоже по уставу. Два батальона, тысяча триста шестьдесят штыков, как на учениях, шли в атаку. Держись, турка!

Вдруг туман стал рассеиваться и прямо на глазах исчез совершенно. Раз – и нету! Плоскость до самой Очхамури стала видна как на ладони, и

турецкие позиции на правом ее берегу тоже. Алексей поразился красоте открывшейся перед ним картины. Справа блестело, как ртуть, море. Пенные барашки волн налетали на берег и живописно разбивались на брызги. Слева высилась огромная гора, и от нее расходились в стороны скалистые хребты^[6]. А по фронту тянулась полоса высот, на гребне которых что-то тускло блестело. Да ведь это турецкие штыки, сообразил Лыков. По мою душу сверкают! Черт! Руки сразу сделались будто мишурные, а в ногах появилась слабость. Старший в звене отстал, и соседи начали на него оглядываться. Стыд-то какой! Алексей поднажал, хотя ноги едва слушались его. Хорошо хоть, по ним пока не стреляют... Тут высоты окутались дымом, словно турки подслушали его малодушные мысли. Одновременно хлопнуло с моря, и над поляной разорвалось сразу несколько шрапнелей. Проклятые броненосцы никуда не ушли, они ждали атаки! А ты, дурак, любовался барашками! Не в силах уже бороться со страхом, Лыков рванул вперед. Голова вдруг перестала работать. Движения словно бы направлял какой-то автомат. И это было спасительно для него. Бездумье вытеснило страх, и сделалось все равно: добежит? не добежит? попадут? не попадут? Ноги припустили вдвое быстрее, как в детстве, когда чесали наперегонки. И все смешалось и завертелось в дикой бессмысленной карусели.

Потом Лыков не смог вспомнить подробностей своей первой атаки. Они куда-то бежали. Над головой густо рвалась шрапнель. Стаканы ударялись о камни, изрыгали свинец и с диким звуком, похожим на хохот, улетали обратно в небо. Раз у Алексея сбило с головы шапку, и пришлось ее поднимать. Еще чиркнуло по рукаву. Потом он чуть не наступил на упавшего ему прямо под ноги Савченкова. Хотел поднять, увидел, что у того вместо глаза черно-красная дыра, а второй глаз испуганно косится по сторонам... Бросил и побежал дальше. Когда он заметил впереди берег реки, обрадовался, а зря. Оказалось, что их цепь добежала до границы ружейного огня турок. И в дополнение к шрапнели на атакующих обрушился шквал пуль. Сразу упало вокруг несколько человек, и ужас чуть было не вернулся снова. Но тут из-за спины вынырнул поручик Агафонов и крикнул ободряюще:

– Быстрее, быстрее! Там все кончится!

Мысль, что «там» все кончится, несказанно обрадовала Лыкова. Он еще поднажал и даже сообразил осмотреться. Савченкова не было, а Лагорио и Буткин бежали рядом.

– Вперед, там все кончится, – прохрипел им вольнопёр, но они, кажется, его не поняли. Лица у обоих были красные от напряжения,

челюсти одинаково тряслись. Подумав, что у него, наверное, такой же вид, Алексей сходу бросился в реку.

Воды в Очхамури оказалось по пояс, а главное, высокий берег создавал мертвую зону. Выходить из реки не хотелось... Тяжело дыша, Лыков встал посреди потока. Тянуло на что-то опереться и отдохнуть. Тут на глаза ему попались двое раненых, которые спустились к воде и сели на берегу. Один из них был Тахвердов, с которым вольнопёр недавно искал в лесу тропу. Он держал на весу правую руку и что-то ей растерянно выговаривал. Бледный, без шапки и весь какой-то пришибленный... Второго раненого Алексей не знал. Тот держался за живот. Посидел минуту и повалился назад, на спину. Ноги дернулись в судорогах, потом вытянулись.

Лыков отвернулся. Два солдата стояли и смотрели на него, ожидая команды. Ах, ведь он над ними старший...

– Вперед, ребята, – буднично, без всякого пафоса сказал им Алексей и первый полез наверх.

Там, однако, было нестрашно. На высотах уже хозяйничали наши. Турки бежали. Лыков понял, что ни разу не выстрелил во врага, и устремился вперед. Влетел в окоп, перелез через большого мертвого османа и выскочил на другой скат. Впереди, саженьях в ста пятидесяти, улепетывали синие фигуры в красных фесках. За ними не гнались. Алексей встал на колено, прицелился в ближайшего. Затаил дыхание – и нажал на спуск. Бах! Синий как бежал, так и продолжил бежать. Пока вольнопёр доставал новый патрон, пока заряжался, турки скрылись под горой.

Кто-то за спиной хохотнул. Лыков обернулся. Трое старослужащих сидели на бруствере и дымили трубками. Один сказал добродушно:

– Барин! Отпусти ты их, пусть бегут. Тоже ведь люди.

– Какой я вам барин, дяденька!

– Ну, не барин... Все равно отпусти.

Со стороны гор неожиданно появился вольноопределяющийся Гиляровский из четвертого батальона. Вид у него был расхристаный, глаза бешеные.

– Здорово, Леха! Скольких положил?

– Ни одного...

– Ну и плохо! Я вот троих снял!

– Троих? – не поверил Лыков.

– Троих.

Гиляровский пришел на войну добровольцем из провинциальных актеров. Он оказался с двойным дном: намекал, что человек бывалый, но

всегда недоговаривал. При этом был фантастически силен, решителен до наглости и хороший строевик. Еще в лагерях Гиляровский поборол всех силачей в полку. Лыков проиграл ему так же позорно, как и остальные. Но два вольнопёра из благородных сошлись. Владимир показал новому приятелю некоторые артикулы борьбы. А еще научил упражнениям, которые развивают силу мышц запястья и предплечья. Сам актер легко сгибал рубли и даже двугривенные, а из винтовки выбил «сверхотлично». Конечно, такой человек мог застрелить в бою троих... Алексей в очередной раз почувствовал рядом с ним свою неполноценность и поспешил сменить тему разговора:

– А ты, что, в охотники перешел?

Гиляровский был одет в горскую одежду и вооружен берданой.

– Ага! В полковую команду. Давай и ты к нам! Начальства мало, а приключений много. Эх! Только в охотниках и есть настоящая жизнь!

– А меня возьмут?

– Я похлопочу у Лешко. Это начальник охотников. А ты просись у Агафонова, он тебя отпустит. Ну, будь! Пойду трофеи возьму. Якши-яман, клади в карман!

И, нисколько не смущаясь, Гиляровский подошел к ближайшему мертвому турку, снял с него феску и нахлобучил себе на голову. Алексей оглянулся. Повсюду наши солдаты шарили по турецким ранцам. Кто находил табак, радовался и показывал соседям. Один сапер отыскал даже бутылку с коньячным этикетом! Нижегородец тоже хотел что-нибудь взять на память, но постеснялся. Где здесь граница с мародерством?

Раздались свистки фельдфебелей, офицеры собирали свои роты. Любопытные бродили по захваченным окопам. Убитых врагов оказалось немного. Турки опасались за артиллерию и взяли ее на передки еще до того, как в бою наступил перелом. Глядя на пушкарей, стала отходить и пехота. Уплыли и броненосцы, расстреляв свои огнеприпасы. Это решило исход дела. Потери атакующих были значительными, но, если бы турки не побежали так быстро, погибло бы еще больше. В целом Рионский отряд выполнил задачу с приемлемыми потерями. Генерал-лейтенант Оклобжио проехал по гребню Муха-Эстадских высот и поблагодарил войска. Было приказано закрепиться на позиции и выслать вперед разведку.

Еще через час, когда ушли все офицеры, Лыков увидел необычную сцену. Фельдфебель выстроил роту. Вперед вытолкнули двоих. Взводные унтера окружили пару и взяли в кулаки. Оказалось, эти двое оставили цепь во время атаки. Били трусов жестоко... А потом вернули в строй со словами, что при повторе будет военно-полевой суд. Лыков знал от отца, что это давняя традиция русской армии. Называлась она – домашнее воздействие. Провинившегося в бою в первый раз наказывает сама рота, без начальства. Большинство принимает урок и больше не дрейфит. Лишь изредка попадаете такой трус, что опять бежит с поля боя. Ему уже нет

прощения.

Вечером Лыков пошел к полуротному отпрашиваться в охотники. К своей радости, он увидел там ефрейтора Голунова.

– Ты как? – спросил Калина Аггеевич. – Штаны сухие остались?

– Вроде да.

– Ну, живой, и слава богу.

– Один раз только выстрелил, – признался Алексей. – Вроде бы и прицелился как надо, а не попал.

– Настреляешься еще, – утешил его ефрейтор. – Война завтра не кончится.

– А Гиляровский вон троих свалил!

– Это из четвертого батальона? Да он известный болтун!

– Нет, я верю! Он на медведей с детства ходит, стрелок отличный.

– То его грехи.

– Почему грехи? Война же!

– И на войне лишнего на себя не бери, – строго сказал Голунов. – Под пулями ты побывал, задачу выполнил, позицию захватил. Что еще надо? Зачем обязательно кого-то жизни лишать?

– Он, Гиляровский этот, зовет меня в полковую охотничью команду.

– В полковую? – впервые заговорил Агафонов. – Я против! Зачем вам туда? У вас, я заметил, есть военная жилка. Останетесь в роте, через полгода сделаетесь унтер-офицером. А охотничья команда для авантюристов. Да еще для таких, как Калина Аггеевич.

– А он не авантюрист? – не удержался от вопроса Лыков. Поручик улыбнулся:

– Нет. Голунов – натурный^[7] человек. Да к тому же опытный одиночный боец. Такие люди на вес золота, и их не надо использовать в общем строю. В разведке от них очень большая польза. От вашего Гиляровского, наверное, тоже есть польза. Но там много напускного, много хвастовства. Не удивлюсь, если Голунов тоже прихлопнул в бою несколько турок, но никому об этом не треплет. А, Калина Аггеевич?

– Турок я вам оставил, а сам искал черкесов, – ответил тот серьезно.

– Каких черкесов?

– Тех, что нашим охотникам головы отрезали.

– Нашел? – встрепнулся Агафонов.

– Нашел...

В голосе ефрейтора прозвучали зловещие ноты. В отличие от бахвалившегося Гиляровского он не приписывал себе подвигов, а скорее недоговаривал.

– И что?

– Кого догнал, того наказал, – лаконично ответил Голунов и перевел разговор на другое:

– Ваше благородие, – сказал он, – разрешите лучше Лыкова мне забрать! В команду левой колонны.

– Зачем? – насторожился поручик.

– Тут его этот актеришка испортит. Не выдержит Алексей, все равно уйдет в охотники. Уж лучше под мою руку.

Полуротный задумался. Прошелся туда-сюда... Только теперь Алексей заметил, что он прихрамывает.

– Контузило, пустяк, – сообщил Агафонов, перехватив его вопросительный взгляд. – Ну а вы, Лыков, что думаете? Куда больше хочется?

– Больше – к Калине Аггеевичу, – сразу же сказал тот.

Поручик вздохнул:

– Эх... Были бы вы военный человек, знали бы, как нужны в ротах кандидаты в унтер-офицеры...

– Я не хочу делать военную карьеру, – торопливо доложил Алексей.

– А чего ж тогда на войну пошли?

– Испытать себя. И послужить правому делу.

Агафонов посмотрел парню в глаза, словно хотел понять, где тот соврал. А может, его покорило «правое дело»? Наконец поручик сказал:

– Хорошо. Поступайте в команду левой колонны. Сочините рапорт, я отдам его на подпись капитану.

– Есть!

– И... держитесь там ближе к Калине Аггеевичу.

– Есть!

Так для вольноопределяющегося Лыкова началась новая жизнь на войне.

14 апреля Рионский отряд взял с боя позицию на высотах Муха-Эстаде и остановился для перегруппировки. Пассивная фаза затянулась на две недели. Это было вызвано отвратительным состоянием дорог в захваченной местности. Штабисты и интенданты с ужасом обнаружили, что на границах Турецкой Гурии все дороги кончаются. Начали четверить обозы^[8], но и это не помогало. Единственное удобное шоссе идет в Батум вдоль моря, и пользоваться им нельзя – обстреляют броненосцы. А в горах только вьючные тропы! Русские вступили в совершенно дикую горную страну Аджарию. Она не предназначена для военных действий крупными силами.

Северная часть Аджарии называется Кобулетия. Она, в свою очередь, делится на Верхнюю, горную, и Нижнюю, приморскую. Кобулетия населена воинственным и храбрым народом. Этнически это грузины, но принявшие магометанство. Кобулетцы ненавидят всех. Даже турок они едва терпят, как единоверцев. А православных уже много лет грабят и разоряют, воруют в Гурии женщин и детей, занимаются контрабандой. Молодчество развито в Кобулетии в высшей степени. Здесь разводить скот и заниматься земледелием считается делом чуть ли не позорным. Вот грабить и убивать – совсем другое! Настоящий джигит не опускается до мирной жизни. И таких джигитов там около десяти тысяч. Есть еще большой поселок Цихисдзири, населенный черкесами. В шестидесятых годах они бежали из Западного Кавказа в Турцию, спасаясь от русских штыков. Кто не смог убежать, погиб. Сейчас в самой Турции черкесы освобождены от воинской повинности. Вместо этого они охотно идут в иррегулярную кавалерию, в башибузуки. Ненависть их к русским общеизвестна. В османской армии они лучшие наездники и разведчики. Пленных не берут, раненых добивают с особой жестокостью.

Вот такие силы – кобулетцы и черкесы – стояли сейчас перед Рионским отрядом. У себя дома они знали каждую тропинку и каждое дерево. Театр войны представлял собой узкую полосу земли, зажатую с трех сторон горами, а с четвертой – морем. Вся она или поросла вековым лесом, или была непроходимым болотом. Малярия таилась под каждым кустом. Ядовитые испарения косили людей много быстрее, чем турецкие пули. Каждый день в отряде кого-то кусали ядовитые змеи, которые кишели здесь на каждом шагу. Тарантулы и фаланги заползали в палатки и жалили людей. Снабжение двадцатитысячного войска превратилось в неразрешимую задачу. Сена в Кобулетии нет вовсе, поскольку нет лугов. Лошадей пришлось кормить галой – местным просом – и стеблями кукурузы. Все привозилось из Грузии или даже России во вьюках. А много ли груза можно положить во вьюк? В Рионском отряде остро не хватало перевязочных материалов, лекарств и провианта.

Всего этого Лыков не знал. Его перевели в охотничью команду левой колонны, в подчинение к ефрейтору Голунову. Начальником всей команды был поручик Фокин. Он сразу понравился Алексею своим внушительным спокойствием. Среднего роста, подтянутый и вежливый со всеми, поручик походил на обычного штабк^[9]. Однако при штурме Муха-Эстаде он направил своих людей во фланг вражеской позиции. Как раз там, по наблюдениям разведки, сидели «ассакире-муавине». Так год назад переименовали башибузуков; в переводе это означало «подвижное войско».

Но от смены названия разбойники не стали добрее. В отряд входили преимущественно черкесы, но были еще курды и карапахи. Именно эти люди отрезали головы нашим охотникам. Фокин окружил их со всех сторон. Для этого поручику пришлось лично провести два отделения самых отчаянных за турецкие окопы. Когда началась перестрелка, ребята сидели тихо. А как только стрелковые цепи вышли к реке, ударили белым оружием, без выстрела. Черкесы почти все остались на поле боя. Их гнали и убивали до реки Ачкуа, чуть не захватив сгоряча еще одну турецкую позицию – на Хуц-Убанских высотах. В нужное время Фокин увел своих бойцов назад. И снова сделался вежливым и спокойным...

Жизнь Лыкова переменялась. Первым делом его переодели: в тесном мундире и тяжелых сапогах лазить по горам неудобно. Новичку вручили поношенный архалук со следами замытой крови и такую же потрепанную черкеску. На ноги он надел кожаные чупаки с суконными ноговицами. На голову водрузил черную, мелкого курпея, папаху с шерстяным башлыком. Еще выдали поршни – подошвы из толстой буйволово́й шкуры, с железными шипами. Поршни подвязывались к ногам веревками и предназначались для лазания по скалам. Из оружия Алексею достался трофейный черкесский кинжал, простой отделки, зато хорошей стали.

У Лыкова начались бесконечные занятия. С первых дней он попал в обучение к Голунову. Пластуны действительной службы – это же черти! В огне не горят и в воде не тонут. Калина хоть и отслужил уже срок, но навыков не утратил. Ефрейтор знал и умел столько всего, что Алексей поражался. Он стрелял из любого оружия, метал ножи, а нагайка в его руках была опасней шашки. Мог побороть любого в отряде, даже силача Гиляровского, используя странные необычные приемы. Часами сидел под водой, дыша через камышовую трубочку. Обходился минимумом еды, был способен не спать трое суток кряду. И видел в темноте, как кошка.

Калина стал учить Лыкова бесшумной ходьбе и маскировке в лесу. Еще наставлял, как пользоваться ножом и кинжалом. Одного из охотников обрядили в турецкую куртку, а на спине углем нарисовали лопаточную кость. Новички подкрадывались к нему и деревянным клинком старались ударить точно в сердце. Потом били спереди, пытаясь угодить между пятым и шестым ребром. После нескольких часов мытарств кинжал меняли на винтовку. Сначала учитель фехтования Закатальского полка натаскивал молодых охотников в обращении со штыком. Дядька имел три креста и легко управлялся один с несколькими противниками... Затем на смену ему приходил старший унтер-офицер Первого Кавказского стрелкового батальона. Этот учил стрельбе во всех видах: лежа, на бегу, в сумерках на

звук, навскидку... И всегда попадал в цель. Еще инструктор обучал солдат обращению с разным оружием. Помимо своих берданы, Крнка и Карле, изучили трофейные винтовки Пибоди-Мартини и Снайдерса. У последней максимальная дальность выстрела оказалась вдвое выше, чем у наших винтовок, а прицельная – в полтора раза. И металлический патрон вместо бумажного! Алексей захотел себе такую. Калина на это сказал: добудь сам, а я помогу. И они начали готовиться к походу во вражеский тыл.

Конечно, добыча винтовки была задачей вспомогательной. Требовалось разведать турецкую позицию на высотах Хуц-Убани.

Теперь русские и турецкие позиции разделяла новая река – Ачкуа. По ее берегам каждую ночь происходили кровавые стычки разведывательных партий. На той стороне вытянулись горы. Они напоминали Муха-Эстаде, но выглядели неприступнее. Поручик Фокин пояснил главную задачу: найти место для переправы артиллерии. В Рионский отряд входило отделение понтонного батальона. Оно имело на вооружении каучуковый мост, предназначенный для перевозки тяжелых грузов. Мост был один, и ошибиться в его расположении значило оставить пехоту без пушек. Искать броды опасно: в бурных горных реках они постоянно меняются.

Кроме этого, следовало изучить сами укрепления, выявить слабые места, расположение артиллерии и резервов. Начальство также требовало «языка» в чине не ниже унтер-офицера. Задача получалась архитрудная: форсировать реку, проникнуть на занятые врагом позиции и обследовать их, а на обратном пути захватить пленного. Да еще с лычками...

Поиск был поручен Голунову. Тот все обдумал, изучил карту, слазил ночью на берег Ачкуа. Затем перебрал каждого члена охотничьей команды, а их было полсотни человек. И остановил выбор на гурийце Ване Джаверидзе и Алексее Лыкове.

Джаверидзе был крепкий мужчина тридцати пяти лет, в мирной жизни – лесной объездчик. В команде он обучал людей лазить по горам. Бывалый и смелый, Ваня знал несколько туземных языков, хорошо стрелял и был отличным следопытом.

То, что в поиск назначен Лыков, удивило всех, кроме поручика Фокина.

После нескольких дней изнурительной подготовки Калина дал своим людям сутки отдыха. А утром повел их к горам. Косвенные приметы подсказывали, что скоро начнется наступление на Хуц-Убанские позиции. Начальству срочно нужны данные. Тянуть с разведкой дальше нельзя, поэтому хватит учиться, пора воевать...

По выходе из лагеря Голунов раскрыл своим подчиненным военную

тайну. Оказалось, что накануне вторжения русских войск владелец Аджарии Шериф-бей подписал с Россией тайное соглашение! Все его статьи ефрейтору никто, конечно, не выдал, но кое-что в штабе сообщили. В частности, люди Шериф-бея нарисовали, как смогли, карты местности. Той самой, где сейчас идут бои. Конечно, получились примитивные кроки, но в отсутствие других сведений им не было цены.

Теперь у разведчиков имелись важные ориентиры для поиска. На бумагах, что выдали Калине Аггеевичу, был нарисован Аджарский хребет с горным узлом Хино (8522 фута над уровнем моря). От него к Батуму отходит хребет Перанги, но пока начальству не до порта. Дай бог сначала подобраться к нему через горные отроги! А путь к конечной цели Рионского отряда преграждают три таких отрога: Чахатский (армия сейчас стоит на нем), Цихисдзирский и Чакво-Батумский.

Команде Голунова предстоит сильно углубиться в горы, почти до Чахаты. Этот горный узел много ниже Хино, всего 3310 футов, но он очень неудобен для любых передвижений. Зато там не будет лишних глаз и ушей. Даже кобулетцы сторонятся здешних скал. Местность там непроходимая.

От подошвы узла пластуны^[10] должны взобраться на отрог и по нему осторожно спуститься вниз. На гребне стоят три крупных туземных села: Хуц-Убани (по нему и назван весь отрог), Зенити и Кандиди. Между ними и раскинулись оттоманские позиции. Кроме турок, здесь полно местных жителей. Охотникам предстоит пройти гребень насквозь, запоминая все важное, и при этом не попасться. Ночью они ничего не увидят. Поэтому нужно затемно выбрать укрытие с хорошим обзором, весь световой день наблюдать оттуда, а ночью сменить пункт наблюдения. Учитывая протяженность высот, таких ночевок под носом у врага придется делать две. А на третью ночь необходимо обратно перейти реку, захватив по пути «языка».

Весь этот план Калина показал своим людям по выходе из лагеря. Пока не стемнело, троица продвигалась к горам по своей территории. Пришлось прикрываться лесом. Острая вершина Чахаты иногда виднелась из-за деревьев и, казалось, не приближалась. Но постепенно подъем стал труднее, а орехи сменились соснами. Наконец ефрейтор дал команду оставить мешки и ружья и подкрасться к берегу Ачкуа. Пластуны залегли в кустарнике. Голунов долго разглядывал противоположный берег в девятнадцатикратный бинокль. Алексей тоже старался увидеть что-то важное, но ничего не обнаружил. А вот Калина засек вражеский секрет. Три кобулетца с магазинными винтовками сторожили место, удобное для переправы. Пришлось вернуться в лес и опять тащиться к горам.

– Магазины! – возбужденно ахал Джаверидзе. – Ай, какая вещь! Говорят, там двенадцать зарядов, да?

– Пятнадцать, – поправил ефрейтор. – Двенадцать – в кавалерийских карабинах.

Вано совсем извелся от зависти.

– Это турки их вооружили, я знаю! У нас в целом отряде всего четыре магазинных ружья. А тут в одном месте три! Давай на обратном пути зарежем кобулетцев, а ружья заберем!

– Обратно мы будем переходить напротив Даашбары.

– Вах, началник! Давай перэделаем план! Здесь перэйдем, что тебе стоит?

– Нет, – твердо сказал Калина Аггеевич. – Мы должны пройти всю позицию из начала в конец. До того места, где отрог опускается в болото. Не возвращаться же потом обратно по турецким окопам из-за трех ружей! Мы зарежем этих ребят в следующий раз. Специально за магазинками придем и зарежем.

– Спецыально – это нарочно, да?

– Да.

– Обещаешь, что ми суда еще вэрнемся и забэрем ружья?

– Обещаю.

На этом Вано успокоился и дальше шел молча.

Через версту они снова вышли к броду и опять обнаружили замаскированный пикет. Очевидно, туземцы охраняли переправы через Ачкуа. Но чем выше в горы, тем речка мельче. Ее уже и здесь можно перейти почти в любом месте. Преградой была скорее не она, а высокий левый берег. И тогда Голунов решил форсировать реку там, где нет ни брода, ни тропы. Главное, чтобы в береговой скале имелась щель, в которую смог бы протиснуться человек. Через триста саженей такая щель нашлась. Ефрейтор полчаса наблюдал за окрестностями, приняхивался и прислушивался. Было тихо и безлюдно. Когда сумерки стали опускаться на сосны, он первым вошел в быстрый поток. Через минуту трое пластунов уже ступили на вражеский берег.

Расщелина в скале оказалась неглубокой. Дойдя до ее конца, ефрейтор заткнул полы черкески за ремень и ловко забрался на трехсаженную высоту. Вторым так же быстро поднялся Вано. Алексей с непривычки провозился чуть дольше, но тоже справился. Пока не стемнело окончательно, Голунов вел своих людей на отрог. Это было очень трудно: колючки цеплялись за одежду на каждом шагу. Если попался, главное было не дергаться. Требовалось замереть на месте и кинжалом отрезать ветку.

Если же начнешь вырываться, возиться, тогда в тебя вопьются сразу три-четыре шипа. И без посторонней помощи уже не выбраться.

Пластуны забрались на гребень, когда стемнело. На ощупь они нашли подходящую выемку в скале, почти пещеру, и укрылись в ней. Калина Аггеевич разбил время, оставшееся до утра, на три смены. Себе взял самую трудную, с двух до четырех часов, когда сильнее всего хочется спать. Разведчики намазались дегтем от комаров – и уснули.

Как только начало светать, они выбрались из пещеры и стали спускаться к морю. Голунов шел первым, Лыков вторым, Джаверидзе замыкал. По гребню тянулась убогая тропа, но она весьма облегчила путь. Калина нервничал: где тропа, там и люди. Поэтому он двигался в двадцати саженях впереди подчиненных. В себе казак был уверен, а тем требовалось время, чтобы спрятаться... Так они прошли три версты, пока не встретили первые признаки жилья.

Это оказались выгоны с овчарней, пустые. Но за ними ефрейтор углядел караульного. Осман в красной феске стоял на тропе, беззаботно куря трубку. Пластуны обошли его. Но еще через полверсты открылся приток Ачкуа, широкий и бурный. Над ним был переброшен мост, который тоже охранял часовой.

Ефрейтор укрыл свой отряд за кустом жимолости и знаком велел всем присесть. Лицо у него было озабоченное.

– Калына Аггеевич, дай его минэ! – взмолился Вано.

– Нет. Пусть часового снимет Лыков.

– Да он...

– Отставить!

Гуриец обиженно отвернулся. А вольноопределяющийся почувствовал, как у него мгновенно вспотела спина. Убить человека? Война, ведь сейчас война! Кругом враги, не до сантиментов. Значит, надо пойти и зарезать того турка. Потому что война...

– Зайди со стороны ручья, – посоветовал ефрейтор, внимательно глядя на Лыкова. – И чтобы не пикнул!

Алексей оставил винтовку и вещевой мешок, кустами обошел часового и стал подкрадываться к нему сзади. Сердце отчаянно стучало. Как вот – взять и убить? А вдруг рука дрогнет? Калина хотел спросить парня, сможет ли он сделать дело или лучше его заменить. Но так и не спросил. Видать, решил, что пора ему стать солдатом. Он прав! Ведь Лыков пошел на войну добровольцем. Надо отвечать за свои поступки. Надо зарезать врага. Ударить человека кинжалом в спину. Под лопатку, прямо в сердце. И это не подло, потому что идет война.

Так, уговаривая сам себя, Алексей подбирался к часовому. Странно, но тот его не замечал. Уроки бесшумной ходьбы пошли впрок. Вот до османа осталось всего две сажени. Рывок, удар – и дело сделано...

Клинок без единого звука вышел из ножен. Турок был упитанный мужчина лет сорока, с добродушным простым лицом. Что же он такой? Имел бы наружность злодея, взять его на кинжал было бы легче! Вот эдакие добродушные и поднимали на штыки болгарских женщин и детей, заверил себя пластун. Но не убедил. Кончать дядьку с трубкой ему не хотелось. Человек стоял, курил и любовался горным пейзажем. Живой и здоровый, полный сил. За что же его?

В последний момент Лыков перебросил кинжал из правой руки в левую, прыгнул на караульного и сильно ударил его сзади кулаком по шее. Так сильно, как только смог. Турок повалился ничком. Даже не охнул... Из-за жимолости выскочили Голунов с Джаверидзе. Лицо ефрейтора перекосила гримаса ярости. Он подбежал к турку, наклонился, ударил кинжалом в спину. Вытер лезвие об куртку, убрал оружие – и вдруг стал стаскивать с пальца убитого золотое кольцо. Алексей стоял и смотрел, не смея возразить. Ваню навел винтовку на тропу и страховал. Калина сорвал кольцо вместе с кожей и принялся обшаривать карманы. Что он делает? Но ведь так, наверное, надо? В разведке полагается забирать вещи противников?

В считанные секунды кубанец обчистил мертвого турка, снял с него под сумки с патронами и оттащил тело к высокому берегу ручья. Он делал все точно и безошибочно, как будто в сотый раз. Толчок – и покойник полетел в воду. Три фигуры быстро перебежали мост и снова двинулись к морю. Через сто шагов ефрейтор извлек из кармана трофеи: кольцо, кисет с табаком, перочинный нож и дешевые часы на стальной цепочке. Размахнулся – и зашвырнул вещи в пропасть. В ответ на недоуменный взгляд Алексея пояснил шепотом:

– Пусть думают, что это сделали кобулетцы. Они любители грабить убитых... Такие и союзника не пожалеют.

Сделал шаг вперед, потом вдруг остановился и сердито сказал через плечо:

– Гляди у меня! Чтоб следующего сам!

Трое двинулись дальше, стремясь быстрее уйти от ручья с убитым часовым. Но скоро пришлось свернуть в лес. Они добрались до густонаселенных мест. Убогая тропа превратилась в аробную дорогу, по которой в обе стороны шли и ехали люди. Причем кобулетцев было намного больше, чем турок. Как же проникнуть на военную позицию? Уже

сейчас всюду полно чужих глаз. Спрятаться, а вечером двинуться дальше? Однако у Голунова оказалось на этот счет другое мнение. Он вывел своих людей на боковую тропу и перестроил. Теперь впереди шел Ваню. Еще в лагере он снял чактуру^[11] и переоделся аджарцем. Калина следовал за ним. Он надел синюю куртку, подпоясал штаны красным поясом, а поверх него, как полагается у турок, надел еще черный. Всю эту амуницию ефрейтор вынул из своего мешка. Замыкающим поставили Лыкова с винтовкой Пибоди, добытой у моста. Издали они походили на местную милицию. Так разведчики прошли еще три с лишним версты. Никто не обращал на них внимания, а они незаметно изучали местность.

Лыков был как на иголках, хоть и старался не подавать виду. Они в тылу у противника! Если их опознают, надежды на спасение никакой... Замучают пытками до смерти, а труп потом еще и обезобразят. Ни начальство, ни товарищи не узнают, как разведчики сложили свои головы. И родители, стало быть, тоже. Алексею сделалось страшно, как никогда в жизни. Вот же турки, их вокруг все больше! Зачем идти дальше, на виду у такой прорвы врагов? Ведь рано или поздно кто-то непременно их окликнет, попытается заговорить, спросит, откуда они! Пора, давно пора прятаться! Вон подходящие кусты. Что творит Калина?!

Это были самые жуткие полчаса в жизни бывшего гимназиста. Кругом сновали вооруженные люди, ехали всадники, вскоре появились и земляные редуты. Трое пластунов все шли и шли. Но их походка была столь деловитой, а лица так спокойны, что никто не обратил на них внимания. Если бы Алексею рассказали про такое, он бы не поверил... А тут фантастическая история происходила с ним.

Необыкновенное напряжение, видимо, растратило нервы и Голунову. Он решил не испытывать судьбу. Отряд миновал Хуц-Убани, первое из трех селений на высотах, и приближался к Зенити. На равном удалении от обоих сел обнаружился заброшенный дом. Даже не дом – пепелище. Жилые строения выгорели полностью, а коровник уцелел, только кое-где обуглился. Поравнявшись с ним, Калина осмотрелся и скомандовал:

– За мной!

Три фигуры мгновенно шмыгнули внутрь. Ефрейтор укрыл своих людей на чердаке. Крыша коровника полуобвалилась, и образовались щели. В них удобно было наблюдать местность вокруг, оставаясь незамеченным. Идеальная позиция! Расположившись, Калина ослабил ремни и подмигнул Лыкову:

– Ну как, доброволец? С жизнью-то уже простился?

– Почти что, – признался тот.

– А ты не спеши. Нам погибать некогда, надо задание выполнять. Кстати, о задании. Лыков наблюдает обратные скаты, Джаверидзе – фронт до реки. Бинобль только у меня, поэтому я смотрю гребень в обе стороны. Все, что заметили, докладываете мне. Вопросы?

– Никак нет!

Началось их бдение. Уже через пять минут Алексей обратился к командиру:

– Калина Аггеевич, идут аскеры, около взвода. У них на куртках красные отвороты. Это кто такие?

– Все, кроме пехоты. Или кавалерия, или артиллеристы, или саперы. Что у них в руках?

– Кирки.

– Значит, саперы. Проследи, где и что они роют.

Чуть позже Лыков доложил, что турки копают какие-то две ямы возле дороги. Расстояние между ними – пятьдесят саженей, ямы неглубокие и обложены со стороны реки бруствером. Голунов глянул на них и зарисовал в блокноте два капонира для пушек. И точно, после полудня орудия встали на позиции. Калина дописал: полевые шестифунтовые.

Еще через четверть часа тот же Лыков сказал:

– Конные туземцы, но какие-то странные...

– Чем?

– Все в белых штанах. А на головах фески, но обмотаны черными платками с бахромой. И лошади идут как-то чудно...

– Это курды племени шаксевен, – пояснил ефрейтор. – Злой народ! К таким в плен попадать не советую. А лошади у них подкованы на все копыто цельным куском железа, «пятакон». Поэтому и ход необычный.

– Зачем на все копыто? – удивился Алексей.

– Так легче скакать в горах.

Ну все знает Калина Аггеевич! Лыков продолжил наблюдение и скоро доложил:

– А вон еще какие-то дядьки в шапках, как грибы!

Ефрейтор удостоил дядек самоличным обзором и выругался:

– Вот сволочь! Карапапахы.

– Племя такое?

– Нет. Карапапахами называется всякий сброд. Они разбойничают в Турецкой Армении. Османы наняли их на время войны, чтобы заместить свою регулярную кавалерию. Они еще хуже курдов! Преступники со всего Закавказья, беглые, кровники, дезертиры без роду-племени. Только их нам не хватало...

Пункт для наблюдений был выбран очень удачно. С чердака гребень горного отрога просматривался почти до конца. Удалось обнаружить резервы – два табора пехоты и отдельно роту талиа^[12]. Ваню зорким глазом выследил батарею горных орудий системы Витворда. Лыков на обратных скатах открыл лагерь иррегулярной кавалерии. Ода^[13] башибузуков численностью примерно в триста сабель прикрывала местность разъездами. Постепенно весь центр и правый фланг турецкой позиции были нанесены на карту. Алексея удивили окопы на прямых скатах высот. Они оказались мелкие – в русской армии такие назывались «до колена» и предназначались для временной обороны. То ли османы поленились копать глубокий профиль, то ли они не собирались сильно биться за позицию. Вольноопределяющийся спросил у командира. Калина Аггеевич, как всегда, внес ясность. Местность горная, сказал он. Слой земли тонкий. И это хорошо – легче будет выбить отсюда противника.

Жизнь на чердаке оказалась почти комфортной. Пластуны вскрыли консервы из баранины, заели сухарями и запили чихирем. Ваню сухари отверг и подкрепился чуреком. Малую нужду справляли прямо вниз, не слезая. Для большой пришлось спускаться. Получилось даже поспать по очереди.

Ближе к вечеру нервы разведчикам попортил какой-то невожатый башчавуш^[14]. Он пришел к коровнику с женщиной и все искал места, где бы им совокупиться... На чердак любовники, конечно, не полезли, а устроились внутри, чтобы их не увидели с улицы. Ушли через час, все измазавшись в копоты, и расстались прямо у плетня. Бабенка припустила в Зениты, а капрал не спеша двинулся вниз, к реке.

– Вот обидно! – выдохнул Калина Аггеевич. – Попадись он нам завтра, взяли бы с собой... Ну, другого сыщем. Пора выступать!

Троица выстроилась в прежнем порядке и двинулась к морю. Быстро стало темнеть. То там, то тут в сумерках двигались какие-то тени, ржали кони, турки тащили к лагерю упирающегося барана... На выходе из Зениты пластунов окликнули из темноты. Ваню ответил и добродушно засмеялся. Неизвестные хмыкнули, и разведка пошла дальше.

Двигаться в полной темноте по незнакомой местности трудно. Даже Голунов стал спотыкаться. Пришлось искать ночлега. Они сунулись в пустую пещеру, но там пахло табаком и мочой. Значит, сюда ходят. Поиски продолжили. Наконец попались два валуна. Они лежали в форме буквы «V», и между ними можно было спрятаться. Снова разбились на смены. Алексей долго не мог уснуть. Вокруг него шумел ночной лес. Кричали

чекалки (так наши солдаты называют шакалов), вдалеке тихо гудело море. Он в разведке! Рядом турки и злобные туземцы, которые пленных не берут. Страшно-то как... И при этом привлекательно, словно он, Лыков, угодил в книжку приключений. Но ведь это не книга, а подлинная жизнь! Если закрыть том, все кончится и вернутся обычные будни. А в жизни беды настоящие. Сунут парню кинжал в бок, оттуда хлынет кровь. И будет течь, пока он не умрет... Раз! – и нет целого мира. Точнее, мир-то как раз останется и даже не сильно изменится. Вот только в нем не окажется Алексея Лыкова, вольноопределяющегося второго разряда, пошедшего на войну добровольцем. Испытать себя захотелось? Вот, получи! Мог бы сейчас дремать в подбитой ватином палатке или стоять в карауле. Все равно среди своих и в безопасности. Нет, поперся в охотники. Дурак!

Под такие мысли Лыков заснул по-заячьи^[15], по меткому выражению пластунов. Ему приснились Благовещенская слобода, старинный монастырь и ярмарка на том берегу Оки. Отец вел его, маленького, за руку. Они шли по плашкоутному мосту покупать Лешке букварь. Только спустились к рядам, как вольноопределяющегося разбудили. Пришла его смена караулить.

В четыре часа утра отряд Голунова опять встал на тропу. Турки еще спали. Поэтому разведка беспрепятственно прошла их вторые эшелоны и остановилась у большого камня. Камень имел необычную округлую форму, напоминавшую ломберный стол, а в середине его было выточено отверстие. Калина Аггеевич сказал:

– Священный жертвенник! Отсюда до Кандиди полторы версты. Но нам туда не надо.

– А куда нам нада? – спросил Джаверидзе, нервно озираясь.

– Ищем, где спрятаться. Как вчера – на целый день. И чтобы был хороший обзор!

Пластуны стали нарезать круги, но ничего подходящего не находили. Делалось все светлее, появились люди, а укрытия не попадалось. Лыков предложил забраться на холм, поросший алычой. Холм торчал на склоне гребня и, казалось, идеально подходил для наблюдения. Но Калина возразил:

– Туркам он тоже подходит. Скорее всего, там у них днем появляются свои любопытные – присматривать за нашим лагерем.

С трудом разведчики спрятались в зарослях ежевики. Место по сравнению со вчерашним коровником было никудышное. Обзор, правда, хороший, но все на виду. Алексей впервые в жизни справил нужду лежа... Предложенный им холм действительно облюбовали турки. После

одиннадцати часов туда пришли два офицера с оптикой и не уходили до обеда. А пехотинцы и пушкарки без конца сновали вокруг ежевики. Вести разговоры было невозможно, и каждый старался запомнить свои наблюдения.

Даже из такой позиции пластуны сделали важные открытия. Они обнаружили на обратном скате целый полк низама. Низам – это регулярная пехота, хорошо обученная и вооруженная. Начальство считало, что против Рионского отряда воюют только части редифа, запасные войска, а весь низам стянули к главному театру войны, Карсу. И вот оказалось, что это не так. Более того, полк состоял из арабистанцев, лучшего у турок войска. Голунов опознал их по характерной манере носить шинели через плечо. Регулярный полк скрывался во втором эшелоне, нависая над нашим правым флангом. Именно там горный отрог круто спускался на равнину. Видимо, турки готовили отсюда контрудар. Наши войска пойдут вперед, полезут на высоты, а в это время им в подбрюшье ударит отборная пехота. Она отсечет тех, кто шел в авангарде. А потом, усиленная конницей, продолжит марш вдоль моря и отбросит весь отряд. Броненосцы помогут огнем. Хитро!

На том же конце отрога противник выстроил кольцевой наносной окоп [16]. Он прикрывал весь турецкий левый фланг и был рассчитан на целый батальон.

Еще разведчики обнаружили крупный штаб. Он занимал хутор посреди ореховой рощи. Туда-обратно постоянно сновали люди: ординарцы, курьеры, адъютанты. Цепь часовых охраняла рощу. Возможно, там была резиденция самого Дервиш-паши.

После полудня задымил множество костров, запахло варевом и свежим печеным хлебом. Турки сошлись к котлам с манерками. Тут-то их удалось посчитать, и довольно точно. После обеда началась сиеста. Все вокруг повалились спать, даже часовые. Какая беззаботность! В русской армии такого не увидишь... Воспользовавшись общей негой, Голунов отправил Ваню прогуляться вдоль реки. Надо же еще было найти место для понтонеров! Русские шляться возле турецкого лагеря не рискнули и просидели в ежевике до вечера.

Когда стемнело, вернулся Джаверидзе. Он не только осмотрел подступы к Ачкуа, но и выбрал место для возвращения. Храбрый гуриец прошел по берегу туда-обратно, заговаривая с кобулетцами. А у ближайшего брода засек турецкий пикет: чавуш и трое рядовых. То что нужно! Солдатиков нанизать на кинжалы, а унтера связать и перетащить к своим.

Голунов выразительно посмотрел на Алексея, и тот кивнул. Никто не сказал больше ни слова.

Дождавшись темноты, пластуны вышли из укрытия. Теперь их возглавил Калина Аггеевич. Команда благополучно спустилась к реке по крутому косогору. К пикету подошли не таясь. Вано балагурил, что-то весело рассказывая вполголоса. Ефрейтор отвечал ему на туземном наречии. Только за несколько шагов их окликнул часовой. Гуриец насмешливо фыркнул в ответ – и прыгнул. Раздался едва слышный всхлип. Алексей выскочил из-за спины Голунова и оказался лицом к лицу с рослым турком. Он сделал все, как учили. Рука с кинжалом сама пошла вперед... Клинок угодил точно в сердце. Турок ойкнул, словно удивленный ребенок. Схватился за лезвие, порезал руку и отдернул ее. А потом молча упал на колени. Рядом боролись люди, звякнула сталь, но крикнуть никто из пикета не успел. Через несколько секунд все было кончено.

Алексей стоял и смотрел на противника сверху вниз, сжимая кинжал. По его пальцам стекала теплая липкая кровь... Турок все пытался поднять голову и не мог. Потом он завалился на спину. Готов... И душа не отлетела... А если и отлетела, то Алексей этого не заметил.

Вольноопределяющийся осмотрелся. Пока он глазел на свою жертву, его товарищи успели не только прикончить остальных солдат, но и связать чавуша. Тот мычал сквозь кляп, глаза у него были перепуганные. Голунов показал турку кинжал. Потом сказал вполголоса, успокаивая пленного:

– Кардаш^[17], хоп!

Унтер согласно кивнул. Его толкнули в спину. Четыре человека шагнули в черную ледяную воду. Река, как все здешние потоки, оказалась неширокой и мелкой. Вскоре разведчики с пленным уже оказались на нашем берегу. Русский секрет догадался не стрелять, услышав негромкое «свои!».

Мокрый по пояс, усталый, Лыков шел последним. Вот и кончилась опасность. Они дома, среди русской армии, и они выполнили приказ. Даже с «языком» все получилось отменно. Калина Аггеевич и Вано сделали, как надо. Вчерашний гимназист был у них на подхвате... Ну и что? Для первого раза неплохо.

А еще он убил человека. Нельзя было не убить, пришлось. Куда денешься? Алексей шел и тупо, будто спросонья, удивлялся сам себе. Погубил живую душу и не чувствует совершенно раскаянья... Не жалко совсем этого долговязого турка? Не жалко. И не тошнит. А в книгах про войну пишут, что всех, кто впервые убил, выворачивает наизнанку. Ничего этого нижегородец не испытывал. Но что-то в нем все-таки переменялось.

Что-то другое, чего раньше не было, поселилось внутри. Лыков подумал – и понял. Он ожесточился.

Когда разведка вернулась в лагерь, Алексей и Вано повалились без сил. А двужильный Калина Аггеевич вместе с поручиком Фокиным ушел на доклад к начальству. Его рапорт слушал сам генерал Оклобжио. Открытие сильных резервов на левом фланге противника было очень важным. Из-за него пришлось переделывать всю диспозицию боя. Три батареи 41-й бригады сосредоточили напротив Кандиди, чтобы поймать контратакующий низам в артиллерийскую ловушку. А главный удар перенесли с центра позиции на наш левый фланг, ближе к горам. Местность там трудная, проходима только для пехоты. Зато, сбив турецкие посты и ворвавшись на гребень Хуц-Убани, атакующие завернут к морю. И погонят противника вдоль по гребню и вниз, к Батуму. Резерв испугается окружения и драпанет первым, за ним кинутся и остальные. Высоты можно будет захватить без больших потерь, самой угрозой обхода.

Всего этого Алексей не знал. Проснувшись утром, он обнаружил, что его товарищи собираются в бой. Никто не дал разведке отдохнуть. Все охотничьи команды Рионского отряда были собраны на левом фланге – там, где два дня назад они с Голуновым переправлялись через реку. В одиннадцать часов до полудни шестьсот отчаянных людей бросились в атаку. Они мгновенно форсировали Ачкуа и взбежали на гребень. Турки не ожидали тут наступления и выставили лишь слабые заслоны. Одновременно по фронту открыла пальбу наша артиллерия, а пехота рассыпалась в цепи. Османы приготовились отбивать атаку и не подкрепили свой правый фланг. Но это была не атака, а только демонстрация. Цепи достигли реки и остановились, дальше не полезли. А вот со стороны гор был нанесен быстрый и сильный удар. Охотники облическим^[18] движением вышли во фланг туркам. И рассекли их позиции на всем протяжении, идя вдоль фронта. Те, кто сидел на прямом скате, готовясь оборонять переправы, оказался в окружении. Резервы с обратных скатов были отрезаны от пехоты в окопах. Полк низама высунулся было на равнину и тут же попал под страшный огонь наших батарей.

Штаб Дервиш-паши потерял управление боем. Зная его расположение, охотники направились прямо туда. Командный пункт пришлось срочно эвакуировать. Русские захватили штабной гелиограф, прислуга которого бежала. Кроме одного аскера. Он остался при аппарате и пытался его оборонять. Наши охотники – храбрые люди и умели ценить храбрость в других. Отважный турок был им симпатичен, его долго не хотели убивать,

пытались взять живым. Но тот не сдавался. Когда он тяжело ранил одного из охотников, тут уж остальные рассвирепели и порубили смельчака в лапшу...

Лыков чудом выжил в этой бешеной атаке. Он в числе первых вбежал на гребень и сразу же застрелил из трофейной Пибоди бородатого турка. Дальше заряжаться было некогда, началась рукопашная схватка. Следующего османа вольноопределяющийся ударил в грудь штыком. Тот схватился за цевье. Алексей вспомнил урок инструктора и ногой оттолкнул жертву, успев выдернуть винтовку. Что было дальше, он не смог потом вспомнить... Куча-мала какая-то. Вокруг кричали и дрались, и оружием, и голыми руками. Вскоре Лыков остался без ружья и бился кинжалом. Его пытались душить, пробили бешмет на левом боку и сильно расцарапали ногу. Он вдруг с удивлением обнаружил, что ловок и силен. А еще удачлив. Когда пришлось перейти на кулаки, османы падали с первого удара. Один, совсем обезумевший, свалился, но потянул Лыкова за собой. А потом на земле пытался загрызть, будто собака. Едва оторвав его от своей шеи, Алексей задушил противника. Может, и не до смерти – некогда было разбираться, но тот посинел и обмяк. А нижегородец встал, подобрал Пибоди и побежал дальше. Он забыл про страх, озверел и искал лишь, кого еще убить...

На подступах к Зенити охотников встретил сильный заслон. Турки дрались мужественно. В перестрелке Лыков извел весь запас, – те два подсумка, что он снял с турка на мосту, – и штурмовал селение лишь с холодным оружием. Опять пошла рукопашная. В него трижды стреляли в упор и всякий раз промахивались. Он бежал, уворачивался, бил и резал – а сам ни о чем не думал. Всего один раз мелькнула мысль, что его как будто учат плавать, кинув сразу на глубокое место...

Новичок выжил. Он забрал патроны у мертвого и пошел дальше по гребню. Из тех, кто начинал атаку вместе с ним, не осталось почти никого. Охотники понесли самые большие потери в отряде. Когда они разрезали вражеский фронт повдоль, настоящего окружения не получилось. В окопах дрогнули не все. Слабые сдались, а сильные пошли на прорыв через гребень. Их оказалось много. Турецкий аскер вообще легко впадает в панику. Но он может быть и храбрым. Когда такие храбрецы собрались вместе, они легко прорвали жидкую цепь охотников. И ушли по обратным скатам за реку Кинтриши. В плен попали весьма немногие.

Тем не менее прорыв вдоль гребня решил исход боя. Войска Дервиш-паши отступили на юг, на Цихидзири. Уже через два часа русские полностью заняли Хуц-Убанские высоты.

Через день на Кинтришской поляне выстроились все свободные от караулов части отряда. Возле походной парусиновой церкви отслужили молебен. Тут же отпели погибших. После команды «накройсь!» было объявлено, что отряд переименован из Рионского в Кобулетский – в ознаменование заслуг войска. Действительно, после бегства с Хуц-Убани турки очистили затем все пространство до Цихисдзирской горной системы. В том числе в руки русских перешел городок Кобулет, иначе именуемый Чурук-Су.

Генерал-лейтенант Оклобжио вручил награды особо отличившимся. В числе прочих Калина Голунов получил знак отличия военного ордена четвертой степени – солдатский Георгий. Ведь именно его разведка выявила вражескую диспозицию, что позволило правильно распределить силы. Ваню Джаверидзе, на правах кавказца, украсился медалью «За храбрость»^[19]. Лыкову не дали ничего.

Однако после взятия второй линии турецких укреплений ситуация для русских только ухудшилась. Муха-Эстаде и Хуц-Убани представляли собой плоские высоты по берегам горных рек. Они заканчивались на равнине, их можно было обойти по суше. Новые позиции противника были много сильнее. Они состояли из двух горных хребтов, обрывающихся в море. Над рекой Кинтриши высился кряж Самеба со Столовой горой. За ним протекала другая речка, Кинтыши, а за ней тянулся высоко вверх гребень Квирик. Все вместе это называлось Цихисдзири. Комбинация двух рек и двух хребтов, из которых второй господствовал над первым, делала позиции турок неприступными. Карт местности у русских не было. Противник отступил с артиллерией и резервами. По слухам, он получил подкрепление из Анатолии.

Кобулетский отряд теперь располагался на обширной Кинтришской поляне, посреди Испанских болот с их малярийными испарениями. Противник с высот контролировал местность. Пришлось рыть окопы и блиндажи. Охотничьей команде левого фланга повезло больше других. Поручик Фокин поставил свои палатки недалеко от селения Верхние Кобулеты. Здесь болот не было, а лес давал укрытие от вражеского огня. На несколько недель установилось относительное спокойствие. Обе стороны копили силы и готовились к новым боям. Воевала, и очень активно, только пешая разведка. В одной из стычек Голунов спас своему ученику жизнь. Они наравались на парный пикет лазов-башибузуков. Туземец успел выстрелить первым. Пуля чиркнула Алексея по голове, и он упал без сознания. Когда очнулся и с трудом поднялся, увидел, как ефрейтор в одиночку бьется с двумя противниками. Дела лазов оказались плохи:

одного Калина убил, а второго взял в плен. Нижегородец поблагодарил командира, но тот лишь отмахнулся...

Лыков освоился в отряде. Атака 29 апреля унесла много жизней. Пришли новички из резерва, и среди них девятнадцатилетний парень выглядел опытным охотником. Почти каждую ночь он уходил за Кинтриши. К середине мая на счету Алексея уже было пять «языков» и еще несколько диверсионных рейдов. Как-то раз они с Ваню вырезали пикет из трех кобулетцев. Потом оказалось, что среди них находился сам Али-паша Тавдгиридзе, брат владельца Нижнего Кобулета Осман-паши. Лыкову достался богато отделанный кинжал работы самого Уллу Базалая. В пару к нему шел двенадцатизарядный карабин Винчестера, каким у турок была вооружена сувары^[20]. Помимо трофеев вольнопёр заслужил также ненависть туземцев. Осман-паша объявил убийц брата своими кровниками и пообещал награду за их головы. Фокин приказал Алексею несколько дней отдохнуть.

Но прежде того магазинка помогла вольноопределяющемуся получить награду. У впадения Кинтыши в Кинтриши образовалась ничейная земля. Горы здесь кончались, и на узкой полосе равнины сходились в поединках удалыцы с обеих сторон. Армии наблюдали эти поединки, переживая за своих. Но однажды наш казак выехал на бой, а на него напали сразу пятеро черкесов. Они убили станичника и отрезали ему голову. Осерчал весь Кобулетский отряд, а вызов принял именно Лыков. Он взял у казаков на время лошадь, привычную к выстрелам. Поупражнялся день. И выехал на ничейную землю, спрятав винчестер в чехле.

Нижегородец намеренно рисовался. Он скакал юргой – особым кавказским аллюром. Юрга – нечто среднее между шагом и рысью. Ее выработали на Востоке для неспешных поездок, чтобы себя показать и других посмотреть. Встав на середине ничейной полосы, Алексей бросил поводья, сел по-чеченски^[21] и достал газетку. Вид у него был вызывательный.

Головорезы не заставили себя долго ждать и явились за легкой добычей. Многозарядной винтовки они не ожидали и были безжалостно расстреляны. Винчестер делает пятнадцать выстрелов за сорок пять секунд... Не спасся никто. Назавтра Оклобжио вручил вольноопределяющемуся Георгиевский крест. А Лыков навлек на себя ненависть еще и черкесов. На всякий случай он был на время отставлен от поисков.

Непрошенный отпуск Алексей проводил в палатке начальника команды. Сюда же прибилась и кобель по кличке Мухтарка. Дервишка погиб

от шрапнели еще при атаке Муха-Эстаде, и остался только Мухтар. Ночью он помогал секретам караулить реку и получал за это довольствие. А днем лежал у входа в палатку и рычал на незнакомых.

Палатка у главного охотника была турецкая, конусообразная. Она много удобнее русской: в ней почти везде можно стоять в полный рост, в то время как в нашей – лишь возле опорного столба. Фокин ежедневно принимал у себя двух гостей. Одним был поручик Колюбакин из Первого Кавказского стрелкового батальона. Вторым – бывший командир Лыкова поручик Агафонов. Он сдал свою полуроту и был назначен полковым адъютантом александропольцев. Все три поручика готовились после войны поступать в Академию Генерального штаба. Всех троих отличали самостоятельность суждений и большой кругозор.

Лыков, хоть и считался рядовым, присутствовал на беседах приятелей. Как потомственному дворянину, офицеры подавали ему руку. За душистым ананасным коньяком, еще одним трофеем охотников, проходили серьезные разговоры. Слушая их, нижегородец узнал много интересного и на многое стал глядеть иначе.

Наибольший скептицизм проявлял Фокин. Стройный, подтянутый, он всегда носил тонкую дачковую черкеску и серый архалук. На серебряных погонах – малиновый пластунский просвет. Незнакомец заподозрил бы в нем ряженого, так не вязалось с горским костюмом его интеллигентное лицо. Наружность поручика была обманчивой. Фокин держал себя в бою с ледяной храбростью, удивлявшей даже старых кавказцев. Свою команду он никогда не цукал. Однако сотня отчаянных, никого не боявшихся людей выполняла его приказы бегом.

Однажды Фокин заявил:

– Чего мы уперлись в эти горы? Нам никогда их не взять, только людей положим. А главное, и незачем их вообще захватывать!

– Как это?! А Батум? Оттяпаем Цихидзирскую позицию, и Батум наш! – оппонировал не без иронии Колюбакин.

– А зачем он вам, Борис Михайлович? Господство на море все равно у турок. Что нам даст захват Батума?

– Ну... они не смогут снабжать через него свой корпус!

– Да, морем не смогут. Будут снабжать сушей.

– Хорошо, но мы решаем и другие задачи, – не успокаивался стрелок, хотя по нему было видно, что он согласен с охотником. – Например, отвлекаем на себя силы противника. Чтобы он не мог использовать их на главном театре, в Ахалцыхе.

Тут Лыков поежился, и Агафонов сразу же спросил его:

– Наш молодой слушатель с чем-то не согласен?

– Нет, что вы! – ответил тот. – Я только подумал, что этим и вызвано раздражение поручика Фокина. Тем, что мы сидим на второстепенном участке войны. Здесь комары, дикие джигиты, скудное снабжение и мало дают наград. А судьба Кавказа решается за Аджаро-Саганлукским хребтом.

– Вы отчасти правы, Алексей Николаевич, – согласился Фокин, впервые назвав вольноопределяющегося по имени и отчеству. Отчего тот сразу же загордился... – Жаль торчать в этой дыре, в стороне от больших дел. Телеграфисты сообщили: вчера нами взят Ардаган. Войска Эриванского отряда подошли к Карсу. А мы? Воюем здесь два месяца и продвинулись вперед на пятнадцать верст. Потеряв только убитыми тысячу человек. Глупая война, никому не нужная!

– Почему же ненужная? – возразил Агафонов. – Не будь нас здесь, турки высадились бы около Поти и перерезали Поти-Тифлисскую железную дорогу. А оттуда прямой путь через Сурамский перевал сразу на Тифлис, в тыл нашей армии.

– Подождите, они еще высадятся, – желчно ответил охотник. – Накаркаете, не дай бог! Вы все, господа, неверно меня понимаете. Я не против войны в этих жутких местах. Я против наступательной войны!

Все сразу затихли. И не потому, что в словах поручика была критика действий начальства. В этой палатке не боялись чужих ушей и любили думать самостоятельно. Однако мысль охотника была в высокой степени разумной. И было очень странно, что ее не разделяют генералы...

– Поясню свой тезис, – продолжил Фокин. – Чтобы защитить русское побережье от десанта^[22], не надо атаковать турок в горах! Гораздо умнее вызвать их атаку на себя. Обороняться в этой местности намного проще. Меньше будет людских потерь. Весь театр войны Кобулетского отряда по размерам подобен волости. Даже не уезду, господа, а волости. Лазистанский санджак^[23] – это прямоугольник размером примерно сорок пять на тридцать верст. А мы положили тут уже столько жизней! За ради чего?

– План предусматривал в том числе и оборону, – подал голос Колюбакин. – За нашими спинами целых пять оборонительных позиций! Высоты Эскадио перед Озургетами, линия обороны на Гуриамтском хребте, затем на Чахатурском хребте, следующая на Саджавахской ветви, и последняя по течению реки Рион. Эта позиция самая мощная, а с фланга она обеспечивается Потийскими укреплениями.

– Вот там и надо было оставить отряд! – в один голос крикнули

Агафонов и Фокин.

– Господа! – воскликнул стрелок. – Вы отказываете нашему генералу в военной жилке. Но он же солдат! Настоящий, проверенный в боях. И, как каждый солдат, он хочет внести свой вклад в победу. Это свойство любого военного человека: желать, чтобы его участие было как можно более весомым!

– Эх, Борис Михайлович, – вздохнул Агафонов. – Вашими бы устами да кизлярку пить... Я тут по должности полкового адъютанта стал меньше бывать в окопах и больше в штабах. И скажу вам одно: в окопах-то лучше. И люди там чище. А штабы хотят орденов и чинов. Как так: их товарищи взяли Ардаган! Надобно и им что-нибудь отхватить!

– Я как раз об этом, – подтвердил Фокин. – В штабе Оклобжио четыре генерала на семнадцать тысяч штыков. Все рвутся в бой. От меня требуют знаете чего? Не поверите! Чтобы я занизил в своих отчетах численность противника!

– Не может быть!

– Увы, господа. Именно так. Я считаю на Цихидзири двадцать тысяч противника, и еще десять на Ципнарских и Кахаберских высотах.

Тут Агафонов повернулся к Алексею и пояснил:

– Это две укрепленные позиции турок на пути к Батуму.

– Простите, Иван Сергеевич, – сказал Лыков. – Я вижу отсюда два гребня системы Цихисдзири: Самеба и Квирик. За ними что, еще два укрепленных рубежа?!

– Даже три. Если верить владельцу Аджарии Шериф-бею. Ваш начальник забыл упомянуть Каялыкскую позицию, которая обрывается прямо в море.

– И... как же мы все их возьмем? – осмелился спросить вольноопределяющийся. – Это же горы. Там черт в свайку играл!

В палатке повисло тягостное молчание. Потом Фокин нехотя пояснил:

– Взять все три позиции невозможно.

– Зачем тогда штурмовать Цихисдзири? Я же вижу, что готовится атака. Ну, положим мы половину отряда и захватим Самеба. Может, даже Квирик оттяпаем сгоряча. А что потом?

– Не знаю, – раздраженно ответил поручик. – Потом нас всех похоронят.

– Валентин Осипович, ты сказал, что оцениваешь силы турок на всех оборонительных рубежах в тридцать тысяч человек. Верно я тебя понял? – вернулся к старой теме Колюбакин.

– Да, – подтвердил Фокин. – Без туземной милиции! Оценка

приблизительная. Чтобы уточнить цифры, надо делать глубокую разведку. Я ее как раз обдумываю.

И многозначительно посмотрел на Лыкова. Тот насторожился, но промолчал.

– Глубокая – это как понимать? – спросил Агафонов.

– Ну, почти до Батума. Как минимум до мыса Каялык.

– Ага... Сам пойдешь?

– Вот еще Алексея Николаевича возьму и Голунова с Джаверидзе. Лучшие мои люди.

– Но зачем ты? Пусть сходят без тебя! – резко заявил Колюбакин. Однако начальник охотничьей команды осадил его:

– Ты бы хоть Лыкова постеснялся! Он должен идти на смерть, а я нет?

– Ты командир.

– Именно поэтому и пойду. Люди, которых я назвал, и так через день лезят в тыл к османам. А я руковожу ими отсюда... Но поиск, который необходим, особенный. Он должен осветить глубокий тыл противника. И без офицера охотники не поймут обстановки. Это не пушки на батарее пересчитать! Требуется разведать военный потенциал всего Батумского корпуса. Тылы, обеспечение, состояние дорог, регулярные и милиционные резервы, план обороны, настроение войска... Увидеть все это, проанализировать – и вернуться. Вернуться для того, чтобы отговорить Оклобжио от штурма. И спасти тем тысячи жизней. Теперь понял? Только после такого поиска у меня на руках будут факты. Ради этого стоит и рискнуть собой.

– Тридцать тысяч противника! – воскликнул нижегородец. – И сидят на горах. Как мы с семнадцатью тысячами собираемся атаковать их из долины?

– В том все и дело, – терпеливо пояснил Фокин. – Генерал Засс, например, считает, что я преувеличиваю и что турок там вдвое меньше!

– Сходил бы он сам в поиск! Готов провести его ночью за Кинтриши. Пусть посчитает!

– Эх, Алексей Николаевич... У вас на погонах пока нет и одного басона. У нас же троих хоть и звездочки, но с обер-офицерскими просветами. И наше мнение обычно не спрашивают, когда готовят операцию. Я неделю отстаивал перед Иваном Дмитриевичем ^[24] необходимость глубокой разведки. Сегодня утром доказал. Так что начинайте готовиться. А турок перед нами действительно очень много. Плюсуйте к ним милицию, и превосходство станет подавляющим.

– Девять тысяч кобулетцев? – скривился Колюбакин. – После того как

мы взяли Хуц-Убани, они дезертировали и разошлись по домам. Можешь их вычесть.

Фокин молча полез за своими записями, развернул и показал оппоненту:

– Вот! Тысячу человек собрал Осман-паша Тавдгиридзе, кровник нашего уважаемого вольноопределяющегося Лыкова...

Поручики дружно усмехнулись.

– К ним надо добавить восемьсот чаквцев, столько же мачахальцев, двести пятьдесят черкесов из поселка Цихидзири, почти тысячу лазов Елин-бея Хаджи-оглы. Итого четыре тысячи храбрых людей, каждый из которых отличный боец. А теперь плюсуем те девять тысяч верхних кобулетцев, которые якобы разошлись по домам. Сколько получаем? Тринадцать тысяч одних лишь туземцев! Не намного меньше, чем весь наш отряд.

– Откуда такие данные? – помрачнел Колюбакин.

– Голунов позавчера притащил сумку убитого интенданта. Там лежали сведения по количеству рационов для милиции. Так что цифры верны. А сам турецкий корпус? Среди нашего генералитета принято считать гололобых ^[25] слабым противником. Мы-де всегда их били, будем бить и дальше...

– А разве не так? – опять полез в спор поручик стрелкового батальона.

– Борис Михайлович изволит шутить, – мрачно ответил командир охотников. – Он и сам прекрасно знает, что турки стали сильнее. Много сильнее!

Колюбакин вздохнул:

– Увы, знаю... С появлением казюзарядных винтовок. А магазинное оружие вообще произведет переворот в военном деле. Турки хорошо окапываются, стойко обороняются и не жалеют патронов. А наши генералы действительно мыслят устаревшими категориями. Раньше противник успевал сделать один залп. Кавказские полки привыкли к подобной тактике. Они встречали этот залп грудью, смело. Кто оставался жив, бежал вперед и брал врага на штык. Это всегда срабатывало. Теперь иначе! Революция в артиллерии и в стрелковом вооружении все перевернула. Австро-прусская и франко-прусская войны дали тому подтверждение. Многозарядные винтовки из земляных укреплений сделают бессмысленной любую атаку. Потому мы и не можем взять Плевну! Обычный городок, но окруженный окопами. И в них храбрые турки с магазинками. А тут? Горы в четыре ряда. А на горах редуты. Как их брать? А главное, зачем? Так что, Валентин Осипович, дай тебе бог успеха. Иначе все тут останемся. Я,

конечно, военный человек. Надо будет умереть – умру. Но если уж помирать, так с пользой. А без пользы страшно...

Офицеры переглянулись и быстро разошлись. Охотники стали готовиться к глубокой разведке. Так далеко в тыл противника они еще не заходили. Требовался проводник из местных. И такой проводник нашелся.

В лагерь пластунов явился кобулетец Угоричидзе. Он был перебежчиком. Туземец рассказывал, что имеет дом на ручье Дегва между Цихидзирской и Ципнарской позициями. В самом сердце турецкой обороны! Угоричидзе брался привести разведчиков туда, укрыть их на пару дней и помочь в сборе сведений. У него будто бы имелось много родственников, готовых за деньги послужить русским. Слова перебежчика звучали правдоподобно. Золото и не такие чудеса творит! Кобулетец предложил поручику Фокину взять тысячу золотых и довериться ему.

Проводник не понравился охотникам. Неприятный напыщенный человек с бегавшим взглядом... Как положиться на такого? Но Угоричидзе называл поручика Фокина своим кунаком и всячески лез ему в душу. И Валентин Осипович почему-то терпел туземца – в соответствии с традициями старых кавказских полков. Там куначество с немирными горцами было в порядке вещей. Кунак отвечает за своего гостя головой, а за самого горца отвечает весь его род. Случаи предательства исключительно редки. Опозорить фамилию желающих немного. И поручик доверился кобулетцу.

Кунак объявил, что у него готов проход на турецкую территорию. В версте выше моста через Кинтриши, напротив правого фланга позиции Самеба, есть узкая расщелина. Русские никогда ею не пользовались – далеко. А место очень удобное. Расщелина пронзает скалы насквозь, потом переходит в длинный овраг. Тот огибает высоты и упирается в Кинтыши. Можно миновать сторожевку^[26], не выбираясь наверх! Овраг зарос колючкой, туда не суются даже лисы. Турки тоже не полезут. Трудно, зато очень ловко!

Фокин подумал, покопался в кроках Шериф-бея и согласился. А Голунов молча выслушал и куда-то ушел. Вечером Алексей поймал его и спросил:

- Мы что, так и полезем к черту в пасть?
- Неохота? – осклабился ефрейтор.
- Да ведь нельзя верить этому человеку!
- А поручик Фокин верит, – ответил Калина Аггеевич.
- Надо что-то делать. Иначе все пропадем!
- Не бойсь, вольнопёр! Все уже придумано.

– Кем? И что? – попытался выяснить Алексей. Но Голунов отшутился и стал собираться в разведку.

Вечером пять человек вышли из лагеря и двинулись вверх по реке. Лыков с Голуновым сняли кресты и отдали в штаб. Но на «газах»^[27] у них были нашиты Георгиевские ленты, их охотники оставили. В случае неудачи за такое отличие с них с живых сдерут кожу. Но сдаваться смельчаки не собирались, а мертвому все равно...

Быстро темнело. Вот остался позади мост. Неожиданно, не доходя до расщелины, Калина резко развернулся. И ударил шедшего сзади туземца кинжалом в сердце. Тот успел взяться за шашку, но Ваню сзади схватил его под локти и держал, пока кобулетец не умер.

Фокин беззвучно вскрикнул, Алексей тоже опешил.

– Что это значит? – шепотом спросил поручик.

– Это значит, ваше благородие, что Угоричидзе вел нас в засаду, – ответил Голунов.

– Почему ты так решил?

– Мы с Ваню вчера проверили ту расщелину. Зашли сзади и послушали. Там сидят двадцать джигитов, нас дожидаются!

– Ваню, это так? – повернулся Фокин к гурийцу.

– Так, твое благородие. Подлый челавак твой кунак. Вел нас прямо на кинжалы!

Охотники отошли подальше от реки, и Голунов с Джаверидзе подробно все объяснили. Перебежчик слишком пожадничал. Он решил разбогатеть одним махом: завести в засаду кровника Осман-паши и заработать награду за его голову. Оружие, найденное на Лыкове, подтвердило бы его вину. Одновременно хитрый кобулетец получил бы вторую награду – за офицера. А тысячу золотых пятерок он намеревался разделить с родственниками, которые сидели над расщелиной и ждали добычи. Но Угоричидзе не учел характера Калины Аггеевича. Бывший казак печенкой чувствовал опасность и не верил перебежчикам. Они с товарищем обошли место перехода с другой стороны. И наткнулись на коноводов с двадцатью лошадьми. Все сразу стало ясно.

Пластуны перешли реку уже в темноте, намного выше засады. Здесь Цихисдзирская горная система отбрасывала к северу и северо-западу два отрога: Самеба и Квирик. Сама она шла далее до самого моря, куда и падала скалистыми обрывами. Долина в форме треугольника, затаившаяся между отрогами, очень интересовала Фокина. Это было идеальное место для сосредоточения ближних резервов. Спускаться в нее ночью было слишком опасно, и разведчики спрятались в соснах. За час до рассвета они

двинулись вниз.

Никогда еще Лыков не видел столько войска. Долина оказалась набита кавалерией и пехотой. Судя по молодым рослым аскерам, здесь прятались части низама, а не запасные полки. Легендарная беззаботность турок помогла пластунам. Они прошли разграничительными линиями, где каждый часовой считал, что неизвестные идут не по его участку. Возглавлял колонну гуриец, выдававший себя за кобулетского милиционера. Отряд быстро прошагал долину насквозь и забрался на склон Квирик. Дальше идти было опасно. Русские спрятались под кучей валежника, а Ваню отправился осматривать местность.

Укрытие оказалось плохим. Дважды появлялись турки с топорами, брали топливо для костров. Разведчиков чудом не заметили. Они досидели до сиесты и перебежали в колючки. Ходить сюда желающих не было, и вторая половина дня прошла спокойно. К вечеру вернулся гуриец и не сразу отыскал товарищей. Он принес чуреки и вино. Подкрепившись, отряд двинулся дальше.

Поручика Фокина интересовали теперь Ципнарские высоты. Чтобы попасть туда, нужно было переправиться через ручей Дегва. Но он только назывался ручьем. На самом деле это была очередная горная речка, стремительная, глубокая в ямах и опасная в водоворотах. Форсировать ее оказалось нелегко. Еще труднее дался подъем на берег. Тот возвышался над рекой на восемь саженей! Мокрые и уставшие, разведчики кое-как влезли наверх. Отдохнуть времени не было: требовалось быстрее углубиться дальше в тыл, пока совсем не стемнело. И эта спешка подвела пластунов.

Внизу горели костры и сидели кружками люди. Очередной турецкий лагерь, судя по всему, пехотный. В стороне от него темнели какие-то повозки. Там было тихо и безлюдно. Фокин приказал обходить бивуак, прикрываясь фурами. Это казалось правильной идеей... Поручик шел первым. Вдруг что-то загрохотало у него под ногами. Как будто он в чугунных башмаках гулял по железному листу! Часовые закричали, люди от костров бросились на шум. У Лыкова кольнуло сердце. Это был конец... Турки со всех сторон, их сотни! От такой толпы не убежать и не отбиться.

– Назад! – крикнул Фокин и первый кинулся обратно в гору. Но раздались выстрелы. Поручик со стоном упал, и почти сразу свалился Ваню Джаверидзе. Алексей растерялся, ему стало страшно. Колени задрожали, и лязгнули зубы. Может, покончить с собой, пока не поздно? Мысль ужаснула. Нет, у него не хватит духу... А плен разве лучше? Еще и намучают!

Тут Голунов крикнул:

– Делай, как я!

И взвалил тело гурийца себе на плечи. Сумасшедший! Но Лыков вспомнил неписанный закон охотников: не оставлять убитых товарищей врагам. Калина хочет бросить мертвого Ваню в реку и следом утопиться, догадался вольнопёр. Вот выход! Он поднял на плечо теплого, но бездыханного поручика и бегом бросился в гору. Откуда только силы взялись! Позади стреляли, несколько пуль ударило в тело Фокина. Одна пробилась его насквозь и впилась в спину Алексею. Но ударную силу свинец уже потерял и застрял под кожей.

Два разведчика одновременно вбежали на высокий берег Дегвы. И застыли на месте. Позади пыхтели и ломились сквозь кусты турки. Еще минута, и они будут здесь. Что дальше? Ручей ревел в узкой расщелине, как дикий зверь. Прыгать туда равносильно смерти: ночь, камни, стремительный поток и восемь саженей высоты. Но русским только и оставалось, что погибнуть... Лишь бы не плен!

Калина, тяжело дыша, стоял и глядел на товарища. Прощался...

– Ну!

И он бросил тело гурийца в воду. Алексей немедленно проделал то же самое с трупом поручика. После этого друзья обнялись.

– Вон как вышло... – сказал Голунов, перекрикивая ручей. – Ружье и базалай брось туда же.

– Зачем?

– Попадешься с ними – тебя опознают как кровника Осман-паши.

– Я живым не дамся!

Турки уже были рядом. Они понимали, что русским деваться некуда, и не торопились лезть на кинжалы. Ждали, пока те сами поднимут руки.

– Раз так, прыгаем, – буднично сказал ефрейтор. К удивлению Лыкова, он сохранял полное самообладание.

Алексей опешил:

– Прыгаем? Туда?

– А куда же еще? – удивился в свою очередь Калина.

– Убьемся!

– Может быть, – не стал отрицать кубанец. – Но может быть, и нет. Это как повезет.

Алексей оглянулся. Десятка два османов стояли и смотрели на них. Дожидаются, что сдадимся, сволочи... Ну и рожи! Вот-вот кинутся...

– Ты это, прыгай ногами вниз, – посоветовал Голунов, не обращая на турок никакого внимания. – И воздуху набери полную грудь.

Нижегородец посмотрел на этот раз в ручей. Его опять взяла оторопь.

Тут Калина сильно толкнул товарища в пропасть и сам прыгнул следом...

Единственное, что успел сделать Лыков перед падением, это вдохнуть. Удар о воду оглушил его, а поток закрутил и чуть не утопил. Но мозг вдруг включился, и парень начал себя спасать. Плавал он хорошо, а ручей оказался неглубок. По счастью, не ударило головой о камни... Уже через полминуты Алексей летел по стремнине, иногда чувствуя под ногами дно, иногда нет. В темноте ничего было не видеть. Пластун отталкивался от скал руками, обдирая их в кровь. Болела спина, и убавлял силы страх... Но вдруг откуда-то сбоку вынырнул Голунов и схватил нижегородца за ремень. Страх сразу исчез – он не один! Калина Аггеевич не даст пропасть!

Наконец стены ущелья разошлись, течение ослабло, и охотников выбросило на каменную осыпь. Лыков лежал почти без чувств. Кубанец же, как ни в чем не бывало, вскочил и осмотрелся.

– Эй! Вставай, надо уйти от реки!

Алексей с трудом поднялся. Все тело болело, руки кровоточили, ныла спина и кружилась голова. Но разнеживаться было некогда. Если турки решат, что русские не убились, то утром их станут искать вдоль ручья. Нужно успеть спрятаться, пока не рассвело.

Распадок, где выбросило пластунов, уходил по направлению к морю. Калина шепотом предложил:

– А пойдем к устью! Украдем там лодку и приплывем на ней к своим.

– Вдруг там нет лодок? Возле моря не спрячешься. Давай лучше горами, оно надежнее.

Ефрейтор согласился. Они забрались по крутому склону на плато и долго шли по нему к горам. Кубанец вел товарища, указывая, где ямы, а где поваленные деревья. Несколько часов прошли в большом напряжении. Когда начало светать, разведчики спрятались в корнях поваленной ветром сосны.

Им повезло: случайно они остановились в безлюдном месте. Невысокий отрог отходил от Квирик. На нем не было ни селений, ни бивуаков, лишь крохотная терраса, засаженная кукурузой. Когда стало ясно, что тут можно отсидеться, Калина Аггеевич занялся своим товарищем. Он выковырял кинжалом пулю из спины Лыкова и промыл рану спиртом – фляга на боку уцелела. Из еды у пластунов ничего не было, как не сохранилось и ружей. Лыков, разумеется, не удержал свой карабин в воде и теперь очень об этом жалел. У него остался только базалай. Кубанец спас и кинжал с нагайкой, и револьвер. Он вынул из барабана патроны и просушил их на солнце. Мокрые и голодные, охотники пролежали в корнях целый день. Грелись желтым, очень крепким и очень вкусным спиртом, от

которого у Алексея кружилась голова. Закусывали незрелыми кукурузными початками, иногда тихо разговаривали. В частности, нижегородец спросил:

– Что же нас погубило? Что вдруг загремело под ногами Валентина Осиповича?

– Мы зря полезли к этим повозкам, – неохотно пояснил Голунов. – Моя вина, я должен был догадаться. Фокин ладно, он редко ходил в тыл. Но я-то, дурья башка!

– Так что это было?

– Ротная кухня.

– И что в ней гремело?

– В снаряжение каждой пехотной роты входят два жестяных листа. Турки пекут на них хлеб. Вот на такой лист и наступил Валентин Осипыч. Его же не видно ночью в траве.

Из укрытия пластунов можно было наблюдать часть долины, по которой они шли вчера. Лыков обладал феноменальной памятью и запомнил расположение бивуаков. Пять или шесть тысяч турок укрывались на обратных склонах Самеба. Пехота, артиллерия, саперы и небольшой отряд иррегулярной конницы. Самую главную задачу – обследовать глубокий тыл противника – выполнить не удалось. Обидно. Поручик Фокин погиб, а двум нижним чинам никто не поверит, что противников здесь до черта... Да и надо еще суметь выйти к своим! Караулы в долине были усилены, тут и там ездили конные туземцы, искали разведчиков.

Два дня Лыков и Голунов пробирались к берегу Кинтриши. Свои броски они делали или рано утром, или перед самой темнотой. Остальное время приходилось прятаться. Вольнопёр от голода стал легко засыпать, и сон его походил на забытие. Кубанец держался. Последний рывок они совершили на виду у конного патруля. Мигом переплыли реку и кинулись в кусты. Вслед им стрельнули, но тут же ответили наши секреты, и османам стало не до разведчиков.

Утром состоялось неприятное объяснение с начальством. В палатке Оклобжио собрались несколько генералов. На главный вопрос, где поручик Фокин, ефрейтор обстоятельно ответил. Помощник Оклобжио генерал-майор Засс начал сурово распекать охотников за то, что те не вынесли тело убитого с собой. Голунов сначала молчал, потом еще раз пересказал обстоятельства их провала. И то, как сами они чудом спаслись. Засс словно не слышал.

– Надо было нырять, искать тело командира! – наставительно заявил он.

– В той обстановке, ночью, в горной реке... С турками наверху... Это

было невозможно, – твердо ответил Калина Аггеевич.

– Для русского солдата нет ничего невозможного! – пафосно изрек генерал.

– Ваше превосходительство, там течение! Ни зги не видать! – пытался объяснить дураку кубанец. – Кроме того, на поручике была сумка с золотом. Она и утянула его труп под воду.

– А может, поэтому вы его и не нашли? – догадливо спросил Засс. – Надо еще разобраться с этим золотом! Не вы ли его присвоили?

Когда до Голунова дошел смысл сказанного, он покрылся пятнами. Потом сжал кулаки и двинулся на генерала. На его пути встал поручик Агафонов и пытался остановить охотника. Тот оттеснил офицера и сделал еще шаг. Но уже подскочил Лыков. Он взял ефрейтора под мышки, как ребенка, и вынес из палатки.

Чуть не час Калина Аггеевич приходил в себя. Он умылся ледяной водой, надел крест, побрился и почистился. Сел на пенек и стал ждать решения своей участи. Формально он напал на генерала. В мирное время за это полагались дисциплинарные роты, в военное – расстрел. Лыков вился вокруг старшего товарища, пытался утешать, но тот лишь отмахивался.

Через час явился Агафонов и рассказал, что дальше происходило в палатке. Засс потребовал арестовать охотника и предать военно-полевому суду. Оклобжио не хотел казнить заслуженного человека, георгиевского кавалера. И ответил помощнику, что тот сам своим оскорбительным заявлением вывел ефрейтора из себя. Засс стал орать, что он генерал и не позволит всякой сволочи лезть на него с кулаками. И если начальник отряда оставит эпизод без последствий, он подаст рапорт главнокомандующему, великому князю Михаилу Николаевичу. Оклобжио сдрейфил и начал поддаваться. Но тут вмешался генерал-майор Шелеметев. Старый кавказец, уважаемый в войсках, он сказал:

– Никому не позволено унижать таким страшным подозрением русского солдата. Тем более георгиевского кавалера. Голунов своей службой давно показал, какой он человек. Герой! То, что они с этим вольноопределяющимся выжили, – настоящее чудо. Выжили, пробились к своим, принесли важные сведения – и их же обвинили в воровстве... Вы в своем уме были, ваше превосходительство, когда заявили такое?

– Да он же ефрейтор! Просто ефрейтор! Но посмел кинуться на меня, на генерала!

– И правильно сделал, – объявил Шелеметев. – Надо было и в морду дать.

В палатке стало тихо-тихо. А кавказец продолжил:

– Да, Голунов действительно ефрейтор. Всего-навсего. Это не значит, что у него нет воинской чести. Имя солдата, как известно, носит всякий военный человек, и это имя знаменитое. Согласно дуэльному кодексу, ефрейтор не может потребовать от вас удовлетворения. Но это готов сделать за него я. Или ваше превосходительство берет свои слова обратно?

Засс побледнел, а Шелеметев с презрением добавил:

– Учтите, я говорю серьезно. Честью не шутят. Ну?

– Но во время войны поединки запрещены!

– Мы отложим дуэль и сразимся тотчас после перемирия.

– Вы меня неправильно поняли... я просто высказал догадку!

– Вы настаиваете на военно-полевом суде для Голунова?

– Нет, совсем нет! Георгиевский кавалер и все такое... Я действительно погорячился. Эта история с золотом... Давайте забудем весь разговор!

Тут вмешался Оклобжио и заявил, что производит ефрейтора Голунова за храбрость, проявленную в поиске, в унтер-офицеры. Генерал Засс был совсем уничтожен и удалился из палатки...

– Слава богу! – обрадовался Лыков и побежал за вином. Они выпили втроем местного розового «Гуриели» – за новое звание Калины Аггеевича и за то, что они с Алексеем живы. Голунов медленно приходил в себя. Недавно он выказывал туркам свое презрение, когда те пытались взять кубанца в плен. А тут испугался – того, что расстреляют свои. Что опозорят его имя. Идти на штыки много легче, чем разговаривать с иными генералами...

– А что наши сведения? – спросил Алексей у поручика Агафонова.

– Они никому не нужны, – вздохнул тот. – Дальняя разведка сорвалась. А то, что вы нашли на обратных скатах Самеба, штабистов не впечатлило. Ну, шесть тысяч резерва... Вы же видели не больше?

– Не больше.

– И что? Это не тридцать тысяч, как предполагал Фокин.

– Но они ведь там сидят! Валентин Осипович был прав в своей догадке!

– И я верю, что сидят. Вы просто не дошли до Ципнарской позиции, где у турок главные резервы. Но как теперь доказать это Оклобжио, я не знаю.

– Значит, будет штурм, – вздохнул Калина Аггеевич. – Эх, сколько народу положат...

И ушел к маркитантам за новой бутылкой.

Стычка Голунова с помощником начальника отряда окончилась для него благополучно. Но на всякий случай пластуна решили убрать с глаз долой, на время. Тут кстати возмутились сдавшие было оружие кобулетцы. Они начали собираться в шайки и нападать на солдат. Командование наскоро организовало карательную экспедицию, куда включили и Голунова с Лыковым. И отослало всех в горы.

Кобулетцы возмутились не просто так. Русское оружие на Кавказе неожиданно дрогнуло... Турки высадили десант в Сухуме и Очемчирах. Командир Сухумского отряда генерал Кравченко сдал город без боя и отступил в Ольгинское. На помощь ему от Гурийского вспомогательного отряда вышла колонна во главе с генералом Алхазовым. Но Кравченко не стал дожидаться подмоги. Он струсил и драпанул еще дальше, аж за реку Кодор. В итоге все побережье от Очемчир до Адлера оказалось в руках противника. Половина Абхазии была выжжена.

На главном театре, в Турецкой Армении, тоже все складывалось плохо. В бою у Зивинских высот русские войска понесли большие потери и отступили. Инициатива перешла к врагу. Пришлось деблокировать Карс и вернуться на русско-турецкую границу.

В этих условиях враждебные племена туземцев воспрянули духом. Тылы Кобулетского отряда подверглись нападениям. Были перебиты команды фуражиров, перехвачены курьеры. Пленных офицеров обменивали на золото, а рядовым отрезали головы...

Армия отреагировала на успехи турок своеобразно. Отрядную собаку Мухтарку начали величать Мухтаром Ивановичем. Но перебежчиков и дезертиров по-прежнему не было. Русский солдат стал больше уважать врага, но не боялся его.

Неделю Лыков с Голуновым гонялись по лесистым горам за партизанами. У Талахского перевала они чуть не погибли. Шестеро горцев подловили их в ущелье и решили взять живьем. Сила нижегородца выручила обоих. Когда он хватил самых рьяных лбами друг о друга, и папахи не помогли... А шашка третьего, налетев на базалай, раскололась пополам, словно была вырезана из прутика. Калина добавил с фланга, и последний джигит едва унес ноги.

Кровавые стычки закончились поражением горцев. Старейшины явились к Оклобжио и второй раз за войну сложили оружие. Турки завезли его так много, что туземцы могли складывать его через день, и все равно осталось бы чем воевать... А Лыков с Голуновым вернулись в лагерь. И снова стали лазить по ночам через Кинтриши, таская «языков». Однажды они захватили в плен юзбаши, в пересчете на наши чины – капитана. Поиск

был задуман мастерски. Кофе не входит в довольствие турецкой армии (так же, как и чай – в русской). А османы не могут жить без этого напитка. В армию кофе поставляют маркитанты. Голунов с Лыковым устроили засаду на дороге к базару. Сначала мимо них шла всякая мелюзга, рядовые с чавушами. Охотники пропустили их, ожидая добычи поинтереснее. И вдруг вышли сразу два капитана! В турецком таборе восемь рот и, стало быть, восемь капитанов. Неудивительно, что они шляются парами... Одного пластуны зарезали, а второго увели к своим. Капитан оказался из мектебли^[28], окончил Константинопольскую военную школу. Видимо, он рассказал много интересного, поскольку Калине Аггеевичу вручили за него второй крест.

Охотничья команда левой колонны получила нового начальника. Им стал хорунжий Левченко из Седьмого пластунского батальона. Это был храбрый и опытный человек, но без того кругозора, каким обладал Фокин. Задачи команды сразу уменьшились в масштабе и сводились теперь к ближней разведке.

11 июня 1877 года Кобулетский отряд атаковал Цихидзирские высоты. Опять все охотничьи команды свели вместе. После жесточайшего четырнадцатичасового боя была захвачена только первая траншея. На этом силы русских иссякли. Турки по белым портупоям вычисляли офицеров и били их на выбор. Магазиновые винтовки вносили страшное опустошение в ряды нашей пехоты. Османская артиллерия, невидимая за высотами, стреляла мертвой наводкой^[29]. Отбив удар, турки перешли в контратаку. Правота поручика Фокина получила кровавое подтверждение: враг имел двойное превосходство в численности, находясь при этом на неприступной позиции... Для русского командования это почему-то стало открытием. Оклобжио приказал вернуться на исходные рубежи. Но легко сказать, да трудно сделать! 12 июня русские начали отходить, беспрерывно отбиваясь от противника. Отступление шло весь световой день. Турки давили без перерыва, нанеся отряду большие потери. С огромным трудом наши части закрепились на высотах Муха-Эстаде и удержали их. Бои на несколько месяцев прекратились, войска перешли к пассивной обороне. Кобулетский отряд, как тогда говорили, получил строго оборонительное назначение...

Всего этого Алексей Лыков уже не видел. Он получил удар кинжалом под сердце, когда ворвался на гребень Квирик. Тяжелораненого охотника сумели вынести в тыл. Когда он очнулся, то обнаружил себя в санитарной фуре. Слева от него лежал вольноопределяющийся Бельский. Голова перевязана, глаза закрыты, лицо блее снега... Михаил был без сознания.

Справа доносились непрерывные стоны. Лыков повернулся и увидел подполковника Териева. Храбрец с пятью Георгиевскими крестами получил тяжелую рану в живот. Пропитанные кровью бинты разошлись, и виднелись внутренности...

– Все трое безнадежные, не знаю, зачем мы их везем, – раздался с облучка чей-то усталый голос. – Лучше бы других спасали...

Это ведь он и обо мне, безразлично подумал Лыков. У него уже не было сил, чтобы бояться смерти. Жизнь выходила из него с каждым оборотом колеса...

– Который нижегородец? – спросил кто-то над самым ухом.

– Не знаю. Вы фамилию скажите.

– Лыков его фамилия.

– А! Вот этот, в середине.

– Я его у вас забираю.

Тут колесо подпрыгнуло на очередном камне. Острая боль заставила вольноопределяющегося потерять сознание.

Позже, в госпитале, Лыков узнал, как ему повезло. Их повозку с безнадежно ранеными 36-го военно-временного лазарета повстречал надворный советник Всеволожский. Он прибыл на войну в должности уполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах. Временно оставив для этого пост нижегородского вице-губернатора. Узнав, что один из лежащих в фуре нижегородец, Всеволожский взял его к себе в коляску. И вопреки уговорам докторов, что парень все равно не жилец, отвез в Озургеты. Там молодого силача перевязали и отправили дальше. В конце концов он попал в хорошие условия и выжил. А Бельский и Териев умерли в лазарете.

Кобулетский отряд простоял на высотах Муха-Эстаде до ноября. Осенью ситуация изменилась. Кавказский корпус получил подкрепления из России, а главное, приехал генерал-лейтенант Обручев. Он в считанные дни разработал план наступательной операции. 3 октября разыгралось Авлиар-Аладжинское сражение. Турки потеряли в нем три четверти своего состава. Из выживших часть укрылась в Карсе, а часть отступила обратно к Зивину. Потери русских составили три процента. Кавказские воины будто расправили плечи, к ним вернулась прежняя уверенность. Мухтар Иванович снова стал отзываться на Мухтарку. 7 ноября пал Карс.

Получив дурные вести с главного театра, Дервиш-паша без боя отступил обратно на Цихисдзирскую позицию. Но она оставалась столь же неприступной, какой была и в июне. 18 января было подписано перемирие.

До сих пор не ясно, почему войска Кобулетского отряда пошли на штурм злополучных высот, когда можно было уже не воевать... Шепотом говорили, что великий князь Михаил Николаевич, главнокомандующий Кавказской армией, хотел в последний момент урвать еще одну победу. Другие обвиняли в бессмысленном кровопролитии генерал-майора Комарова^[30]. Он сменил Оклобжио на посту начальника отряда и тоже жаждал победных реляций. Вот, мол, при Оклобжио Цихисдзири взять не смогли. А при Комарове – взяли! 19 января части отряда пошли на штурм высот. И снова были отбиты с огромными потерями. Среди полутора тысяч убитых оказался и генерал Шелеметев...

На другой день война закончилась.

Шел по улице малютка...

Начальник Нижегородской сыскной полиции статский советник Благово сидел в кабинете и обижался. 24 декабря 1880 года, навечерие. Завтра Рождество! А из Петербурга получен приказ по МВД о наградах, и в нем сыщик отсутствует... Между тем губернатор еще месяц назад известил Павла Афанасьевича, что послал на него представление к Аннинской ленте^[31]. Обошли, столичные бюрократы! Посмеялись и вычеркнули.

Из приемной донесся знакомый голос – это пришел Лыков. Титулярный советник, богатырь и помощник начальника сыскного отделения был чем-то возбужден. Благово Лыкова любил и терпеливо растил из обалдую своего преемника. Алексей явился кстати. Нужно было выместить на ком-то раздражение за неполученную ленту, и Лыков для этого годился. Статский советник вздохнул, поднялся и вышел в приемную. Хотел уже сказать что-то язвительное, но осекся. Посреди комнаты стоял ребенок лет пяти-шести, бледный от холода, с испуганными затравленными глазами. Он был одет в добротную кроличью шубку с теплым башлыком и маленькие валеночки с галошами. Несколько сыскных агентов столпились вокруг него и пытались разговорить малыша, но тот косился на дверь и молчал. Алексей протянул мальчишке стакан горячего чая в бисерном подстаканнике:

– На, выпей! Замерз ведь...

Но тот отбежал в угол и стал там, готовый в любой момент зареветь.

– Кто это? – изумился Благово. – И кто его привел?

– Здравствуйте, Павел Афанасьевич! – произнес Лыков. – С наступающим вас! Вот, иду на службу, а он сидит.

– Где сидит?

– На тумбе, не доходя Варварской церкви. Один, весь иззябший и плачет тихонечко. Мимо люди проходят, крестятся и отворачиваются. Иной встанет, спросит – и отойдет.

– Зачем ты сюда-то его привел? Посмотри: хорошо одет, ухоженный. Это не подкидыш и не беспризорный. Нянька, раззява, потеряла. Сейчас, поди, бегает вокруг храма да голосит. Надо было там остаться.

– Я тоже сначала так решил. Расспросил народ. Потом взял его за ручку – да он холодный, будто ледышка! А когда с нищим с паперти поговорил, то схватил мальчика на руки и бегом сюда.

– Что такого сказал нищий? – сразу насторожился Благово.

– Уверяет, и определенно, об очень странном факте. Он видел ребенка еще ночью, тот грелся в церкви. Один.

– Один? С ночи? – статский советник схватился за брегет. – Какая скотина ребенка из дому выставила? Доктора сюда, немедленно!

– Уже позвали, ждем с минуты на минуту. А пока хоть бы чаю попил, согрелся. Ни в какую. Он чем-то сильно напуган.

– Ты с ним разговаривал? Что он сказал?

– Ничего. Говорю, ребенок напуган. Молчит. Мне кажется, он вообще немой. Ни звука, ни всхлипа!

– Да... Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал... Не нравится мне это. Тем более накануне праздника. Ребенок из хорошей семьи, ушел из

дому, перепуган до смерти – и никто его не ищет. Соображаешь?

– Да. Совершено преступление?

– Возможно. Не ищут потому, что с ними самими произошло нечто нехорошее. Ох, пропало Рождество...

Тут распахнулась дверь, и вбежал полицейский врач Милотворский.

– Где он?

– Вон, у окна прячется, – ответил Лыков. – И молчит, даже не плачет. Он, кажется, немой.

– Немой? Ну, это вряд ли!

– Точно немой, Иван Александрович! Я с ним и так, и эдак – ни гу-гу!

Доктор сбросил шинель, потер ладони, открыл свой чемоданчик и вынул оттуда серебряную ложечку. Сел напротив маленького человечка. Тот сжался и застыл в молчаливом ужасе. Милотворский по-доброму улыбнулся.

– Ну-ка, скажи мне: а-а-а...

И поднес ложку к лицу ребенка. Тот открыл рот и громко просипел:

– А-а-а-а...

– Очень хорошо, молодец! Тебя как зовут?

– Саша.

– А фамилию свою знаешь?

– Гуцин.

– Ой! – вскрикнул вдруг агент Торсуев. – Это ж зерноторговца Гуцина сынок! С Дворянской улицы.

– Ты сын Феофилакta Ионовича Гуцина? – мягко спросил доктор.

– Да, – ответил малец и задрожал мелкой дрожью.

– Что с тобой? Где твой отец, почему он тебя не ищет?

– Его убили.

– Убили? – хором воскликнули сразу несколько сыщиков.

– Да. И няньку Машу. И дядю Ваню. А я убежал.

– Когда это было? – Благово растолкал всех и опустился перед ребенком на колени.

– Не знаю. Я спал. Потом нянька Маша разбудила. Вставай, говорит, тятеньку твоего зарезали... Одеда в зимнее и хотела куда-то вести. Но пришли они и убили всех.

– Как же ты спасся?

– Дядя Ваня крикнул: «Беги!» – и бросился на них. А я побежал на двор. Там калитка.

– И за тобой никто не гнался?

– Я не знаю. Испугался и не оглядывался до церкви. Мы с тятьей в нее

ходили...

– А кто такие они, и кто – дядя Ваня?

– Дядя Ваня наш приказчик. А они...

На этих словах ребенок не выдержал и зарыдал. Он ревел на всю комнату, и слезы в два ручья лились из глаз. Даже издававшие виды сыщики дрогнули сердцем. Милотворский взял несчастного сироту на руки и сказал Благово:

– Все, на этом допрос закончен. Надо его согреть, успокоить... пожалуй, в конце концов. Дайте мне сани, я отвезу Сашу к себе домой.

Статский советник замахал руками:

– Конечно, Иван Александрович! Забирайте и побудьте с ним пока. У него есть дядя, Варлам Ионович, тоже зерноторговец. Все-таки родная душа... А мы открываем розыск. Лыков, Торсуев – за мной!

Через десять минут пошевни сыскной полиции подъехали к дому Гущина. Добротный особняк за глухим забором стоял возле Ремесленной управы. Снаружи все выглядело благополучно. Дорожка к дому почищена, нигде ни соринки. Полицейские подбежали к дверям – так и есть! Не заперто, и возле крыльца пятна крови.

Сыщики ворвались в дом и сразу наткнулись на первый труп. Крепкий мужик, похоже, белый дворник^[32], лежал в передней. В груди виднелась ножевая рана, кровь обильно залила все вокруг. Перепрыгнув через убитого, бросились дальше и в гостиной обнаружили еще два тела. Полная пожилая женщина застыла на диване. Ее удушили – веревка так и осталась на шее. Мужчина лет пятидесяти, в порванном сюртуке и с искаженным болью лицом, распластался возле трюмо. Его зарезали ударом в спину.

– Это нянька и приказчик, – догадался Лыков. – Где же хозяин? Не иначе, в кабинете.

Сыщики пошли туда и действительно увидели четвертую жертву. Степенный и уже немолодой, аккуратно одетый, в ухоженной бороде, это и был купец Гущин. Лицо его выражало изумление. Напротив сердца – такая же точно рана, что и у мужика из передней. Бил профессионалист.

– Приплыли, – вздохнул Благово и сел на тахту. – Четыре покойника в самое Рождество. Праздники псу под хвост, господа!

Тут послышались шаги, и в кабинет ввалился мужчина в запорошенной снегом шубе.

– Где мой брат? – с порога крикнул он. Но увидел труп и осекся.

– Гущин Варлам Ионович? – спросил для проформы Алексей, хотя по сходству лиц это было и так ясно.

Тот лишь молча кивнул. Не глядя на полицейских, он первым делом

кинулся к бюро. Вынул верхний ящик, чертыхнулся и без сил опустился на стул.

– Что пропало? – поинтересовался Благово.

– Процентные бумаги на сорок тысяч. Я приехал, чтобы их забрать.

– Зачем же?

– Собирался открыть новое дело – контору в Рыбинске. Хорошее было бы дело. Теперь все...

– Ваш брат припас эти деньги? Кто еще мог знать, что в доме находится крупная сумма?

– Приказчик Зыков.

– Это тот, что в гостиной лежит?

– Он.

– Других, кто знал, не назовете?

– Дайте хоть с мыслями собраться! – вспыхнул купец. – Брата все-таки убили! А вы – кто знал, кто знал...

– Ну, собирайтесь пока, – примирительно ответил Благово. – Только в детской. Там пусто. А здесь мы будем обыск делать.

– Кстати, господин Гуцин, – неприязненно сказал титулярный советник. – В бюро-то вы сразу полезли... В первую очередь о деньгах подумали. А про племянника своего не хотите спросить?

– Да, как-то из головы вон, – спохватился зерноторговец. – Так что с Сашей? Где он? Неужели изверги и его убили?

– Нет, мальчик жив. Ему удалось убежать. Сейчас он в доме полицейского врача Милотворского, приходит в себя. Саша всю ночь просидел в Варварской церкви. Не хотите проведать племянника?

– Не сейчас, позже. Я должен видеть результаты вашего обыска. Как наследник. Кроме того, я нужен тут. От кого еще вы узнаете, что пропало из дома?

Лыков покосился на начальника. Тот встал с тахты.

– Это разумно, хотя... бессердечно. Но решать вам. Теперь идите с глаз моих. Понадобится – позовем.

Гуцин с обиженным лицом вышел. Лыков проводил его взглядом и вздохнул:

– Вот скотина! На брата даже не взглянул, сразу полез деньги проверять. Ну и «родная душа» будет у мальчишки...

– Однако доктор нужен нам здесь, – проворчал Благово. – Торсуев! Сгоняй-ка к Милотворскому.

Вдруг из гостиной раздался едва различимый стон. Сыщики, не сговариваясь, бросились на звук. Приказчик шевелил губами, пытаясь что-

то сказать.

– Лыков! Грузи раненого в пошевни и пулей в Мартыновскую больницу. Потом возвращайся сюда с двумя агентами. Торсуев! Караул братца. Из детской не выпускать, про то, что обнаружен живой приказчик, – не говорить.

– Есть!

– А я пока осмотрю дом.

Машина розыска набирала ход. На место происшествия прибыли полицейский врач и судебный следователь, заглянули ненадолго полицмейстер и вице-губернатор. Убийство четырех человек в канун Рождества – страшное святотатство. Власти прилагали все силы для быстрого открытия извергов. Благово с Лыковым вертелись, как чумные, забыв про торжества. Лишь под утро, пропустив Великие часы, они едва успели в кафедральный собор к литургии.

Раскрытие преступления случилось неожиданно быстро и мало зависело от рвения сыщиков. Алексей пришел домой и попытался часик соснуть, но не успел – за ним заехал Благово.

– Вставай, бездельник! Зыков очнулся и готов дать показания.

– Какой Зыков? – не понял спросонья титулярный советник.

– Приказчик, раненный в доме Гущина.

– Выжил? Когда я его отвозил – очень был плох!

– Не знаю, насколько он стал хорош. Милотворский провозился с ним всю ночь, а сейчас прислал записку. Удар сзади оказался неудачным. Клинок попал в лопатку, соскользнул и прошел ниже сердца. Зыков больше пострадал от кровопотери. Видимо, умрет – его уже соборовали. Но он хочет нам что-то рассказать. Если успеет... Так что собирайся быстрее!

Зыков лежал в одиночной палате земской больницы под наблюдением врача. Увидев полицейских, он обрадовался и прошептал бескровными губами:

– Наконец-то...

– У вас хватит сил? – наклонился над раненым Благово.

– Хватит... Я должен... должен. Исповедался, а теперь и вам расскажу... Ничего не утаю... С Богом скоро встречаться, надобно душу очистить...

Сыщики сели у кровати, Лыков достал бумагу и карандаш. Приказчик вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и начал свой рассказ:

– Я погубил свою душу пять лет назад. Уж позвольте с этого места излагать, а до убийств доберемся... Настоящая моя фамилия Братцов, а Зыковым стал по поддельному паспорту. Служил я тогда в Ярославле у

богатого купца Чумакова. Был на хорошем счету и выбился в старшие приказчики. Хозяин мне доверял... Однажды он поехал в Ирбит на ярмарку, а мне оставил двадцать восемь тысяч рублей закончить сделку. Тут-то меня и обуял лукавый...

Зыков-Братцов прикрыл на минуту глаза, потом продолжил:

– Долго говорить сил нет, буду покороче... Одним словом, украл я эти деньги. Не смог побороть соблазн. Купец приехал, спрашивает отчета, а я говорю, что он мне никаких сумм не давал... Скандал учинился. А свидетелей-то нет! Подал Чумаков на меня в суд, ничего там не доказал и написал архиерею, просил разобрать наш спор Божьим судом... А именно – привести меня к клятве перед крестом и Святым Евангелием в том, что я денег у него не брал. Вот... Как быть? Думал я, думал и решил идти до конца. Страшно мне тогда сделалось, но еще больше боялся тюрьмы... Ну и... Ровно в полночь вывели меня священники из дома, босого, в саване, перепоясанном веревкой. В руки дали свечу из черного воска... Иду к собору, впереди меня несут крест с Евангелием, а по бокам другие священники, в черных ризах, но с белыми свечами. Все церкви, мимо которых прохожу, печально перезваниваются, словно священника хоронят... По обеим сторонам толпы народа – почитай весь город на улице высыпал... Смотрят и крестятся молча. Да... Меня стала пробирать дрожь, едва ноги волочу. Как быть? Душу-то жутко терять! Еще не поздно покаяться. Так и добрался я до кафедрального собора... Там архиерей сказал мне последнюю речь, предупредил про кару Божию за клятвопреступление. Но я уж решил, что в тюрьму не пойду.

Приказчик снова закрыл глаза, словно впал в забытие, но вскоре упрямо продолжил:

– Нет уж, не помру, покуда не доскажу! Так вот... Принес я клятву лживую, безбожную и на другой день из города сбежал. Скитался туда-сюда... Деньги ворованные вложил, да неудачно – в Скопинский банк, где их и украл тамошний кассир. И вышло, что душу я за просто так отдал... Дела... А два года назад, купивши фальшивый паспорт, оказался в Нижнем Новгороде. Втерся Феофилакту Ионовичу в доверие, начал обороты его вести, притом успешно... Ну, ежели по совести, хотел я и его обмишурить, когда в полную веру войду и к деньгам доступ получу. Да не успел...

Вызвал меня в трактир евойный брат. На той неделе оно случилось. Не знаю уж откуда, но прознал сей мерзкий человек про мою ярославскую историю... И говорит: помоги мне наследником дела стать, Фифку проклятущего отодвинуть. И щенка его тоже. Тебе после клятвопреступления терять-то уж нечего. Грехом больше, грехом меньше...

А не то сообщу в полицию! Службы лишишься и в тюрьму сядешь – за подложный документ. Да...

Думал я недолго. Чего, действительно, терять? Если ад есть, то гореть мне там вечно и без того. А ежели нет, то в тюрьму опять неохота! Одно меня смущало: как малое дитя убить? Но Варлам, собака, успокоил. Это, говорит, не тебе делать, на то особые люди припасены. А тебе надо только двери открыть... Я спросил: как же мне убийц впустить? Ведь они меня первого и зарежут!.. А он ответил, что нет, не зарежут. Я-де ему живой нужен, чтобы дела вести. Сам-от Варлам на труд не способен, а будет только барышами пользоваться... В столицы уедет, а я управляющим у него останусь, и с хорошим жалованием...

Смутил он меня совсем... И все полицией пугает, ежели не соглашусь. Еще я попытку сделал. Дитя, говорю, зачем кончать? Тебя ж к нему суд в опекуны назначит. Разворуешь незаметно... Ангельскую душу губить не придется... А Варлам ответил: нет, надобно довести до конца и Сашеньку маленького тоже удавить. Зачем делиться, коли можно все себе забрать? И засмеялся так... нехорошо... К брату старшему он давно имел счеты, завидовал его оборотистости и дитя его ненавидел. Опять же, законный наследник подрастет. Тут понял я, что ангелочка нашего убьют. А мальчишка мне нравился – вежливый, и сердце доброе, не то что у папаши. Папашу-то его мне под ножи подвести было что плюнуть, и прислугу тоже... а Сашу не хотел, не хотел...

Да... Но деваться, стало быть, некуда! Жалко мальчишку, но своя шкура дороже. Ежели разоблачат меня, то службы лишусь и нигде ее больше в вашем городе не найду. И в тюрьму неохота. Опять возраст: бежать, искать другое место, все по новой начинать тяжело... И согласился я тогда. Но выставил Варламу два условия. Первое: я ему сказал, что не верю, будто оставят меня в живых. Действительно, зачем? Проще зарезать со всеми, как только открою дверь. И придумал я так: спрячу-де письмо в секретном месте, где будет про Варлама Ионовича. Ежели меня погубят, то письмо попадет в полицию. Очень это нанимателю не понравилось! Но деваться некуда, пришлось стерпеть.

– А второе условие?

– Второе тоже было по необходимости. Представьте, если бы я один остался в живых! Когда все мертвые лежат... Ну, связали бы, синяков наставили. Все равно подозрительно! Полиция первого меня и стала бы трясти. Начали бы копать и докопались бы до чужого паспорта... Так ведь?

– Так, – кивнул Благово.

– Вот... И я подумал... И сказал Варламу: сделаем, что я будто бы

убёг. Заслышал шум и убёг через заднюю дверь! Сразу в полицию, сообщить. Полиция придет, а убийц уж след простыл. Пускай поторопятся!

– Все равно подозрительно, – вставил Лыков.

– Подозрительно, – согласился приказчик. – Но все ж не так!

– Кто эти люди, что с ножами пришли? – спросил статский советник.

– Одного только могу назвать... Фомка по прозвищу Живодер...

– Знаем такого, – в один голос заявили сыщики.

– Он за старшего был... Второй раз когда встречались в трактире, Гущин его мне показал...

– Ну, эту гадину мы найдем, – сказал Благово и посмотрел на Лыкова. Тот молча кивнул.

– И вот позавчерашнего дни... поздно уже... сидим мы все дома, по комнатам. Я сам не свой, но виду не подаю. Сашенька спит уже. Гляжу на няньку, на Степана, на хозяина своего и думаю: скоро вам всем помирать. Феофилакт Ионович заглянул ко мне и ушел. Веселый был такой... ничего не предчувствовал. Рождества ждал, подарки наготовил... И тут что-то меня словно бы толкнуло. Как же так – Сашеньку убьют, и это я его погубил? Поспешил я в детскую, говорю няньке: не спрашивай ни о чем, а разбуди и одень ребеночка в уличное. Хозяин-де велит. Она поверила – а чего ей не поверить? И стала собирать Сашу. А я, как стукнуло одиннадцать, тихонько открыл входную дверь. Вошел Фомка, и с ним еще один, незнакомый. Нашумели, дураки! Выбежал тут Степан, наш кухонный мужик – и мигом они его зарезали. Я дрожу, но креплюсь. Послал их в кабинет хозяина, а сам в детскую вернулся. Говорю Маше: в доме грабители, Феофилакta Ионовича убили! Хватай ребенка и беги! А тут эти заходят... Лица страшные. Быстро как-то обернулись... И тогда понял я...

Зыков-Братцов замолчал, по щеке его покатила одинокая слеза. Потом он одолел себя и продолжил:

– Вспомнил я страшный свой грех и понял: последняя сейчас у меня возможность его искупить. Душу спасти, пусть даже с запозданием, и ангелочка невинного, доброго сердцем... Одно дело – хозяйские деньги украсть, и совсем другое – ребенка умертвить! Крикнул няньке еще раз, чтоб бежала, и схватился один с двумя... Больше ничего не помню.

Наступила тягостная тишина. Через минуту приказчик слабо улыбнулся и показал глазами на доктора Милотворского:

– Вот... он мне сказал, что Саша спасся и даже не заболел. Хорошо-то как... Может, еще и увижу Царствие Небесное?..

И впал в забытие. К вечеру приказчик скончался.

Сыщики остались с предсмертным признанием на руках, но без

свидетеля. Допрошенный по горячим следам Варлам Гуцин обвинения отрицал. Возмущался, грозил пожаловаться государю – все как полагается... Его посадили в острог, в дворянскую камеру. Одних признаний Братцова для суда было недостаточно. Слова против слов. Мало ли какие мотивы были у покойного? Мог оговорить со зла или из мести. Что делать – ясно: ловить непосредственных убийц.

Гуцин тоже понимал, что наймиты в случае ареста утянут на каторгу и его. Смешно было ждать от арестованного подсказок, где искать Фомку Живодера. Но сыскной полиции этот персонаж был хорошо знаком. Кличку свою мещанин Баранов получил за мерзкие садистические привычки. Еще в детстве он мучил и убивал кошек, а как подросток, перешел на людей. Настоящий разбойник! В каждом крупном городе есть такие. Только ежели в Москве их полсотни, в местах навроде Нижнего – два или три. Фомка обитал в притонах, жил награбленным, иногда наведывался в столицы. Был там свой человек в кругах гайменников. И ловко скрывался от полиции. Благово сказал, что эту гадину они поймают, но то были слова. Павел Афанасьевич давно хотел засадить негодяя в тюрьму. Да все не выходило... Живодер подозревался в нескольких ограблениях, одно из которых закончилось смертью потерпевшего. Начальник сыскной полиции допускал, что после четырех убийств Живодер с помощником кинулись прятаться в Москву. А если не уехали, то где могли укрыться?

Сыщики перерыли все известные им притоны и никого не нашли. Агентура тоже молчала. Живодер исчез. Вечером Павел Афанасьевич собрал у себя Лыкова и Титуса. Он был подозрительно спокоен.

– Ну, безобразники, какие у кого идеи?

– Кондукторов в поездах опросить, – сразу ответил Лыков. – Второй-третий классы.

– Форосков уже занимается, – отмахнулся статский советник.

– Извозопромышленников надо потрясти, – предложил Ян. – И одиночек. Особенно тех, кто ездит за город. Таких не очень много.

– Уже теплее, – одобрил Благово, и стало ясно, что он давно отыскал злодеев.

Алексей набычился. Что же придумал многоумный начальник? Он стал рассуждать вслух:

– Сейчас зима, реки стоят. Только поездом или санным ходом... Есть ямской извоз, а с недавнего времени еще и крестьянский. До Казани или Самары крестьяне возят даже быстрее.

Благово с любопытством слушал, но молчал. Воодушевленный Лыков продолжил:

– Но я бы поискал поближе.
– Где?
– Вокруг города.
– Это в Сормове, что ли? – ухмыльнулся статский советник.
– Хоть бы и так. Но лучше иметь зацепки.
– Ну-ну... И какие предлагаешь?
– У Варлама Гущина мельницы или амбары есть?
– Мельниц нет, он же перекупщик, – пояснил Титус. – Амбары имеются, в Катыхах. Но мы их уже обыскали – никого. Да и холодно там прятаться.
– Хорошо, пойдем дальше, – бодро сказал Лыков, не спуская глаз с Павла Афанасьевича. – Дача есть у этого мерзавца?
– Вот этого не знаю, – развел руками Ян и тоже поглядел на Благово.
Тот стукнул себя кулаком по колену:
– Горячо!
Друзья переглянулись. Алексей осторожно спросил:
– Стало быть, дача есть?
– Угу.
– И отапливаемая?
– Вполне, – ответил Благово. – Варлам иногда уезжает туда на неделю. Будто бы охотиться. И не замерзает.
– Где же это палаццо?
– На Моховых горах.
Моховые горы находятся на левом берегу Волги ниже большого села Бор. Летом там полюбили селиться дачники. Рыбалка, грибы, близость реки делали местность привлекательной. Некоторые богатеи начали строить по урезу воды летние хибары. Но теплый дом? В таком глухом месте? Летом по воде добираться легко, а по снегу каково?
– Как вы узнали? – не удержался Лыков.
– Проследили за крестником Гущина, – пояснил Благово. – Некий Павел Силков, на побегушках у хозяина, но доверенное лицо. Вчера Силков купил водки, солонины в консервах и отвез в Моховые горы.
– Надо ехать и смотреть!
– Дом стоит на опушке леса. Если явимся толпой, они убегут. В лесу мы их упустим.
– Я подъеду один, на гущинских розвальнях. Скажу, что вместо крестника. И что Варлам Ионович прислал им пожрать.
– А дальше что? – насторожился статский советник.
– Как что? – удивился Лыков. – Дальше стану их бить. Смертным

боем, как полагается.

– Их там двое, а ты один, – возразил Титус. – Терять ребятам нечего... Давай я укроюсь под рогожей! Вылезу и пособлю.

– И отморозишь себе выступающие части тела? – ухмыльнулся титулярный советник. – Женись сначала!

– Яков дело говорит, – остановил помощника Благово. – Их двое, отчаянные. Фомка Живодер по приметам десяти вершков!^[33]

– Да хоть двадцати! – ответил Лыков. – С него и начну. Кто не спрятался, я не виноват...

Благово с Титусом переглянулись, и Яан кивнул:

– Алексей прав. Одного они не испугаются и впустят в дом. Опять же, сани и лошадь знакомые. А так...

– Возьми с собой револьвер и кастет! – нахмурился статский советник.

– Слушаюсь! – шутовски вытянулся Лыков. – А еще ружье и батарею конной артиллерии!

– Я серьезно, орясина!

– Павел Афанасьевич, их же всего двое, – сбавил тон его помощник. – И нападку я неожиданно. В первый раз, что ли?

И сыщики принялись оговаривать детали.

Лыков прибыл на место около десяти часов утра. Ничего себе дачка! Пусть не палаццо, но добротный пятистеночек. С дровяником, баней и конюшенным сараем. Обнесен высоким забором. Стоит на гриве, окнами на Волгу, а позади – заснеженный лес. Если убийцы внутри, то им нужно лишь через забор сигануть, и ищи-свищи... Вокруг больше ни одного строения. Как Варлам не боялся тут жить?

То, что в доме есть люди, Алексей понял сразу. Дернулась занавеска на окне, и следы у калитки еще не замело.

Титулярный советник сам открыл ворота, завел лошадь под уздцы и привязал к коновязи. Все это он делал, стараясь выглядеть привычным. Потом взвалил на спину мешок, а в другую руку взял четверть водки. Тут дверь распахнулась, и на крыльцо вышел мужик в наброшенном на плечи тулупе. Рыжеволосый, глаза светло-серые, ростом на пару вершков ниже Фомки Живодера... Значит, это его напарник.

– Ты кто? – спросил незнакомец, а сам глаз не сводил с бутылки. Любит, стервец, водочку! Это хорошо...

– Я Вовка. Заместо Пашки. Меня Варлам Ионыч прислали. Самому ему нельзя, за ним могут следить.

– А за тобой, значитца, нет? – сразу окрысился рыжий.

– Я нарочно плутал.

– Знаю я, как вы плутаете, дураки деревенские!

Лыков «обиделся»:

– Не хошь, так и не надо! Тута вам и хлеб, и колбаса, и водка... А они кобелятся! Больно мне надо в такой холод сюды ездить! Еще и обругали!

И повернулся к саням.

– Эй, мешок и бутылку оставь!

– Сам купишь, мазура! Тут лавка недалёко!

За спиной стукнула дверь. Алексей обернулся. Возле рыжего скандалиста появился угрюмый детина со злыми напряженными глазами. Он процедил сквозь зубы:

– Неси в дом. И не шуми.

– Он первый начал!

– Я сказал, тихо!

Лыков с обиженным лицом пошел в избу. Протиснулся между громилами, из холодных сеней шагнул в горницу. Тут было натоплено, на столе теснились пустые бутылки и валялись корки хлеба. К лавке было приставлено ружье. Ого! Этого только не хватало... Сыщик начал разбирать мешок, заняв позицию между ружьем и гайменниками.

– Вот! На три дни хватит, а потом Варлам Ионыч вдругорядь меня пришлют. Велели еще передать, что в городе как метлой метут. Что энто значит, не пойму, но велели...

– Не твоего ума дело, – грубо оборвал его Живодер. А рыжий мигом схватил бутылку и начал свинчивать ей голову.

– Вот она, родимая!

Воспользовавшись этим, Лыков отошел в сторону и снял с себя тулуп. Фомка не сразу заметил маневр. А когда заметил, осерчал:

– Ты че, поселиться тут вздумал? Бери ноги в руки и прочь отсель.

Титулярный советник, не обращая на его слова никакого внимания, бросил на пол рукавицы.

– Эй, ланцепуп! Ты глухой али глупый?

– Ни то и ни другое, – ответил сыщик своим обычным голосом. – А буду я сейчас вас, тварей, лупить на обе корки...

Он сказал это так буднично, что Фомка Живодер сразу все понял. Нагнулся было к сапогу, но получил ногой в темечко и полетел кубарем. Рыжий застыл с четвертью в руках.

– Ай! Ты кто?

– Раз-два и в дамки! – ответил сыщик, двумя страшными ударами отправляя его на пол.

Фомка вскочил, но вынуть нож опять не успел. Лыков двигался быстро, словно танцевал вокруг противника. Он сместился вроде бы под левую руку и вдруг оказался под правой. Хрясь! Готов...

Через два часа арестованные стояли в кабинете Благово. Рыжий скулил, по его окровавленному лицу текли настоящие слезы.

– Ваше высокоблагородие, у меня грудь слабая, а он меня что есть силы!

– А нечего было людей убивать, – назидательно ответил статский советник. – Теперь уж что! Теперь тебе жалеть не об чем. На каторге все равно сдохнешь.

Мужик завыл.

– Молчать! – рявкнул Павел Афанасьевич. – Нагадил, так дай ответ! Если сей же час сознаешься, получишь на суде снисхождение. Это ведь Фомка кровь лил? Ты только за руки держал? Я все знаю!

– Точно так, ваше высокоблагородие! Он! Он и резал, и душил!

– А второй Гуцин, который брат Феофилакта Ионовича?

– Тот деньги платил! Это рази брат? Да он хуже волка, вот какой он брат! А я спьяну да по дурости, ваше высокоблагородие... Грудь у меня слабая, пропитание добывать трудно...

– погоди со своей грудью. Точно Варлам платил за то, что вы брата его со всей семьей убьете? Ты сам это слышал?

– Как есть! Ей-бо, сам слышал и сам от него деньги получал. Могу на суде присягнуть!

– Так и сделай. Глядишь, срок тебе убавят. А на каторге тоже лазареты есть. Будешь, вместо чем кайлом махать, на койке отлеживаться.

Фомка Живодер слушал этот разговор молча, а на последних словах злобно плюнул. И тут же охнул от боли – Лыков выбил ему чуть не все зубы...

На другой день Благово сидел у Лыковых за праздничным столом. Холостяк, сам он ничего у себя не готовил, а ходил по чужим домам. После десерта начальник отделения и его помощник развалились в креслах. Не хотелось ни говорить, ни думать. Вдруг Алексей сказал:

– Странно устроен человек. Взять Братцова. Дал ложную клятву, сгубил себя на веки вечные. Терять уже нечего после такого! И вот, на лестнице в ад, занес было ногу на последнюю ступеньку – и остановился. Не сумел! Ребенка пожалел. Пропавший, а что-то в душе осталось христианское... Куда он теперь, Павел Афанасьевич? В ад или в рай?

– У некоторых сектаторов есть такой постулат: не согресишь – не раскаешься, а не раскаешься – не попадешь в Царствие Небесное, –

задумчиво ответил статский советник. — Бог рассудит. Налей-ка мне лучше пендюрочку!

Дело безносого

2 мая 1895 года обер-полицмейстер Москвы полковник Власовский записался на прием к министру внутренних дел. Иван Николаевич Дурново принял его настороженно. Полковник был креатурой великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы и дяди молодого государя. Августейший наместник внушал опасения. Интриган и злопамятный человек, великий князь постоянно искал, кому испортить жизнь... До того как получить Москву, он лез во внешнюю политику, в которой не смыслил ни уха ни рыла. Создал Палестинское общество и под его соусом затеял вредную возню в Иерусалиме якобы для блага православной церкви. Дипломаты едва уняли князька. Каким-то образом Сергей Александрович убедил покойного императора, что справится с Первопрестольной. Сел в кресло и тут же поссорился со всеми, причем сознательно, с целью показать свой нрав. Вторая столица, и без того не любившая первую, совсем взвыла. Московское провинциальное добродушие великий князь решил переделать в какой-то Недопетербург! Он испортил отношения и с дворянством, и с купечеством. Ополчился почему-то на евреев и стал выживать их из города. Столбовую московскую знать Сергей Александрович открыто презирал. Вел себя крайне высокомерно и бестактно. Поселившись в Александринском дворце, он закрыл для посещений любимый москвичами Нескучный сад. Простую публику и в Кремль теперь пускали с затруднениями! В Петербурге их высочество норовил решать вопросы через головы министров, напрямую у государя. А уж когда воцарился его племянник, совсем обнаглел. Их жены были родными сестрами, и это вдруг дало интригану огромное преимущество перед остальными. Министры сговорились противодействовать наскокам Сергея Александровича сообща; Государственный Совет негласно обещал поддержку. Вся бюрократическая машина отобилизовалась против нахала. Началась война московского генерал-губернаторства против всех.

В рамках военной кампании креатуры великого князя всячески зажимались. Вот и Власовский до сих пор не был высочайше утвержден обер-полицмейстером. Уже четыре года он исполнял должность как бы на временных началах. Унизительная приставка «и.д.» мешала службе и была по самолюбию полковника. Сергей Александрович бесился, но ничего не мог поделать: министр внутренних дел не визировал его просьбу. Опять же, сама должность московского обер-полисмейстера была генеральская.

Занимавшие ее прежде имели, как правило, чин генерал-майора свиты. А тут «и.д.» и сиди в полковниках!

Дурново держал все это в голове, когда принимал московского обер-полицмейстера. Знал министр и другое: скоро его самого попросят из кресла. Недавно у него появился новый товарищ^[34] – Горемыкин. Хитрый, гибкий, да еще из правоведов!^[35] Он и станет к Рождеству новым министром внутренних дел. Ивана Николаевича формально повысят, назначив председателем Комитета министров. Но должность эта мишурная и реальной власти не дает. Пора гвардии Александра Третьего на покой – идут новые администраторы. Ну-ну... Не есть ли визит Власовского

началом очередной интриги, направленной против раненого льва?

К успокоению Дурново, разговор зашел о другом. Полковник очень вежливо, с полным чинопочитанием поднял кадровый вопрос.

– Ваше высокопревосходительство! Я позволил себе отвлечь ваше внимание, но тому есть важная причина. Уже чуть не год, как Москва лишилась начальника сыскной полиции, знаменитого Эффенбаха. Он по болезни вынужден был оставить должность. Сказать по правде, найти ему равноценную замену вряд ли представляется возможным...

Тут Власовский сделал глубокомысленную паузу. Иван Николаевич сразу вспомнил, о ком идет речь:

– Ах да! Мы ведь при отставке произвели вашего главного сыщика в генеральский чин, верно?

– Так точно! Эффенбаху назначена усиленная пенсия, и он произведен в действительные статские советники. Есть за что! В ходатайстве государю его высочество напомнили многочисленные заслуги этого человека. Тридцать три раскрытых крупных преступления! Дело о получении в Государственном банке по поддельным документам 222 тысячи рублей. Кража из Почтамта 120 тысяч рублей. Арест беглого кассира Петергофского казначейства с украденными 48 тысячами казенных денег. Убийство Викторовым своей любовницы с расчленением тела... Преступники Москвы все были у Эффенбаха в кулаке! А теперь он в отставке.

– Что же вы хотите от меня, полковник? Человека на его место?

– Такой человек уже найден, – быстро сообщил Власовский и тут же замолчал.

– Ну, Александр Александрович, договаривайте! – подбодрил министр подчиненного. – Человек найден, но вы пришли ко мне. Вас что-то не устраивает?

– Так точно. Он... он поляк и католик.

Дурново нахмурился:

– Продолжайте!

– Мы долго искали нового начальника сыскной полиции. Должность важная... Тем более после такого выдающегося деятеля, каким был Эффенбах. Все приличные отказывались. Наконец согласился коллежский советник Рыковский. Пришлось хвататься за него обеими руками... на безрыбье-то.

– Кто он такой?

– Бывший следователь по особо важным делам Московского окружного суда.

– Ну, это хорошая школа! Значит, ваш кандидат не посторонний делу.

– Именно так, ваше высокопревосходительство, – поддакнул обер-полицмейстер. – Рыковский опытен, имеет за плечами двадцать лет службы по Министерству юстиции. Окончил Варшавский университет. Но католик в Москве... Способен ли он усмирить наших жуликов? Следствие-то вести легко, когда сыщики злодея уже поймали. А ты попробуй сам поймай!

– Так. Но что вы хотите от меня?

– Рекомендацию, ваше высокопревосходительство. Нет ли у вас в министерстве человека подкрепить кадр МСП?^[36] Временно. Хотя на два-три месяца! Опытный чтобы был и свой, православный. Такой и поможет в случае нужды, а главное, присмотрит за паном Рыковским. И даст нам по истечении командировки свое заключение: годится ли поляк для должности.

Дурново не раздумывал ни секунды:

– Есть такой человек! Именно как вам требуется.

– Кто он и где служит? – восторженно обер-полицмейстер.

– Надворный советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции. Лучший у них специалист по уголовному сыску.

– Лыков... А не он ли, ваше высокопревосходительство, в восемьдесят седьмом году был временным помощником начальника Варшавской сыскной полиции?

Министр улыбнулся:

– Он самый! Я тогда от покойного государя удостоился сильного недовольства... Гурко^[37] представил Лыкова к награде за открытие с риском для жизни страшного заговора. А я замотался, забегался и... словом, позабыл толкнуть представление. И Лыков ничего не получил. Ну, так вышло! А спустя несколько лет их Величество вспомнили о том рапорте Гурко. Мне вышла оплеуха, а сыщику – Владимирский крест третьей степени. В седьмом-то классе!^[38]

– А я тогда служил вторым помощником варшавского обер-полицмейстера, – радостно дополнил рассказ Дурново Власовский. – И все видел своими глазами. Лыков совершил гигантской важности дело. Там же готовился погром наружной полиции! Двадцать пять лет тишины, и вдруг... Шуму было бы на всю Европу. Если бы не Лыков. Причем он раскрыл заговор в одиночку, паны ему не помогали. Без агентуры, без помощников... Удивительное дело^[39]. Так это он ваша рекомендация! Более подходящего человека нечего и искать. Ваше высокопревосходительство, благодарю! От имени великого князя и от

своего, разумеется. Однако Лыков может быть занят, или начальство его не расположено... Хороших людей никогда не отдадут просто так, а лишь по нажиму сверху. Вы не могли бы телефонировать директору Департамента полиции? Так сказать, подготовить почву... и убедить, чтобы отпустил своего чиновника на время. Для Москвы ведь стараемся!

Дурново вздохнул и вызвал секретаря.

– Вы настойчивы, полковник! Но для Москвы чего не сделаешь...

Вошел секретарь.

– Соедините меня через телефон с генералом Петровым.

Через час Лыкова вызвали к начальству. Надворный советник насторожился. Новое поручение? Их и без того хватает.

– Николай Иванович, доброе утро. Что-то случилось?

– Да не то чтобы случилось, но...

Генерал-лейтенант спрятал гримасу в седой бороде.

– Мне сейчас звонил министр, по вашу душу. К нему явился обер-полицмейстер Москвы Власовский и попросил временно укрепить кадр их сыскного отделения. Временно!

– Не справляются без Эффенбаха?

– Да они бы, может, и справились, если бы нашли на его место русского. А русские идти не хотят. Вызвался поляк, к тому же католического исповедания.

– Ну и что? – удивился Алексей. – Поляки разные бывают. Есть и такие, что лучше любого русского. Я в Варшаве был, посмотрелся.

– Ну, в Варшаве само собой, – согласился директор. – А для Москвы нежелательно.

– Нежелательно?

– По крайней мере, так думает великий князь Сергей Александрович. И просит через своего обер-полицмейстера, так сказать, проверить нового начальника русским глазом.

– Чушь какая... – пробормотал Лыков. – Мы оскорбим честного человека подозрением, только и всего.

– Да. Если он честный.

– Коли есть сомнения, нечего было назначать, – резонно возразил сыщик.

– Назначил не я, – с некоторым раздражением парировал Петров. – А расхлебывать придется нам с вами, Алексей Николаевич. Поручение от министра получено. Чего теперь обсуждать?

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Разрешите узнать

подробности. Мне нужно выехать в Москву? В каком качестве и на какой срок?

– Власовский просил на два-три месяца. Должность – временный помощник начальника сыскной полиции. Оклад жалования вам сохраняется по нашему департаменту, квартирные будут платить москвичи. Задача понятна: помочь новому начальнику. Он пришел из судейских, зовут Рыковский. Был следователем по особо важным делам Московского окружного суда. Коллежский советник, тертый, бывалый. Характеризуется положительно, единственная беда – поляк.

– Когда прикажете выезжать, Николай Иванович?

– Сдайте дела и ступайте. Пара дней у вас есть.

Так Алексей получил неприятное назначение. Первым делом он попытался увидеться с обер-полицмейстером, чтобы лучше понять свои задачи. Однако Власовский был неуловим. Надворный советник обзвонил несколько ведомств, и везде московский гость «только что отбыл». Вскоре выяснилось, что полковник приезжал и в департамент, а именно в его Третье (Секретное) делопроизводство. Поговорил, с кем хотел, и уехал. Лыков понял, что полковник намерен пообщаться с ним уже дома, на правах хозяина. Это характеризовало обер-полицмейстера не с лучшей стороны. Но Алексею с ним детей не крестить! Он вызвал Валеваича и стал сдавать ему текущие дела.

Коллежский секретарь Валеваич, ученик и единственный прямой подчиненный, новости не обрадовался. Шеф уезжает в Москву, на пару месяцев... А кто будет здесь вкалывать? Баратынский? Самым важным из дел было создание сети антропометрических бюро. Пока такое бюро существовало лишь в ПСП^[40]. Опыт показывал крайнюю необходимость и полезность этой службы. Лыков составил типовое положение и штат бюро для остальных сыскных отделений. В Москве деньги для его создания находили, в Варшаве и Киеве скулили и жаловались на нехватку средств. Надворному советнику пришлось идти в Министерство финансов и канцелярию Государственного Совета, доказывать и убеждать. Государственным секретарем год назад был назначен Плеве. Умнейший человек, специалист полицейского дела поддержал своего бывшего подчиненного. В проект бюджетной росписи второго полугодия вписали соответствующую строку. Но уперся Минфин. Лыков дошел до самого Витте. Министр финансов слушал его четыре минуты, после чего экспансивно оборвал и сам произнес очень толковую речь в защиту антропометрии. Давно Алексей не встречал такого бюрократа! Высокий, неряшливо одетый и непричесанный, Витте ловил все на лету. Ум у него

оказался воистину государственный. Министр смотрел на любую идею под углом общенародной пользы и придавал здравым предложениям блеск и масштаб. Алексей вышел от Витте не просто с одобрительной резолюцией. Министр сказал своим подчиненным какое-то волшебное слово. Сложный процесс финансирования антропометрических станций был решен сразу и окончательно. Остались технические мелочи, которые и придется доделать Валевачеву. Так что Юрий брюзжал больше по привычке прятаться за лыковской спиной...

Другие дела были меньше калибром. Два из них заключались в помощи сыскной полиции градоначальства. Поиск безвестно пропавшего поручика лейб-гвардии Преображенского полка графа Ламберта был почти завершен. Полусожженное тело поручика отыскалось в печи бань Куканова, что на Гороховой улице. А кочегаром при банях служил отставной денщик убитого. Именно Лыков выяснил эту деталь, приведшую в конце концов к раскрытию преступления. Злодей был уже схвачен и дал признательные показания, полиция вела розыск двух бежавших сообщников.

Второе дело касалось контрабанды золота через Кронштадтский порт. Здесь роль надворного советника была скромнее. Он предположил, что золото ворованное, с казенных рудников, и скупают его немцы. Правда оказалась иного толка. Скупщиками действительно выступали немецкие банкиры (вот бессовестные люди!). Но вывозили они не песок или самородки, а монеты. Витте готовил денежную реформу, в частности, рубль переводился на золотой стандарт. С этой целью Государственный банк несколько лет накапливал золотую монету, незаметно выводя ее из оборота. Обслуга хранилища составила шайку и несколько месяцев воровала драгоценный металл из-под носа у начальства. Акт дознания был уже написан, дело вот-вот передадут судебному следователю. Юрий справится и здесь.

Прочие дела были неспешными. Так, Алексей составлял систему наружных примет, столь необходимую для опознания преступников. Он выделил шесть форм ушной раковины, пять – бровей и т. д. Начальство поощряло сыщика, но не торопило. Понимая, что дело важное, оно даже обещало послать Лыкова за границу. Особенно интересно было бы познакомиться с системой Бертильона, опробованной уже и в России. Лыков принимал ее, но хотел упростить. Бертильонаж требует множества замеров, аппаратуры, картотеки. А филеру наружного наблюдения необходим простой альбом с понятной классификацией видимых примет: ухо номер три, нос номер пять, борода венником... Придется взять

наработки с собой в Москву.

Лучше всех приняла новость о командировке Варвара Александровна. Каждое лето, когда в гимназии наступали каникулы, она уезжала с детьми в Нефедьевку. Леса, Ветлуга... Но последние несколько лет родственники, Мансуровы, звали ее погостить у них в подмосковном имении. И вот теперь может получиться! Павлуке и Николке уже одиннадцать, принцессе Шурочке восемь. Дети с удовольствием проведут лето в новом месте. Имение стоит на берегу озера Чистое, на Масловом болоте. В трех верстах – железнодорожная станция. Алексей сможет приезжать по субботам из Москвы. Очень хорошая командировка!

Сдав дела, надворный советник выехал в Первопрестольную. В пути у него была возможность подумать. Временный помощник начальника сыскной полиции... Пятое колесо в телеге. Пан Рыковский явно не обрадуется соглядатаю. В Варшаве несколько лет назад надзор за местными сыщиками был необходим. Отделение не могло само отыскать убийц русских офицеров, и начальство в Петербурге допускало саботаж. Не нашли потому, что не хотели. А здесь, в Москве? Какой тут может быть саботаж? Кругом глаза и уши, вся служба нового начальника на виду. Только больной ум великого князя мог придумать комбинацию с ревизором... Лыков решил, что поддержит поляка, если тот окажется на своем месте. Плевать ему на недовольство Сергея Александровича и полковника Власовского! Про московского генерал-губернатора говорили, что он мужеложец, а Власовского называли пьяницей. Вот компания! Обер-полицмейстера ненавидела вся Москва. Он замучил домовладельцев мелочными придирками и непрерывными штрафами. Если главный полициант думает, что Алексей будет ходить к нему с доносами, он здорово ошибается. Ну, посмотрим.

Утром с вокзала надворный советник заехал сначала в гостиницу «Лейпциг», что на Кузнецком Мосту. Побрился, позавтракал. Надел парадный мундир со всеми орденами и велел вызвать извозчика.

В огромном здании в Малом Гнездниковском переулке (дом 5/3) располагалось множество учреждений. Охранное отделение, адресный стол, типография «Ведомостей Московской городской полиции», архив... В крайнем флигеле находилась и сыскная полиция. Но Лыкову надо было сначала представиться обер-полицмейстеру. Тот занимал обширную казенную квартиру окнами на Тверской бульвар, а в угловом корпусе помещалась канцелярия. С нее гость и начал.

Появление неизвестного надворного советника с двумя Владимирями и солдатским Георгием фурора не произвело. В этих стенах видели и не

такое. Поняв, что заниматься им не собираются, Алексей изловил секретаря. Тот пояснил: обер-полицмейстер еще не выходил из квартиры. Но скоро выйдет, и приемная уже забита народом. Если надворный хочет попасть в высокий кабинет, следует записаться. Там три генерала в очереди, поэтому могут и отказать, перенести на завтра...

Лыков шагнул в приемную и встал сбоку. Подбежал лощеный клерк, с апломбом поинтересовался, что за гость и чего приперся. Надворный советник ответить не успел: появился обер-полицмейстер. Он быстро обошел всех, спрашивая должность и цель визита. Секретарь тут же составлял очередность, начав с генералов. Дойдя до сыщика, Власовский сказал:

– Здравствуйте, Алексей Николаевич! Рад, что вы уже прибыли. Не помните меня?

– Встречались давным-давно в Варшаве. Здравствуйте, Александр Александрович. Много воды в Висле утекло!

– Это верно!

Обер-полицмейстер принял Лыкова первым. Он велел передать начальнику сысской полиции, чтобы тот никуда не уходил и ждал своего нового помощника. А сам провел гостя в кабинет, усадил, угостил чаем с лимоном. Полковник был вежлив и доброжелателен.

– Я буду краток, Алексей Николаевич, – сказал он. – Потеря Эффенбаха невосполнима, мы оба это понимаем.

Алексей молча кивнул.

– Господин Рыковский – лучший из тех, кого мы нашли, – продолжил обер-полицмейстер. – Все бы ничего, если бы не его католичество! Наверняка мы обидим Владислава Рудольфовича вашим появлением. Но это не моя идея, а... Сами понимаете, поручения великого князя мною не обсуждаются. Вам роль надсмотрщика, очевидно, тоже не по душе. Ведь так?

Лыков взгляделся в собеседника. Тонкое серое лицо, черные как смоль, волосы. Глаза усталые, но внимательные. И какая-то скрытая, зажатая нервность. словно человек сдерживает себя, чтобы не закричать. Поняв, что его изучают, полковник сказал:

– Не обращайтесь внимания. Я сегодня спал три часа. Для меня этого вполне достаточно, однако многие думают, что я употребляю наркотику. Или пью с утра до вечера... А я ни то и ни другое. Просто ревностно несую службу.

– Александр Александрович, вы говорили обо мне с Рыковским?

– Да, как раз вчера, по приезде из Петербурга.

– И что он?

– Владислав Рудольфович сохраняет лицо. Что ему еще остается? Помня ваш характер по Варшаве, я уверил его, что вы не интриган. Будете ему помощником, а не соглядатаем. И что Лыков – это очень хороший выбор. Лучший в нынешней ситуации.

Алексей вздохнул и встал.

– У вас там полно народа...

– Так каждый день, не обращайтесь внимания. Завтра будет то же самое.

– Я пойду знакомиться. Обещаю вам честно сообщить свое мнение о вашем главном сыщике. Как только это мнение составится.

– Моя дверь всегда открыта для вас!

Власовский понравился Алексею в этой первой короткой беседе. Он понимал сложность ситуации и пытался разрешить ее к пользе дела. Интригой тут, кажется, не пахнет. Есть капризный «хозяин Москвы», и его приказы приходится выполнять. Рыковский тоже понимал, на что идет, когда подавал прошение! Пусть теперь немного потерпит.

Не надевая шинели, Лыков прошел в соседний подъезд. Городовой на входе молодежато козырнул.

– Где кабинет начальника?

– На втором этаже направо, ваше высокоблагородие!

Звеня орденами, Алексей вошел в общую комнату отделения. Все присутствующие вскочили.

– Здравствуйте, господа. Я Лыков. Прошу провести меня к Владиславу Рудольфовичу.

Штат МСП был невелик: начальник, два чиновника, делопроизводитель с помощником и двенадцать сыскных надзирателей. Плюс служительская команда и писари. Первым Лыкову представился чиновник для поручений титулярный советник Добронравов. Он и повел гостя к начальнику.

Рыковский оказался типичным польским паном: тонкое лицо, холеные усы с подусниками, изящные золотые запонки. Коллежский советник в сорок два года! Хорошая карьера. Вид у главного московского сыщика был сконфуженный.

– Владислав Рудольфович, не вы же это затеяли! – с порога заявил гость. – Пусть иные конфузятся. А мы будем вместе служить. Нечего нам друг перед другом извиняться...

– Вас прислали потому, что я католик? – не удержался от заранее приготовленной фразы хозяин. Но не выдержал и первый усмехнулся:

– Впрочем, вы правы. Зачем сотрясать воздух. Дел полно! Чаем, не

обессудьте, не угощу. Надо срочно ехать в Сокольники, там очередной труп.

– Ну вот, с корабля и на бал! – тоже усмехнулся Лыков. Два сыщика посмотрели друг на друга, и было видно, что оба остались довольны. С ходу, без политесов и длинных речей. Каждый решил про себя: начнем, а там увидим...

Через минуту сыскные уже садились в пролетку. Кроме Рыковского и Лыкова, на место преступления выехали полицейский врач и надзиратель. Коллежский советник сразу стал вводить своего помощника в курс дела.

– Очевидно, что убийство – дело рук шайки Безносого.

– Безносос – фамилия главаря? – не понял Алексей.

– Не фамилия, а кличка, – пояснил Рыковский. – И не Безносос, а Безносый.

– Понятно. То есть личность главаря известна?

– Увы, только кличка. Это что-то новое в нашем уголовном мире. Безносый появился здесь в декабре прошлого года. И тут же пошли убийства игроков.

– Игроков?

– Да. Все жертвы, а их с сегодняшней уже шесть, картежники. Любители понтировать. Громилы подкарауливают их на выходе из клубов, в которых разрешены азартные игры. Утром, когда клубы закрываются. Такого гуся сразу видно. Если он продулся, идет хмурый... Его не трогают. А если пьяный да веселый, то нападают. Один удар в шею, ножом. Всегда в шею, это уж такой стиль. Быстро обирают жертву и убегают.

– А свидетели?

– Три-четыре часа утра! Свидетели все спят. Швейцар из клуба видел кого-то издали. Присмотреть не смог. Только когда мы стали трясти агентуру, один налетчик из Марьиной слободы проболтался. Сказал осведомителю^[41]: это Безносого дела, кровь-де льет, как воду! Так мы узнали кличку.

– Что еще известно?

– А больше ничего! – развел руками начальник отделения. – Обер-полицеймейстер рвет и мечет, газеты склоняют меня на все лады. Так что, Алексей Николаевич, помощь мне действительно нужна. Хоть и горько в том признаваться. Я, знаете ли, бывший следователь по особо важным делам. Насмотрелся всякого. Но дознание... Однако учусь, учусь!

– Какие меры приняты?

– А это вам сейчас Войлошников доложит, – Рыковский указал на сыскного надзирателя. – Я завел временные группы, ведущие

расследование однотипных преступлений. Специализация и все такое... Александр Иванович – старший по разбоям и убийствам. Поэтому и едет с нами.

Войлошникову на вид было чуть меньше тридцати. Серьезный, собранный... Он толково сообщил:

– «Безносый» расценено нами как особая примета. Ведутся поиски всех сифилитиков, проверяем по спискам поименно, кто лечился. И городские больницы, и частные. Проверено более восьмидесяти человек. Пока не нашли, но найдем! Сифилис – болезнь особая, требует учета. Вскроем мерзавца!

– Еще где ищите? – спросил Лыков.

– Другая версия, что у злодея фамилия содержит слово «нос». Носов, Безносов, как-то так.

– Успехи?

– Успехов пока никаких. Все люди с похожими фамилиями – простые обыватели. Подозрительных нет. Отыскался лишь один Безносюк, но он карманник, а не головорез.

– Понятно. Другие направления поисков?

Надзиратель удивился:

– Какие еще могут быть направления?

– То есть ваша версия ограничена сифилитиками и созвучными фамилиями?

Теперь удивился и Рыковский:

– Алексей Николаевич, вы, кажется, не поняли. Именно при сифилисе проваливается нос, очень даже часто.

– Я знаю.

– Так чего же вы хотите? Где еще искать нам безносового человека?

Лыков стал терпеливо объяснять:

– Во время войны с турками у нас в Кобулетском отряде было два случая. Там местность такая, что лугов нет, и сена, стало быть, тоже нет. Еще нет дорог, никаких. Лошадей приходилось кормить овсом. А доставка из-за бездорожья очень была затруднена. Лошади часто голодали. И у казаков однажды голодный конь сошел с ума и откусил хозяину нос.

– Впервые слышу! – поразился Рыковский. – От злости?

– Да, нервы сдали. У лошадей тоже ведь есть нервы.

– И что казак?

– Отослали в госпиталь. Больше я его не видел.

– Сильно откусил?

– Как ножом отрезал! Только две дыры и остались.

- Ну и ну... А второй случай?
- То уже в бою. Прилетел шрапнельный стакан... Знаете, что это такое?
- Слышал.
- Вот. Разорвался в цепи, которая лежала в поле. И подпоручику из нашего батальона отбил нос. Сам стакан – это такая тяжелая стальная чушка. Ударил сбоку, и готово!
- А шрапнели?
- Осыпало, но не задело. А стакан задел.
- И что с подпоручиком?
- Тоже в лазарет.
- Хм... Войлошников! Что вы на это скажете?
- Господин надворный советник прав. А мы не подумали! Надо расширить круг поисков. Военная травма... да и вообще любая. Мало ли что в жизни случается? Пьяная драка или на заводе в механизм угодил...
- Выполняйте! А вам, Алексей Николаевич, спасибо за первую подсказку.

Так за разговорами они прибыли в Сокольники. Перед проездом Камер-Коллежского вала толпились зеваки. Городовые не пускали их в рощу. В воротах возвышался рослый красивый офицер с выразительным лицом.

– Это пристав Четвертого участка Мещанской части поручик Лебедев, – пояснил Владислав Рудольфович. – Присмотритесь к нему. Способный!

Завидев сыскных, пристав махнул рукой. Зевак оттеснили, и пролетка въехала в парк. Лебедев ловко вскочил на подножку и приказал кучеру:

- Давай в круг!
- Где убитый? – близоруко сощурился коллежский советник.
- Прямо в круге лежит, за летней верандой.
- Наш?
- Ваш, Владислав Рудольфович. Удар в шею, как всегда.

Сокольнический круг – знаменитое место. Это пространство диаметром в двести саженей обнесено забором испокон века. Внутри – фонтан и летнее кафе. В пространство рощи от круга расходятся семь дорожек-лучей. Тут всегдалюдно, даже зимой. А уж в начале мая... Как в таком шумном месте совершили убийство? Наверняка имеются свидетели!

Они подъехали к веранде, сошли, и Алексей увидел тело. Тщедушный мужчина в подбитом сюртуке и слишком ярком жилете лежал на спине. Глаза смотрели в небо с театральным удивлением. Мертвый словно

вопрошал: эх-ма, чего это? Голова повернута набок, в шее короткий разрез. И большая лужа крови вокруг.

– Документы при нем? – спросил Рыковский у пристава. – Личность установили?

– Никак нет, Владислав Рудольфович, – ответил Лебедев. – Карманы я обшарил, но осторожно. Чтобы не менять положение тела... Пусто во всех карманах.

– Обчистили, кто резал. А по виду, Василий Иванович? Что скажете? Кажется, похож на бразильянца?

– Думаю, он и есть. Приехал погулять, и не повезло.

Рыковский поймал недоуменный взгляд Алексея и спохватился:

– Ах да! Вы же не владеете здешним жаргоном. Бразильянами у нас в Москве называют провинциальных жуиров. Их много наведывается сюда. Повеселиться, приударить... Это целый тип: при деньгах, неразборчивые, жадные до развлечений.

– Вы сказали, Безносый охотится на картежников, – начал Лыков. – Но здесь, в Сокольниках... Начало мая, летнее кафе только-только открылось. Разве в нем разрешены азартные игры?

– В корень смотрите, ваше высокоблагородие, – почтительно согласился Лебедев.

– Для вас Алексей Николаевич.

– Благодарю-с. А я буду Василий Иванович. Так вот. Игры в кафе, конечно, запрещены. Но тело-то здесь! Я тоже первый вывод сделал, что держатель кафе позволяет тайную игру. Непорядок! Я хочу его припугнуть. Может, он со страху, что патента лишится, что-нибудь и вспомнит? Кто вертелся возле игравших, кто у входа караулил... А пока извольте пройти в заведение. Покажу, что я там нашел.

Все трое зашли внутрь, и Лебедев предъявил начальству веские улики. Прямо на столах лежали не убранные с ночи карты, на зеленом сукне белели написанные мелом цифры. Игорный притон!

– Где управляющий? – рассердился коллежский советник. – Закрывать чертово логово на все лето! Сегодня же подам рапорт обер-полицмейстеру!

– Владислав Рудольфович, дозвольте возразить, – тихо, но твердо остановил его поручик. – Нам много выгодней простить нарушение, но сделать управляющего осведомителем. Прошу разрешить это.

– Что? Вы требуете от меня санкции на нарушение закона? – вскричал поляк. – Да что же будет тогда твориться в Москве? Ежели мы сами начнем поощрять преступления...

– Владислав Рудольфович, а ведь пристав дело предлагает, –

осторожно сказал Лыков. – Тайные игорные дома манят жуликов как магнит. А здесь край города, близко разбойная Марьиная Роща! Такие персонажи могут заходить! Свой человек ох как нужен.

Начальник сыскной полиции озадаченно замолчал. А его временный помощник продолжил:

– Это в вас, извините, говорит бывший прокурорский. Но вы теперь сыщик! Без агентуры в преступных кругах сыска не бывает. Точнее, он бывает, но толку от него грош. А поручик Лебедев выказал, на мой взгляд, высокий профессионализм. Василий Иванович, вас бы к нам, а не в наружной полиции служить! Не думали об этом?

– Кстати, – спохватился Рыковский, – господин Лыков сейчас по пути подал неожиданную мысль. Будто бы наш Безносый может быть не сифилитиком вовсе, а бывшим военным, получившим травму. Нам оно и в голову не приходило. Что скажете, поручик?

– Здоровое предположение, хотя я за сифилитика, – ответил Лебедев. – Травма – вещь броская, кидается в глаза. Был бы такой уголовный, давно бы мы о нем знали. А сифилитик... Вон их сколько в Москве! Кто-то и есть наш убийца.

Тут неожиданно заговорил забытый всеми Войлошников:

– А я считаю, господин Лыков прав! Уголовных сифилитиков десятки, но мы ищем уже третий месяц. Все картотеки пересмотрели, всю агентуру вздыбили. И впустую. Был бы Безносый одним из деловых, давно бы его идентифицировали. А тут новый человек, сторонний. Потому и на свободе до сих пор. Я за травму.

– Вот вам и поручаю расширить поиск, – оборвал спор Рыковский. – Вы старший группы, так и действуйте.

– Разрешите тоже войти в группу, – попросил Алексей.

– Вы мой помощник! И в таком чине... Разве если на правах старшего.

– Чины в сыске роли не играют. Войлошников давно ведет дознание, у него все дело в руках. А я буду входить две недели. Зачем? Как рядовой член группы я больше пользы принесу!

Рыковский посмотрел на своего надзирателя. Тот согласно кивнул:

– Почту за честь служить под началом господина Лыкова в любом качестве. Много слышал о нем от Эффенбаха.

– Ну вот! – обрадовался поляк. – Войлошников сам готов уступить пальму первенства!

– Разрешите настоять на своем, – мягко возразил Алексей.

– Как вы себе это представляете? Войлошников – коллежский регистратор, вы – надворный советник...

– Александр Иванович отвечает за поимку Безносого перед вами, так?

– Так. В качестве старшего группы. Но в группу входят рядовые агенты, коим он и дает указания. А как он даст их вам, Алексей Николаевич?

– Как всем остальным, так и мне. В рамках дознания у каждого есть свое направление. Я займусь тем, что рядовые агенты делать не могут. В частности, поиском Безносого в архивах Военного министерства. Имею там связи... Получится быстрее, чем если бы телеграмму подписал обер-полицмейстер. Ну и вообще... полагаю, что буду полезен в группе.

Рыковский задумался, а Лыков добавил:

– Еще считаю целесообразным включить поручика Лебедева.

– Это зачем? – вскинулся начальник отделения.

– Для усиления состава.

– Вы хоть знаете, сколько дел у участкового пристава?!

– Знаю, Владислав Рудольфович.

– Сомневаюсь! Иначе не предлагали бы такую чушь!

Лыков ответил, с трудом сдерживаясь:

– Господин коллежский советник, я занимаюсь уголовным сыском шестнадцать лет. А вы – пять месяцев. Я раскрыл более двухсот преступлений, и все они кончились обвинительным приговором суда. Ни одного оправдательного, ни одного «оставить в подозрении». А вы как следователь все свои дела успешно провели через суд?

– Но зачем вам пристав в составе группы дознания? – уклонился от ответа Рыковский. – В московской полиции их сорок три человека! Может, всех включить?

– Лебедев как раз и будет заниматься взаимодействием с участками. Свой среди приставов, он лучше нас с вами сумеет выстроить отношения.

– Какие еще отношения? – схватился за ухоженную голову поляк. – Мы убийц ловим или дипломатию разводим?

– А как вы собираетесь ловить убийц, не опираясь на наружную полицию? – повысил голос уже надворный советник. – Другого способа нету. С мизерным штатом сыскного отделения, с вашим отсутствием опыта, с вашим католицизмом, в конце концов. Вы что, действительно не понимаете? Без поддержки всей полиции служба ваша успешной быть не может!

Сказал и сам не обрадовался. Конечно, слова были правильные. Но в присутствии подчиненных, и особенно посторонних, говорить их не следовало. Рыковский обиделся:

– Делайте, что хотите! Вас посадили через мою голову... и католицизм

ему уже мешает! До ясней Анельки!^[42] Поимку Безносого спрашивают с меня, а вяжут по рукам!

– Ваше высокоблагородие, – перешел на официальный тон Лыков, – давайте спросим самого поручика Лебедева, готов ли он войти в группу? И позволят ли ему это его многочисленные обязанности по должности пристава?

– Что скажете, поручик? – обернулся к Лебедеву начальник сыскной полиции.

– Дел, конечно, выше крыши... Но войти, если честно, давно мечтаю!

– Мечтаете?

– Точно так. Я справлюсь, Владислав Рудольфович! И, смею надеяться, принесу пользу дознанию. Господин Лыков... Алексей Николаевич прав. Почему так плохо идет поиск шайки Безносого? Нет взаимодействия. Главное лицо в полиции – это околоточный надзиратель. Он ближе всех к обывателю по должности. Двенадцать сыщиков на Москву – капля в море! А пятьсот околоточных накрывают город будто сетью. Ничего важного не укроется от их взора, если верно направить внимание. Вот это и станет моей задачей! Начну объезжать участки с утра до ночи и толкать, толкать людей. Тогда полиция сделается вам настоящим помощником, и мы отыщем убийц!

Лыков одобрительно крякнул. Пылкая речь молодого поручика подействовала и на поляка. Он перевел взгляд с пристава на петербуржца, стащил с руки перчатку и протянул ему руку:

– Алексей Николаевич! Мир?

– Мир, Владислав Рудольфович! – охотно ответил надворный советник.

– Значит, так. Я сегодня же вхожу к обер-полицмейстеру с докладом. Прошу усилить группу дознания по шайке Безносого двумя лицами: Лыковым и приставом Лебедевым. И, с помощью поручика, отрабатываем новую модель взаимодействия наружной и сыскной полиции. Верно?

– Очень верно!

Тут появился распорядитель кафе, и начальство переключилось на него. Рыковский оказался талантливым актером и разыграл все как по нотам. Сначала он топал ногами и стращал ресторатора всякими карами. А потом заявил:

– Но вот ваш пристав за вас заступается. Говорит, надо дать шанс исправиться... Не знаю, не знаю. Будь моя воля, остались бы вы без промыслового свидетельства! А впрочем, Василий Иванович у себя в участке хозяин, и решать ему.

Сыщики уехали, оставив пристава разбираться на месте. Тело погрузили в труповозку и отправили в морг Тверской части. Пока возвращались, Лыков обратил внимание на бравый вид городских. Он был в Москве два года назад, и тогда наружная полиция не блистала. Это вообще было свойственно Первопрестольной. Если в Петербурге брали на службу отставных гвардейских солдат, в Москве служил кто ни попадя. Городовые вечно уходили со своих постов и судачили с дворниками. Улицы не чистились, и приставы не обращали на это внимания. Все делалось по-семейному, добродушно-лениво, а по сути спустя рукава. И вдруг такая перемена! Алексей обратился за разъяснением к поляку.

Рыковский охотно рассказал. По его словам, всеми новациями москвичи обязаны Власовскому. Честь обнаружения этого таланта принадлежала городскому голове Алексееву. Проезжая через Ригу, он обратил внимание на идеальный порядок в городе. Вернувшись, рассказал великому князю Сергею Александровичу. Тот как раз искал замену старому обер-полицмейстеру Юрковскому, доставшемуся ему от князя Долгорукова. Генерал-губернатор вызвал полковника из Риги, посмотрел на него – и предложил должность. Власовский согласился. Для Москвы началась новая жизнь.

Первым делом свежее испеченный обер-полицмейстер велел всем участковым приставам подать в отставку. Ну или почти всем. В их среде царили взяточничество и небрежность к службе. Далее очередь дошла до околоточных и даже рядовых городских. Как и в столице, на службу начали брать отставных гвардейцев. Рослые, сильные, грамотные, они встали на всех перекрестках и никогда не уходили с поста. Вежливые красавцы городовые лихо козыряли офицерам и умели успокоить истеричную даму. Москва преобразилась.

Затем спокойная жизнь кончилась у дворников и домовладельцев. Власовский огромными штрафами заставил их опустошить выгребные ямы, не чищенные годами. В городе стало легче дышать! Так же строго начали спрашивать за уборку улиц. Исчезли снежные сугробы и

колдобины, привычные даже на Тверской. День и ночь дворники сбивали сосульки, топили снег, подправляли мостовую. Наладился и паспортный режим, на который в полиции давно уже махнули рукой.

Следом пробил час извозчиков. Власовский с утра до вечера семь дней в неделю ездил на пристяжной с дежурным чиновником из конца в конец города. Он был вездесущ и неутомим. Все замечал, немедленно пресекал и выносил приговор, а утром это появлялось в «Ведомостях Московской городской полиции». Извозчики позабыли прежние вольности, когда они дрались за пассажиров, ездили в рваных кафтанах и матерились. Штраф, немедленный и ощутимый, вдруг заставил всех стать вежливыми. Москва притихла. Всеобщая ненависть к Власовскому не знала границ. Говорили, что он кокаинист, потому никогда не спит. Еще его объявили Антихристом. Нелюдимый, живущий только службой, беспощадный и злопамятный, полковник плевал на эту ненависть. Вечерами он пьянствовал в отдельном кабинете в обществе одного лишь Алексева. Выпив, как ни в чем не бывало снова отправлялся на обход. Через год городского голову застрелил в служебном кабинете сумасшедший. Обер-полицмейстер не просто лишился собутельника – он потерял единственного человека, хорошо к нему относившегося. Полковник окончательно ушел в службу и стал еще неутомимее и злее. Но в Москве воцарился порядок.

Время до обеда Лыков посвятил бытовым делам. Прежде всего он переоделся в статское, сняв парадный мундир с орденами. Сыскная полиция занимала четыре больших помещения. Временному помощнику поставили письменный стол в комнате приводов. Самая беспокойная, зато все новости узнаются немедленно! В два часа Лыков вместе с Рыковским пошел на доклад к обер-полицмейстеру. Он помалкивал, наблюдая, как выкручивается бывший следователь.

Главным событием, конечно, было новое убийство. Власовский подробно расспросил, убедился, что это дело рук Безносого, и устроил подчиненному выговор:

– Владислав Рудольфович, сколько еще будете их терпеть?! Шестой покойник! Что я скажу великому князю?

– У Алексея Николаевича есть новые предложения, – сразу же перевел стрелки поляк. – По его мнению, мы не там искали. Сифилитиками круг подозреваемых не ограничивается. И вообще он предлагает усилить группу, что дознает шайку Безносого, собой и приставом Лебедевым.

– А при чем тут Лебедев? – удивился обер-полицмейстер.

Лыков коротко, но убедительно пояснил. Власовский задумался.

– Чтобы пристав сам просил добавить ему обязанностей? Экое

баловство! Впору наказывать поручика Лебедева за то, что ему нечем себя занять! А с другой стороны, Лыков прав... Прав! Без помощи общей полиции как жуликов ловить? Карманников, пожалуй, и возможно. А вот убийц с налетчиками... Есть места, для сыскных надзирателей непроницаемые. Да все наши окраины такие! Только околоточный туда вхож, причем не всякий. А кто вхож, не всегда расскажет, что у него в околотке творится.

– Эффенбах как-то проникал... – тихо буркнул Рыковский. – А мне пока не удалось.

– Он тоже не везде проникал, – утешил начальника Лыков. – Настоящие жулики над ним посмеивались. Вообще же, успех дает негласная агентура. У вашего предшественника она была.

Разговор перешел на Эффенбаха. Все трое хорошо его знали и оценивали высоко. Полковник сказал, в частности:

– Ловкий был человек! Не читали его формуляр? А я читал. Там сорок благодарностей и единственная жалоба. Это что-то удивительное! Уверяю вас, господа, наши с вами досье сплошь состоят из доносов и жалоб. А тут...

– Он ведь жил с одной женщиной, а венчан был с другой, – вставил Рыковский. – И помогал обеим! Как это возможно при его окладе жалования?

– Тут вопрос! – согласился обер-полицмейстер. – И начальство его себе задавало. Эффенбах получал сто семьдесят пять рублей. Из них семьдесят пять отсылал в Петербург, официальной супруге.

– А жил, выходит, на оставшиеся сто? – съязвил коллежский советник.

– Да. Содержал при этом гражданскую жену и четырех прижитых от нее детей.

– Это же невозможно!

– А он сумел. И без доносов и нареканий. Я же говорю: необычайной ловкости был человек! И дело знал, и убийц ловил лучше нас с вами...

Последняя фраза обер-полицмейстера прозвучала как упрек, но он не собирался щадить собеседников.

– Так! Ваше предложение я одобряю. Поручик Лебедев официально включен в группу Войлошникова. Сегодня же об этом будет в приказе. Задача та, что вы описали: взаимодействие с приставами и околоточными. Притом прямых обязанностей никто с него не снимает!

– Слушаемся! – хором сказали сыщики.

– А еще скажу, что надеюсь на вас, Алексей Николаевич! – Полковник встал, заканчивая разговор. – С вашим-то опытом этого Безносого

изловить... Поручаю лично вам. Даю неделю сроку! Отговорки у нас в московской полиции не принимаются.

Рыковский пригласил Лыкова обедать к себе домой. Видимо, ему было неловко за утреннюю сцену, когда он назвал предложения помощника чушью. Факт, что Алексей сам вызвался на труднейшее дело, поразил поляка. Теперь официально за поимку шайки Безносого отвечал петербуржец. Новый в Москве человек, временный, который мог бы сидеть тихо и писать наверх ябеды...

Владислав Рудольфович занимал уютную квартиру во флигеле полицейского дома в Малом Гнездниковском. Когда они вошли, навстречу отцу выскочили аж пятеро детей: два сына и три дочери. Младшей из дочек было всего три года, и папаша с радостью взял ее на руки. Жена у поляка оказалась русская, полная молчаливая женщина. Она не ждала гостей и смущалась своей будничной шемизетки...^[43] Однако не подала виду, быстро распижала детей, поставила на стол дополнительный прибор и ушла. Заметно было, что порядок в доме поддерживался строгий, но добродушный.

– Сказать по правде, Алексей Николаевич, я вызвался на эту должность из-за квартиры, – признался начальник сыскной полиции. – Дорого очень в Москве снимать жилье! А когда на одно жалование живут семеро, то и непосильно. Вот на старости лет и перешел из судейских в сыщики. Но тут совсем другая жизнь. Будучи следователем, я этого не понимал! Честное слово! Следователь ведь имеет дело с готовым материалом, тем, что собрали сыщики. Обычно вызываешь начальника отделения и даешь ему поручение. Как он будет его выполнять, тебя не касается! Если дело провалено в суде, опять виноват не следователь, а сыщик. Удобная служба! А теперь все шишки мои. Да еще с таким обер-полицмейстером, как Власовский...

– А по-моему, Власовский на своем месте, – возразил Алексей. – Требовательный – так это для пользы дела. Не самодур, не лентяй в отличие от предшественников. Но как он живет, зная, что все его ненавидят? Я бы не смог.

Не спеша пообедав, сыщики вернулись в отделение. Лыков стал изучать протоколы осмотра места происшествия по всем жертвам шайки Безносого. Он просидел над бумагами до вечера.

Первый труп был найден 28 декабря. Неизвестного ударили ножом в шею и бросили умирать в Лазаревском проезде, под забором одноименного кладбища. Личность убитого выяснили через неделю. В Москву приехала

на поиски пропавшего мужа купчиха из Боровска. Она и опознала несчастного. Вдова сообщила сыщикам, что супруг имел слабость: любил играть в трынку. И что он взял с собой в Москву три тысячи рублей. Где-то в окрестностях Виндавского вокзала был тайный игорный дом. Полиция знала о нем, но найти не могла.

Второй труп обнаружили в конце января чуть не на пороге сыскной полиции. На углу Большого Гнездниковского переулка и Тверской шумел Всесословный клуб. Публика там гуляла низкопробная, и процветала карточная игра. Обслуга сразу опознала покойника, который вчера «сильно шумел». Он выиграл в эспаньоль тысячу двести рублей, из которых половину тут же и пропил. Уходил на своих ногах, под утро. С торчащими из всех карманов банкнотами... Кто за ним увязался? Вроде никто... Личность погибшего до сих пор не была установлена.

Еще два покойника прибавились на Масленой неделе. Сыщики уже знали, где искать, и сразу взялись за игорные заведения. Один отметился в Немецком клубе, хотя был малоросс и известный шулер. Второй – бразильянец, продавец писчих принадлежностей из Вязьмы. Этот забрел за каким-то чертом в Охотничий клуб и спустил там полтысячи. Видимо, заодно он попался на глаза убийцам, и на выходе гуляку поджидали...

К этому времени сыскные уже знали кличку Безносый. Ясно было, что действует целая шайка, и она имеет наблюдателей в местах с разрешенными азартными играми. Агенты стали тереться по клубам, играть по маленькой и смотреть, нет ли где сифилитика... И получили пятый труп, под самую Пасху. Тайные притоны церковных праздников не соблюдают. Очередного приезжего нашли у Троицкой церкви на Шаболовке. Та же рана на шее слева. Тело убийцы обчистили, но потайной карман на подштанниках в спешке не нашли. Там оказались две «катеньки» и обратный билет до Котельнича. Сыщики отбили туда телеграмму и выяснили личность жертвы. Тоже купец, и тоже любитель трынки. Да и в «железную дорогу» не прочь был перекинуться...

И вот теперь еще один бразильянец. Пора эту лавочку прикрыть...

Утром Лыков собрал сыскных надзирателей и поделился с ними своими догадками. Убийцы, сказал он, скорее всего не из преступной среды. Когда гайменник убивает? Только если ему оказывают сопротивление. Тогда он безжалостен и лют, ибо на страхе жертвы и основывается его сила. А тут зарезать шестерых... Дали бы сзади по башке, отобрали деньги и ушли. Убивать-то зачем? Профессионалист знает, что полиция крови не любит. И по мокрому делу метет всех подряд, пока не отыщет злодеев. Ни один бывалый уголовный сам себе жизнь осложнять не

станет. Тут работают дилетанты.

Надзиратель Мойсеенко сразу же возразил: в прошлом году налетчики на Дербеневке прикончили двоих! Но Войлошников поправил: не так было дело! Один стал сопротивляться, его ткнули ножом, и второго уже резали как нежелательного свидетеля.

На шум спора подошли Рыковский и Добронравов. Титулярный советник спросил: если шайка состоит не из уголовных, то из кого же она? Неужели сошлись мужики с одной деревни и отправились резать картежников?

Люди действительно подобрались не просто так, ответил Лыков. Тут какая-то спайка. И скорее всего, по роду занятий. Бывшие военные, например, часто сбиваются в шайки, не имея уголовных привычек. Офени коротают зиму. Или мастеровые из одной артели застряли в Москве. Уезжать домой, а к весне опять возвращаться им не с руки. Вот и ждут начала сезона, а пить-есть надо каждый день. То есть по натуре своей эти люди вполне уголовные, если так легко совершают преступления. Но в картотеках сыскной полиции их пока нет, внешне они обыватели. Это неудивительно. Население Москвы каждый год прирастает на двадцать пять тысяч человек – за всеми не уследишь...

Еще, сказал надворный советник, необычным является способ убийства. Удар в шею почти не встречался в его практике. Он труден в исполнении, особенно зимой. На жертве шарф или меховой воротник с башлыком. Сразу можно не попасть, человек закричит, пустится бежать. Что-то здесь не то... В шею бьют быка башколомы на бойне, это их профессиональный удар. Но такую версию москвичи отработали и никаких бывших забойцев не обнаружили. Загадка остается.

И конечно, искать следы шайки надо в местах с разрешенными (или подпольными) играми. Агенты это уже делают, но пока без результата.

– Скажите, кого вы там ищете? – спросил Лыков надзирателей.

– Наводчиков, разумеется! – ответил все тот же Мойсеенко, самый бойкий из отделения.

– Мужчин?

– Знамо дело, мужчин. Кто же доверит бабе такое? Разболтает в тот же час! И потом, эти убивают. Баба побоится в мокрое дело впутываться.

– А я бы искал женщину. Таковую, которой и кровь не страшна...

– Почему женщину, Алексей Николаевич? – удивился Войлошников.

– Мужчину вы бы уже нашли. Его сразу видно. А девиц в каждом клубе крутится полно. И не только на танцульках, но и вокруг карточных столов. Одна из них и есть наводчица.

В помещении стало тихо. Агенты обдумывали слова временного помощника начальника отделения. Наконец поднял руку сыскной надзиратель Булкин:

– Ваше высокоблагородие, а что с носом?

– В каком смысле? – удивился Лыков.

– Ну, говорят, вы против сифилитика! Как так? Куда еще у человека может нос пропасть?

Все рассмеялись.

– Да куда угодно! – ответил надворный советник. – Вот у нас в Кобулетском отряде был случай...

Он снова рассказал страшные истории про откушенный нос и шрапнельный стакан. Подытожил так:

– Если главарь живет среди нас, он обязан маскироваться. Даже в миллионном городе человек без носа замечен. Давно бы вам о таком уродстве кто-нибудь рассказал! Ведь он ходит по улицам, где-то ест, спит... Десятки людей знают о нем! Но молчат. Боятся или же заодно с убийцами. А остальные просто не замечают.

– Как можно спрятать такое увечье? – засомневался Рыковский. – Маску только в маскараде надевают. А в жизни нос на виду! Закутать лицо платком? Разве во время налета. Но когда главарь, как вы говорите, ест-спит, платок он должен снимать.

– Ну, я бы сделал накладку, – начал рассуждать Лыков. – Большие усы, переходящие в бороду, а над ними бесформенный нос картошкой из папье-маше. Угреватый, вроде как у пьяницы.

Коллежский советник фыркнул:

– Вот опять фантазии! И такую штуку атаман прилаживает себе на рожу каждый день? Может, он еще и гримера держит?

– Может, и держит, – парировал Алексей. – Потому как, если бы он этого не делал, его бы давно поймали.

Снова все умолкли, давая начальникам пособачиться между собой. Но Рыковский вспомнил, что сегодня уже ругался с петербуржцем и едва помирился. Поэтому спорить дальше он не стал, а объявил:

– Господин обер-полицмейстер только что поручил надворному советнику Лыкову изловить шайку убийц. Сроку дал неделю.

Как все загалдели! Некоторые, по наблюдениям Лыкова, не без злорадства. Войлошников очевидно испытал облегчение: теперь спрос будет не с него! Мойсеенко спросил, перекрывая шум:

– А если их высокоблагородие не справятся? Отошлют обратно в Петербург?

– Нет, приставят к вам для выучки, – беззлобно съязвил Алексей.

Увидев, что петербуржец спокойно относится к подначкам, сыщики унялись. Но остался вопрос, он витал в воздухе: как гость за неделю сделает то, что все отделение не может исполнить пятый месяц? Надворный советник пояснил:

– Сейчас я занимаюсь черепно-лицевыми ранениями. Не одними военными, всякими. А вы ориентируйте агентуру в преступной среде. Сегодня же! Пусть сообщают обо всех безносых, а не только о сифилитиках. Особое внимание пусть обратят на людей с виду обычных, но для нас подозрительных. Как я описывал: пышные усы, нос картошкой, гнусавая речь.

– Гнусавая речь? – оживился Мойсеенко.

– Да. Если поражены носовые ходы, говор будет несколько гнусавый. А что, есть кто-то на примете?

– Нет, это так, в копилку...

– Кстати, Мойсеенко, а где тот налетчик, что первый назвал кличку? Вы допросили его?

– Исчез на другой день, – с сожалением ответил тот. – Будто откуда прознал, шильник! С тех пор на квартире не ночует, говорят, переехал в Даниловку.

– Найдите его и доставьте сюда. Сумеете?

– Давно бы уж доставил, если бы мог... – в сердцах сказал надзиратель. – Начальство каждый день с нас шкуру снимает! Ни одного ареста, и шестеро зарезанных! Нешто я не понимаю? Нет, того налетчика след простыл.

Лыков распустил совещание и отправился на полицейский телеграф. Там он отбил длинную депешу полковнику Таубе в Генеральный штаб. В депеше сыщик просил друга «максимально быстро, пока меня не уволили», собрать все данные на военных с черепно-лицевыми травмами и ранениями, повлекшими потерю носа. Формуляры выслать в Москву курьером по любому тарифу. Канцеляристам за труды – сто рублей! Последнюю строку Алексей вписал для ускорения процесса. Барон Таубе не занимается учетом раненых и убогих. Но наверняка у него есть приятели и в военно-медицинском управлении Главного штаба, и в военно-медицинском департаменте Военного министерства. А еще в подчинении полковника состоит особый калиброванный человек, старший унтер-офицер Арзамасцев. Барон привез его с Сахалина и поручает самые важные дела. Платон Ануфриевич – мастер на все руки. Черта со дна моря достанет! А с такой подмазкой он горы свернет, но требуемые сведения

раздобудет.

Прошло два дня из семи, отпущенных обер-полицмейстером. Был опознан труп, подобранный в Сокольническом круге. Это действительно оказался бразильянец, банковский служащий из Дмитрова, любитель стуколки. Рыковский нервничал и приставал к своему помощнику с расспросами, как тот собирается искать убийц. Алексей был спокоен. Конечно, никто его не накажет! Целое сыскное отделение ловит-ловит, да никак не поймает. А тут приехал гусь из столицы и сразу изловил! Без агентуры, без длительного ознакомления с делом? Так не бывает. Но рано или поздно Безносый попадется. И надворный советник намеревался приложить к этому руку.

К сожалению, он не мог теперь обратиться к своим старым друзьям-рогожцам. В прошлом году после долгой болезни умер Степан Горсткин. Медицина еще не умеет лечить белокровие... Помощник Горсткина Антон Решетов пришелся не ко двору новой верхушке. Арсений Морозов переселился в Англию, а его преемники зазнались и решили, что им опытные люди ни к чему. Сами с усами! Решетов обиделся и уехал на Дон, в станицу Пятиизбянскую. Купил там лавку и живет кум королю. А Лыков остался в Москве без поддержки.

Оба дня сыщик провел с поручиком Лебедевым. Они вместе объехали самые криминальные участки города, говорили с приставами и околоточными. Много где может спрятаться в Москве лихой человек! Но есть места укромнее других. Лыков хорошо их знал по долгой своей службе. Посидев над картой, он попросил Лебедева в первую очередь отправиться туда.

Москва сильно изменилась за последние годы. Некоторые из прежних клоак стали респектабельными районами. На Драчевке появились модные доходные дома. Там поселились люди с достатком, и проституция начала мигрировать в другие части города. Раньше в Головин или Колосов переулок лучше было не соваться. А теперь полтинничные бордели переехали на Бронные улицы и в Палашевский переулок. Полиция упразднила «Арбузовскую крепость» близ Сухаревки. Громилы, наводившие ужас на окрестных обывателей, разбежались кто куда. Закрылся и легендарный «Ад» в подвалах трактира «Крым» на Трубной площади.

Второе криминальное место – Толкучий рынок – тоже разогнали. Многочисленные барыги, что сидели в лабазах Старой и Новой площади, перебрались на Хитровку.

Зловещую «Шиповскую крепость», тридцать лет терроризировавшую

москвичей, расселили. Голодранцев перевели в ночлежки, а фартовые исчезли за одну ночь.

Усиленный полицейский надзор вернул в рамки закона Хапиловку. Пьяницы и хулиганы остались, но «деловые элементы» предпочли уйти.

В лучшую сторону изменились Дорогомилово и Андроновка. С увеличением штатов полиции окраинам стали уделять больше внимания. Серьезные преступники вынуждены были искать себе новые квартиры.

Москва сильно шагнула на юг, и Даниловка из уголовной слободы превратилась в обычный городской район. Знаменитые каменоломни опустели. Обыватели по-прежнему туда не совались, но беглые каторжники ушли из подземелий. Изредка в них заглядывали хулиганы и рассказывали потом жуткие вещи. Пещеры заполнены могилами, там их сотни! Идешь, а под ногами рыхлая земля и кости...

Настойчивыми облавами сильно прижали Грузины. Тишинский рынок, ранее воровской, заняли пригородные крестьяне. Околоточные теперь строго спрашивали паспорта. Легендарные разбойники вроде Чуркина остались в прошлом.

Однако в Москве сохранились опасные места. Прежде всего усилилась Хитровка. Бандиты «Шиповской крепости» перебрались туда. Полиция делала частые облавы, но подземные укрытия выручали фартовых. Мясницкая часть сбивалась с ног, но сделать ничего не могла. Каждую ночь на Юр-базаре^[44] кого-то грабили, а раз в неделю и резали. Огромное население Хитровки (летом оно достигало пяти тысяч человек) жило по тюремным законам. Осведомителей быстро открывали и спускали в отхожие места.

Разросся и Смоленский рынок: туда тоже явилось подкрепление с Толкучки. Головорезы Проточного переулка приняли их под свою юрисдикцию. Теперь сбыт краденого упростился. Легче стало замечать следы: одежду с убитых быстро перешивали, а самих покойников затемно топили в Москве-реке. Весь берег от Пресненских прудов до Бородинского моста был небезопасен даже днем.

Как и прежде, недобрая слава гремела о Ямской слободке, Бутырках, Марьиной Роще. За Крестовской заставой полицейская власть кончалась и начиналась уголовная вольница. Еще опаснее были пригородные села: Останкино, Алексеевское, Богородское, Владыкино, Всехсвятское, Ростокино. Особняком стояло Черкизово, где каждый кабаk – воровской притон.

Лыков попросил пристава Лебедева объехать вместе с ним три места: Хитровку (Третий участок Мясницкой части), Марьину слободку

(отдельный Мариинский участок) и Смоленскую площадь (Второй Пречистенский участок). Он считал их местами вероятной дислокации Безносого. Первые два не оправдали его надежд. Приставы вызывали околоточных, те слушали приметы атамана, чесали голову и отнекивались. Нет такого! Человек с увечьем замечен. Даже на Хитровке ему не спрятаться. Приходили городовые, те, что непосредственно общаются с населением. И тоже мотали головами. Подобное страшилище они бы заметили! Так сыщик потерял целый день.

Вечером второго дня (раньше Лебедев освободиться не смог) они поехали в Пречистенскую часть. Окрестности Смоленской площади – благодатное место для гайменников. Что ни дом, то шланбой^[45]. Вокруг живут портные, каждый из которых работает на одного из барыг. Сунься в любую квартиру, и найдешь краденое. Население связано круговой порукой: кормятся от разбоев и благодетелей своих не выдают. Поэтому, если шайка Безносого прячется здесь, им нечего опасаться.

Пристав, пожилой капитан, выслушал столичного гостя и долго молчал. Потом велел позвать околоточного, в чьем ведении находится Проточный переулок. Фамилия надзирателя была характерная: Лукавый.

– Вот, пришли господа, – кивнул на гостей капитан. – Один-то из сыскной полиции, да еще временно командированный. А второй наш, пристав Мещанской части поручик Лебедев. Потому отказать не имеем права. Понял?

– Так точно!

– Господа тебе сейчас объяснят, что требуется. Отвечай честно.

Лукавый покосился на Алексея. Тот улыбнулся ему, как старому знакомому:

– Это не вы в восемьдесят шестом году Гришку Попыря вязали?

– Так точно... – растерянно ответил служака.

– А помните, там был такой Лыков, приехал из Питера?

– Ну...

– Я еще дверь выбил.

– Алексей Николаич! Вот дорогой гость! – обрадовался Лукавый. – Как вас забыть?!

И пояснил капитану:

– Это, ваше высокоблагородие, господина Эффенбаха первый друг. И вообще... сыщик так сыщик. Таких бы командированных да каждый день!

После этих слов беседа сразу задалась. Алексей рассказал, что они ищут шайку убийц, во главе которой человек с особой приметой. У него или совсем нет носа, или частично. Очень может быть, что он ходит с

накладкой, издали похожей на большой нос картошкой. Вероятно, гнусавит, но это доподлинно не известно. Атаман весьма жесток, жертв беспощадно режет. Есть кто-то подходящий в околотке?

Лукавый думал недолго.

– Есть один человек, как вы описываете.

– Где?

– В доме Падалки живет. Высокий, борода лопатой, нос какой-то... ненатуральный. Будто из бумаги слеплен.

– Очень интересно! А кто он по роду занятий?

– Темный дядя!

– Что это значит?

– Денег у него много, а живет в такой помойке. Дом Падалки, надо вам сказать, чистый притон. Обывателей там всего двое-трое, а остальные кто воры, а кто и забирохи. И слушаются его!

– Так он атаман?

– Похоже на то, Алексей Николаич.

– Как зовут молодца?

– Паспорт я не смотрел... – смутился околоточный. – Там этого не любят.

– Ну, пойдем посмотрим мы, – примирительно сказал Лыков. – Доведите нас до дома, а сами постойте на карауле. Никого наружу не выпускать. Господин капитан, есть у вас пяток городских, кто посмелее?

– Найдем, – ответил пристав. – Однако я пойду с вами.

– В этом нет нужды, мы справимся, – попытался успокоить пристава Алексей. Но тот отрезал:

– Без меня, как старшего должностного лица в участке, вы туда ни ногой!

Пришлось смириться.

В сумерках полицейские появились на Смоленской площади. Чтобы не спугнуть добычу, шли пешком. Когда свернули в Проточный переулок, капитан пояснил гостям:

– Тут всего четыре длинные казармы. В каждой живет своя шайка. Самая страшная – в доме Арженова, от нее и вся местность называется Арженовкой. Вторая по лютости – Зиминовка, что в доме Зимина. Мы в эти два дома не ходим. Ходили раньше, да без толку: все равно забирохи убегали к складам. А там их не поймать. Раз сломали на этих складах дровяной сарай, так нашли восемь скелетов...

– А дом Падалки? – полюбопытствовал надворный советник. – Там чья шайка?

– У Падалки не дом, а, вернее будет сказать, балаган. Но о двух этажах. Стоит этот притон во дворах, на углу Панфиловского переулка. Сейчас придем, сами увидите... Шайки одной там нету, а живут с бору по сосенке головорезы из разных отрядов. В полном согласии!

Лыков шел и наблюдал за капитаном. Неказистый, тот шмыгал носом и как-то странно дергал головой. Контузия или уже старческие проявления? В возрасте человек, а ему доверяют такой трудный участок. Смоленский рынок с его ворами и жуткая Арженовка... Вот сейчас они ввалятся в притон, и что их там ждет? Зачем старик поперся с ними? Он хоть понимает, что дело может кончиться кровью? Но капитан был спокоен.

Они вошли во двор. Прямо с крыльца оборванец справлял малую нужду. Увидев полицию, парень растерялся.

– Я што... я так...

– Где носатый? – тихо спросил капитан.

– Дык наверху... завсегда об эту пору...

– Околоточному остаться! Готовьтесь принимать. Лыков, Лебедев, за мной!

Поручик вынул револьвер из кобуры, но капитан жестом велел его убрать.

– Так разберемся.

Трое полицейских поднялись в темноте на второй этаж. За дверью шумели голоса, много. Сыщик стал мандражировать. Лебедев высокий и сильный, этот не осрамится. А капитан? Что, если вынут ножи? Думать дальше ему не пришлось: старик толкнул дверь и шагнул внутрь.

В большой комнате сидело восемь мужиков самого разбойного вида. На столе лежали карты, стояли бутылки с водкой и пивом, валялись какие-то свертки. Те же свертки штабелями высились по всем углам. Густо пахло табаком. Появление полиции заставило всех замолчать. Мужики были не испуганы, а, скорее, озадачены. У печки развалился детина с сизым носом размером с добрую картофелину. Он вскочил со скамьи, заметался.

– Тихо, ребята, – заговорил пристав. – Сейчас пройдем в участок. Вы только не дурите.

– А-а-а!!! – заорал какой-то чернявый. – Сатанаилы!

И с ходу сиганул в окно. Капитан подошел, высунулся и сказал с насмешкой:

– Ну вот. Ноги поломал. Кто еще без мозгов?

Плечистый бородач в углу что-то прятал за спиной. Лыков шагнул к нему, но капитан и тут его опередил.

– Чего у тебя там? Покажи!

Забиороха упрямился. Тогда старик встал напротив и вперил в него суровый взгляд. Он преобразился: из шмыгающего смешного дедушки сделался вдруг сильным и властным.

– Щенок! Кого стращать вздумал? Капитана Маслова?

Заслышав фамилию, громила тут же бросил под ноги нож и вжался в стену.

– Приступайте, – скомандовал пристав своим молодым спутникам.

Лыкову было не по себе. Семь головорезов... Пока тихие, а что будет через секунду? Но надо работать. Сыщик с поручиком подошли к носатому и начали его внимательно разглядывать. При этом они обменивались репликами:

– Кажется, натуральный...

– Да, шва никакого не видать.

– Есть лишь один способ убедиться окончательно!

Детина стоял, не зная, что и думать. Вдруг Лыков ухватил его за нос и сильно дернул.

– Ой! Больно!!!

– Настоящий, – констатировал сыщик. – А чего он такой страшный-то у тебя?

– Простыл... на действительной, в ночном секрете. Второй год мучаюсь, дышать тяжело...

Алексей повернулся к приставу и сказал с сожалением:

– Это не наш.

– Ну, попробовать стоило, – утешил его старик. – А теперь... теперь вы ступайте по своим делам, а я продолжу. Надо разобраться, что за люди.

Но сыщику самому уже стало интересно, и он попросил разрешения остаться. Маслов кивнул, после чего обратился к носатому:

– Паспорт есть?

– Так точно, вот!

Пристав развернул бумагу, посмотрел и сунул в карман.

– Это разве паспорт? Повесь его в нужнике на гвоздь. Как фамилия? Только настоящая!

Детина молчал. Его товарищи начали было боком-боком расходиться по углам, но капитан цыкнул, и все опять застыли.

– Не хочешь говорить? Зайдем по-другому. Что в свертках?

– Табак.

– Турецкий, контрабандный?

– Ага...

Пристав сообщил Лыкову:

– Это Васька Поздяев, отставной ефрейтор Ардаганской пограничной бригады. Научился на службе плохому! Всю Москву необандероленным табаком завалил. Давно я хотел его прищучить. Попался, сукин сын!

– А... ваше высокоблагородие! – подал голос лохматый мужик в чуйке. – Я тут ни при чем, я водки выпить зашел. Дозвольте удалиться!

– А это, по приметам ежели судить, Фофанов, налетчик, – так же спокойно пояснил пристав. И ответил лохматому:

– Сейчас пойдешь в участок, там разберемся. Ежели ты чистый, сам тебе водки налью и отпущу.

И зычно крикнул в окно:

– Ребята, готовься принять!

Потом скомандовал арестованным:

– По одному вниз!

Вся шайка беспрекословно спустилась во двор, никто и не думал сопротивляться. Вскоре, стуча каблуками, в комнату поднялся околоточный надзиратель Лукавый.

– Ваше высокоблагородие! Восемь арестованных, один с поломанной ногой. Прикажете уводить?

– Подожди, – ответил Маслов. – Вон, глянь, что по углам лежит.

Околоточный взял один сверток, развернул и ахнул:

– Табак! А как пахнет!

– Мы с тобой, Захар, самого Поздьева поймали!

– Ух ты, Лука Петрович! Ай да успех! Обер-полицмейстер то-то обрадуется, давно велел упразднить эту контрабанду! А что с табаком делать?

– Тут его много. Отвези в участок и пока спрячь. Утром я списки составлю. Раздадим ребятам, и нужных людей следует поощрить. В протоколе укажи пять пачек. Хватит с них! Господа, не желаете хорошего табаку? Премия от капитана Маслова! Без вас я бы сюда не пошел, так что заслужили... Все равно пропадет, как только конфискуют.

Некурящий Лыков отказался, а поручик Лебедев взял пару свертков. Арестованных отправили в участок. Уже в темноте надворный советник вернулся в гостиницу. Он выпил в буфете пива, поужинал и поднялся в номер. Три самых перспективных места оказались пусты. Безносый где-то прятался, но где? Явно не в Сокольниках. В них нашли последний труп, а где живут, там не убивают. Вряд ли он и в дальней деревне. Ремесло ночное, надо добираться туда-обратно на извозчике, а это лишний свидетель. Упырь обязан быть где-то поблизости, неподалеку от главных улиц. Там клубы, там его добыча. Подкараулил, зарезал, взял деньги и пешком вернулся домой. У Безносого должны быть один-два сообщника, которые стоят на стреме, а могут и ударить, и за руки подержать. И наводчица. Надо еще раз все обдумать...

Утром следующего дня на Лыкова неожиданно напали. Он решил зайти в Голофтьевский пассаж, купить пигментного мыла^[46]. Когда

подошел, у входа топтался артельщик с большой коробкой. Руки у него были заняты, и парень ждал, когда кто-то сердобольный распахнет ему дверь. Надворный советник решил помочь. Протянул руку, но взяться за скобу не успел. В зеркальном стекле двери мелькнула какая-то быстрая тень. Сыщик инстинктивно отпрянул в сторону. Мимо его бока пролетела рука с ножом. Он схватился за нее своей правой, а левой развернул незнакомца спиной к себе и цапнул за горло. Артельщик топтался рядом и чего-то ждал. Алексей обнял мужика крепко. Тот оказался дюжий, но из лыковского хватать вырваться не мог. Так они стояли, сцепившись: сыщик позади нападавшего, прихватив его шею, одновременно удерживал и руку с ножом.

Вдруг артельщик сказал:

– Да вырвись, наконец!

– Здоровый... – прохрипел незнакомец. – Помогай!

Мнимый артельщик бросил коробку и тоже вынул нож. Но ударить сыщика ему было затруднительно. Тот прижался к двери, выставив схваченного мужика перед собой, как защиту. Едва напарник приблизился, Лыков выбросил вперед руку. Зажатый в ней, вместе с кулаком, чужой клинок вспорол парню казакин на груди. Тот ойкнул и отскочил.

Пленный собрал все силы и пробовал освободиться. Не тут-то было! Алексей чуть свел пальцы, ноги у разбойника сразу подогнулись, он забулькал горлом и стал клониться к земле. Напарник топтался напротив и не решался напасть. Сыщик держал руку с ножом наготове. Вдруг он сделал выпад, целя противнику в лицо. Тот отшатнулся, оступился и упал на спину.

Это был удобный момент для атаки. Алексей хотел бросить полупридушенного пленника и окоротить лежачего. Потом надворный советник взял бы их обоих... Но неожиданно появился третий. Рослый, плечистый, с большим багровым носом над кучерявой бородой и голубыми глазами. Знакомые глаза! Носатый крикнул, заметно гнусава:

– Дураки! Я вас чему учил?!

А затем подскочил и ударил пленника ножом в шею. Лезвие скользнуло по пальцам Лыкова и глубоко ушло в плоть. Мужик начал валиться, хватая ртом воздух. Голубоглазый стоял напротив. Он намеревался зарезать сыщика, как только тот останется без защиты. Алексею пришлось удерживать падающее тело на весу. Тут поднялся на ноги и «артельщик» и занял позицию с другой стороны. Положение Лыкова сделалось безвыходным: двое убийц угрожали ему одновременно. Но внезапно от соседнего Солодовниковского пассажа раздались свистки

городового. Подмога! Лыков воспрянул духом.

– Бей! – рывкнул бородач и налетел на сыщика. Тот извернулся, прикрываясь умирающим. С другой стороны сыщика тоже атаковали. Больно чиркнуло по груди, и резануло плечо. А потом нападавшие бросились прочь...

Сыщик стоял, прижавшись к двери, ни жив ни мертв. По животу струилась теплая кровь, и болели распоротые пальцы левой руки. Куда ему попали? Он прислушался к ощущениям. Вроде ничего серьезного... Легкое не пробито, а бок лишь оцарапан.

В ногах Лыкова лежал мертвый налетчик, убитый своими же. Корпусным телом он прикрыл надворного советника. Гайменники напали с двух сторон, но ударить метко не сумели. Повезло...

Подбежали городовые. Сыщик показал им полицейский билет и велел вызвать сыскную полицию. А сам на извозчике отправился в ближайшую больницу.

Через час он сидел в кабинете Рыковского и медленно приходил в себя. Его едва не зарезали среди бела дня! И где? В Москве! Тут если околоточному поставят фингал под глаз, это уже чрезвычайное происшествие. И вдруг покушение на высокое полицейское начальство, неслыханное по дерзости, в центре города! Самое же страшное было то, что гайменники охотились именно на Лыкова.

– А ведь это был он, – сказал сыщик Владиславу Рудольфовичу. – Он, сволочь!

– Кто «он»?

– Безносый.

– Да вы что? – ахнул коллежский советник.

– Я узнал его.

– Как вы могли его узнать, если никогда до этого не видели?

– Ну как же! Видел. В семьдесят седьмом году, в Аджарии. Помните, я рассказывал? Голодный конь откусил нос казаку Ейского полка. Почти у меня на глазах. Когда я подошел, ему перевязывали лицо. Он! Рост, осанка, и эти голубые глаза... Глаза я узнал тут же. У нас с тем казаком вышла ссора из-за брезентового ведра, незадолго до несчастного с ним случая.

– Из-за брезентового ведра? – удивился поляк. – Поясните!

– Ну да. Поильное ведро, складное. Он свое потерял и хотел стащить из нашей охотничьей команды. Я увидел и не дал. Сцепились. Детина понадеялся на силу и... огреб с лихвой. А потом его увезли в лазарет, и больше я того казака не видел.

– Но сегодня вы его узнали?

– Да. Помню даже, что он прибыл в полк из гвардии. Не иначе, за какую-то провинность.

– Точно из гвардии? – вскинулся Рыковский. – Это поможет его найти! Штрафованный гвардеец в Ейском полку – таких единицы. Почему вы решили, что он оттуда?

– Казак при мне обратился к подъесаулу, назвав его «ваше высокоблагородие».

– Ну и что? – не понял коллежский советник.

– Так делают лишь в гвардейских казачьих полках. Всех офицеров независимо от чина титулуют высокоблагородием. У него осталась привычка.

– И вы это вспомнили? Спустия столько лет?

– Да. У меня абсолютная память. Опять же, главарь гнусавил. А фальшивый нос над большими усами! А борода! Все, как я предполагал.

Рыковский глядел на своего помощника с ужасом.

– Понимаете, что это значит? – спросил Алексей.

– Как не понять! Безносый откуда-то знал, что дело поручено вам. И у вас есть подозрение на военную рану! Он почуял: инкогнито вот-вот раскроют. И напал первым.

– Да. Кто-то из сыскных надзирателей или предатель, или болтун.

– Болтун? – переспросил Рыковский.

– Да. Помните, я ориентировал их расспросить осведомителей? Вот они и расспросили. И один, вместо того чтобы дать сведения, ловко провел своего надзирателя. Разузнал в подробностях, кто такой Лыков, какие у него версии, про войну узнал. И сообщил Безносому.

– Так и было! – согласился начальник сыскного отделения. – Осведомитель, пся кошць!^[47] Это мы для него осведомители... Ну, доберусь я до него!

– Сначала этого ловкача надо найти. Он стоит очень близко к Безносому: весть обо мне дошла до главара за сутки.

– За двое, – не согласился Владислав Рудольфович. – Совещание было позавчера.

– День у них ушел на слежку и подготовку покушения, – пояснил Алексей. – Следили ловко: я никого не заметил.

Сыщики попросили чаю, сели за угловой столик. Алексей взялся за карандаш.

– Ну, кто у нас на подозрении? Предлагаю исходить из того, что в отделении болтун, а не предатель.

– Да, – торопливо поддакнул коллежский советник. – Предателя пока

рассматривать не будем.

– Вы уже успели изучить кадр? Кто из надзирателей самый способный?

– Мойсеенко! Но он же и самый неприятный. Конечно, когда нужен результат, Мойсеенко его дает. А для начальства это важнее всего. Но где грань?

Лыков сразу понял, что имеет в виду начальник отделения. Действительно, хороший агент сыскной полиции обязан общаться с преступниками. Нельзя победить то, чего не знаешь. Он вынужден до известной степени сближаться с ворами, делать им мелкие поблажки, кое на что закрывать глаза. У Шереметевского, помощника начальника ПСП, среди воров были почти что приятели! Но он знал меру и держал дистанцию. Иные же агенты входят во вкус близких отношений с преступниками. Это ведь нужно для службы! Но грань очень тонкая, и ее легко переступить. Уголовный – человек из враждебного мира. Там нет ни чести, ни совести, а обычные люди для фартовых – только добыча. Бараны, которых принято стричь. Сыщик видит это и понимает, что в паре с вором он может хорошо заработать. И начинаются фокусы, столь вредящие репутации сыскной полиции. Человека обокрали, он обратился в отделение, а ему там шепотом говорят: отдай треть – и вернем тебе остальное. А иначе ничего не получишь! Или найдут покражу и запирают ее в сейф как «вещественное доказательство». Хочешь получить кровное – плати. Почти в каждом отделении есть такие мастаки. У них, конечно, имеются осведомители. Иногда они «сдают» фартовых – из мести или убирают конкурентов. Агент арестовывает воров, его акции в глазах начальства растут. Если даже наверху чуют неладное, потакают ловкому подчиненному. Главное – результат! Этой формулой оправдывается все.

– Как быть? Спросить в лоб? – стал рассуждать вслух Алексей. – Он отопрется, и мы ничего не докажем. Скажите, а жалобы на Мойсеенко поступали?

– Не раз! Но он все улаживал.

– Какого рода были жалобы?

– Ну, вымогал деньги, чтобы более ретиво искать краденое. Одного уличенного вора отпустил. Якобы тот его освед! Некоторые протоколы пропадали... Но при этом у него благодарность от обер-полицмейстера и лучшая в отделении раскрываемость!

Надворный советник задумался. Ловкого человека на фу-фу не возьмешь. Отовернется, да еще и посмеется над тобой. Кто у него на связи? Какие там отношения? Знают лишь двое... Но есть уголовный, близкий к

Безносому. И он же числится в осведомителях одного из надзирателей. Это верный путь к главарю. Надзиратель, скорее всего, Мойсеенко. Как заставить его признаться? И чтобы не просто назвал имя, но и вывел... Только если ему будет это выгодно. Другого способа нет.

– Владислав Рудольфович! Есть одна идея. Но нам понадобится разрешение обер-полицмейстера...

Вечером, когда Рыковский ушел к себе на квартиру, Лыков вызвал Мойсеенко. Они закрылись в кабинете. Алексей поставил на стол чай с баранками, положил папиросы.

– Поговорим, Дмитрий Петрович?

– Да поздно уже, Алексей Николаевич... Хотя начальству виднее!

– Какое я вам начальство? Приехал и уеду.

– Для маленького человека все вокруг начальство.

– Не похожи вы на маленького человека. Лучший надзиратель в отделении, благодарность от Власовского. И осведомители у вас, подозреваю, первый сорт.

Мойсеенко насторожился:

– Чем же мои осведомители хуже других?

– Я не сказал, что хуже. Они лучше. Судя по вашим успехам в сыском деле.

– Ваше высокоблагородие, что вы вокруг ходите? Если я в чем виноват, скажите прямо!

– Слышали о нападении на меня сегодня утром?

– Слышал.

– Что об этом думаете?

– Странное дело. Не в обычае у нас в Москве трогать полицейских чиновников. Никогда прежде такого не было!

– Гайменников возглавлял сам Безносый.

– Как вы можете это утверждать? – воскликнул Мойсеенко. – Вы разве знали его в лицо?

– Как выяснилось, знал. Помните, я рассказывал случай в Кобулетском отряде? Там голодный конь откусил нос казаку. Это и был наш атаман.

– Вот это да...

Ошарашенный надзиратель откинулся назад.

– Значит...

– Значит, кто-то из вас пересказал этот случай осведомителю, а тот – Безносому.

– Это не я! Ей-богу, не я! У меня и осведомителей таких нет!

– Дмитрий Петрович, я не собираюсь наказывать того, кто

проболтался. Скажу больше: хорошо, что так вышло. Теперь нам надо лишь найти молодца. И он выведет нас на главаря.

– Я...

– Тот из надзирателей, кто даст результат, получит награду. Под наградой я имею в виду не орден, а денежную премию. Серьезную, поскольку шесть убитых для Москвы перебор. На поимку этого упыря денег не пожалеют.

Во взгляде Мойсеенко что-то переменялось.

– Большая может быть премия?

– Вот, смотрите.

Лыков протянул собеседнику свежий приказ обер-полицмейстера. Из него следовало, что за содействие полиции в поимке шайки убийц объявлена награда в тысячу рублей. Таковую награду могут получить как обыватели, давшие важные сведения, так и чины полиции, сделавшие ключевые шаги в ликвидации шайки.

Мойсеенко задумался. Надворный советник наблюдал за ним. Штучный человек! Сидит спокойно, ничего не боится, кумекает, как деньги заработать...

– Мы можем устроить так, что сообщника Безносого арестуют как бы случайно. Он и не подумает на вас.

– Еще чего! – насмешливо фыркнул Мойсеенко. – Плевать я на них хотел! Вот где всех держу! Назём, тюремная моторыга!^[48]

– Значит, согласны? Знаете такого человека?

– Как на духу, Алексей Николаевич! Никак я не думал, что вас в опасность вергаю...

– Что было, то прошло. Пронесло, и слава богу.

Сыскной надзиратель торопливо перекрестился на окно и добавил:

– Вроде парень надежный, всегда мне помогал... И на тебе! Век живи, век учись.

– Кто он?

Мойсеенко бросил на сыщика недоверчивый взгляд. Тот сразу протянул ему лист бумаги.

– Пишите рапорт на имя начальника отделения. Текст такой: есть человек в преступной среде, которого имею причины подозревать в близком знакомстве с Безносом. Фамилия, кличка, место жительства. Подпись, дата. Это и станет основанием к получению вами премии.

Надзиратель быстро написал рапорт. Лыков сам зарегистрировал его в журнале, поставил отметку на копии и вручил бумагу Мойсеенко.

– Теперь рассказывайте.

Лучший в отделении сыщик откашлялся и начал:

– Зовут его Пашка Бородин, и он вор...

Со слов Мойсеенко, Бородин проживает в «Сережкиной крепости», что во Втором Ильинском переулке. Считается мазом^[49] шайки шниферов. Шнифера обкрадывают квартиры, и ремесло это требует ума и ловкости. Помогает Пашке его маруха, Агриппина Затейникова. Она нанимается горничной в богатый дом, примечает обычаи, привычки хозяев и где они держат ценности. А потом впускает воров... Делается это всегда в праздник, по требованию маза. Тот не любит лить кровь и ждет, когда люди уйдут в церковь или на гуляние. Кто-то из прислуги обычно остается караулить. Его аккуратно связывают и даже не бьют. Вот такой добряк Пашка. Груша над ним смеется, в копейку не ставит и зовет тряпкой. Но не уходит, потому что Бородин – ловкий вор и всегда при деньгах. Баба гуляет где-то на стороне, по ее словам, с «настоящими разбойниками». Пашка, когда напьется, ее бьет. Но несильно, чтобы не донесла в полицию. Вообще, он свою маруху даже побаивается, и не он один... А может, и любит – черт их разберет.

Тут Лыков прервал надзирателя:

– Полагаете, это Агриппина служит наводчицей при Безносом?

– Ох, злая стерва! – ответил Мойсеенко. – Не удивлюсь, если она и Безносом крутит. Баба с двойным дном! Затейникова стоит за многими кражами. Самые удачные налеты придумывает она. Красивая и молодая, лет двадцати шести, и уже испорченная донельзя. Не человек, дьявол в юбке...

– А почему ее до сих пор не привлекли? Связь же очевидна! Налет за налетом, одна и та же прислуга всякий раз...

– Следователи не берут. Прямых доказательств нет и не будет никогда. А на косвенных что построишь? Оставят в сильном подозрении. Следователю минус: не сумел доказать вину. Тот передаст этот минус нам: не представили улики. Пистон от обер-полицмейстера... Кому это надо?

– Понятно. Что у вас с Бородиным?

– Он мой осведомитель.

– Много интересного сообщает?

– Бывает. Пашка – личность популярная, свой на любой «малине». Его шайка бомбит Белый город, а иногда наведывается и в Земляной. Тут-то он и выдает мне своих недоброхотов.

– То есть вы ему расчищаете место?

– Можно сказать и так. А можно и по-другому, – хладнокровно парировал надзиратель. – Я ловлю воров, а каким образом, это начальство

не интересует. Главное, вор обезврежен! Или вы знаете другой способ работы с агентами в уголовной среде? Чтобы они и сведения давали, и закон не нарушали? Научите!

– Я много лет общаюсь с осведомителями, и ничего, грань дозволенного соблюдаю. Но сейчас спорить не будем. Некогда, надо торопиться. Вы рассказали Пашке обо мне?

– Да.

– И о тех военных случаях?

– И о них.

– Затейникова при этом присутствовала?

– Глаз не сводила! Я все не мог понять, почему ей так интересно? Теперь ясно. Про вас расспрашивала: где живете, как выглядите. Я еще подумал: вот шалава, решила нашего гостя подцепить. Прошу прощения, ваше высокоблагородие...

– Ничего, Дмитрий Петрович, продолжайте. А Бородин? Он что?

– Он тоже на это подумал! Показал Груше кулак и говорит: узнаю, что с сыщиком снюхалась, – зарежу! Баба только посмеялась... Ты, говорит, комара на роже убить не смеешь, а пытаешься со мной совладать! Я ежели захочу, тебя враз не станет. Или на Сахалин поплывешь, или тебя настоящие разбойники в ножи примут. Сиди и не чирикай! Начали тут они лаяться, и я ушел.

– И все?

– И все.

– Ну как же! – нахмурился Лыков. – А ваши мысли? Кто якшается с Безносым, Пашка или его баба? И как нам распорядиться этим?

Мойсеенко убежденно ответил:

– Якшаться могут оба, но действовать лучше через Пашку. Агриппина хитрая, ее не проведешь. Зачем ей атамана выдавать? Чтобы он ее в наводчицы записал в показаниях? А Пашка никак с убийствами не связан.

– Логично. Но если маз с Безносым не общается? И при делах лишь Затейникова?

– Тогда худо. Пойдет на суде как наводчица. Это каторжные работы. Нет, не выдаст она Безносого... Разве только запугать?

– А как?

Мойсеенко встал.

– Алексей Николаевич! Поехали прямо сейчас в «Сережкину крепость»! Я стану их колоть, а вы мне подыгрывайте. Обещайте награду или каторгу, в зависимости от того, как дело пойдет. А?

– Согласен!

Лыков взял с собой «веблей» и бронзовый кастет. Его спутник мало походил на человека, которому можно доверять... Но настрой у Мойсеенко был решительный, он определенно хотел получить обещанную награду. Такой момент нельзя было упускать.

Второй Ильинский переулок отходит от Остоженки к Москве-реке. Другим концом он упирается в Нижний Лесной переулок, названный так за расположенные там лесные склады. Место грязное и убогое, хотя совсем рядом особняки Волхонки и храм Христа Спасителя. «Сережкина крепость», или дом номер два, стоит как раз на углу, близко к складам. Это трехэтажный угрюмый корпус, очень длинный и очень запущенный.

Сыщики шли вниз к реке в полной темноте. Ни одного фонаря! Из подворотен на незваных гостей смотрели какие-то люди и молча исчезали во дворах. Мойсеенко не обращал на них внимания. Он уверенно ступал по загаженной мостовой – видимо, часто тут бывал.

Вот и дом на углу. Надзиратель поднялся по левой лестнице на второй этаж, не останавливаясь, толкнул дверь.

Сыщики ворвались в узкую комнату с одним окном. На диване сидел мужчина, кучерявый, в пестрой жилетке. Красивая молодуха играла с ним в лото. Она вскрикнула и бросила карточки.

– Ах! Дмитрий Петрович, пошто вы нас так пугаете?

Мойсеенко, не говоря ни слова, схватил мужчину за волосы, подтащил к печке и с размаху приложил лицом о кафель. Из разбитой губы хлынула алая кровь.

– Сволочь! Из-за тебя господина Лыкова чуть не зарезали! Говори, где Безносый?

Баба наблюдала происходящее, не думая вмешаться. У нее был вид человека, бывавшего в переделках...

– Говори, не то до смерти забью!

– Ты чего? Ты чего? – заскулил Пашка. – Какой Безносый, о чем ты? Не бей, слышишь? Объясни!

– Объяснить? На!

Сыщик сильно ударил вора кулаком по лицу, так, что тот упал.

– На каторгу захотел, сморчок неудельный? Сейчас выпишу! Говори, иначе хуже будет!

Маз сидел на полу, растирая по лицу кровь, и не решался встать. Вид у него был обескураженный.

– Дмитрий Петрович... – попросил он снизу вверх. – Скажи, за ради бога, за что ты меня тиранишь? В толк ведь не возьму!

– Это надворный советник Лыков, – кивнул на начальство

Мойсеенко. – Третьего дня я рассказал тебе о его догадке насчет Безносого. Помнишь? Про казака, которому конь нюхало откусил. Смекаешь?

– Был такой разговор, и что?

– А то, воровская твоя душа, что тот казак Безносый и есть!

– Да ну?

– Вот тебе и ну, скотина! Безносый понял, что Лыков скоро откроет его личность. И напал на него средь бела дня. Едва не убил! От кого узнал он об господине Лыкове? Только от тебя мог. Признавайся, как ты с ним общаешься?

Пашка сидел на полу и сосредоточенно думал. Потом, что-то сообразив, перевел взгляд на свою бабу.

– Груша! Ты что, сука, творишь?

– Знать не знаю и ведать не ведаю! – отрезала та. – Ничего не докажете.

Мойсеенко подскочил к марухе и схватил ее за волосы.

– Дрянь! Ты знаешь, что бывает за покушение на полицейского чиновника? Говори, покуда цела!

– Вы, господин Мойсеенко, не забываетесь, – хладнокровно ответила Затейникова. – А то ведь я расскажу следователю, как вы вора́м потакаете! Он, господин Лыков, с Паши процент берет. И позволяет бомбить, сколь хошь!

Мойсеенко побледнел. Он наклонился к уху бесстрашной бабы и прошептал так тихо, что Лыков едва расслышал:

– Если ты еще раз... хоть во сне... ты меня знаешь!

– А что я?

– Знаешь, стерва! Я слов на ветер не бросаю. Тебя не убьют, нет. Подловят на улице и ножичком по морде погуляют. Так погуляют, что потом ни один мужчина к тебе не подойдет. Поняла?

Теперь побледнела баба. Вид у сыскного надзирателя действительно был страшный. Он вовсе не шутил.

– Что, задумалась? Ты ведь по мужским головам, как по лестнице, наверх лезешь. Стала марухой самого Бородина, денег куры не клюют. А тебе мало? Хочешь быть владычицей морскою?

– Не пойму я вас, Дмитрий Петрович, – совсем другим тоном заговорила баба. – Какой владычицей?

– С Безносым связалась. Наводчицей у него служишь. Слышь, Пашка! Она у тебя часто из дому по ночам уходит?

– Бывает... А что?

– А то! Баба твоя при шайке Безносого состоит. В клубах, где играют в

карты на деньги, тот ловит дураков. И убивает. А Груша твоя – наводчица.

– Врешь!

Маз вскочил, подошел к своей сожительнице:

– Он правду сказал?

Та отвернулась к окну и молчала. Надзиратель дернул вора за рукав:

– Эй! Ты сам-то знаешь атамана?

– Что? А... Нет, токмо слышал о нем.

– Где его искать?

– Вот те крест, Дмитрий Петрович! Знал бы – сказал. Чего мне его беречь? В глаза не видал и знакомых не имею, кого спросить!

– Ваше высокоблагородие, давайте обыск делать, – обратился надзиратель к Лыкову. – Арестуем обоих, может, там по-другому запоют.

– Приступайте, а я сейчас пошлю кого-нибудь за извозчиком.

Надворный советник изловил в соседней квартире какого-то оборванца, дал ему полтинник и велел доставить экипаж. Когда он вернулся, Мойсеенко складывал на стол добычу. Сверху лежала дорогая шуба из куницы.

– Знакомая вещь? – спросил сыщик.

– Украдено у баронессы Боде-Колычевой, – ответил надзиратель. – Ай да Пашка!

– А понятые где?

Мойсеенко только фыркнул.

– Понятые подпишут... в свое время. Нам, Алексей Николаевич, еще с Бородиным торговаться. Он вор знаменитый, если спросит в притонах про Безносого, ему ответят. Так, Пашка?

Маз скривился, но промолчал.

– Так! А если мы все это добро в протокол запишем, как торговаться будем? Нет, вы уж позвольте мне дело до конца довести. Так, как я умею.

И Лыков не стал спорить. Действительно, вор может быть очень полезен. Но, чтобы он захотел сотрудничать, нужно иметь, чем его прижать...

Маза и его маруху доставили в Малый Гнездниковский переулок и посадили в секретные камеры. Мойсеенко быстро разобрал конфискованные вещи и остался доволен.

– Алексей Николаевич, – обратился он к начальству. – Вы идите поспите, а я сяду у Пашки в засаде.

Лыков посмотрел на часы – половина первого ночи.

– Справитесь один? Может, кого к вам в помощь подослать?

– Тогда премию делить придется. Нет, я сам!

– Думаете, Безносый туда явится? Пашка сам его не знает, никогда не видел... Что атаману делать на его квартире?

– А вдруг? Иных зацепок у нас пока нет. Затейникова упряма, изворотлива. Откажется признаваться, и ничего с ней не сделаешь. Буду хвататься за все!

Алексей посмотрел на Мойсеенко. Тот был бодр и свеж, от него исходили волны энергии. За тысячу рублей этот человек готов был горы свернуть.

– Ну, осторожнее там... Утром я вас навещу.

Когда Лыков утром явился в сыскную полицию, его ждал курьер из Петербурга. Он привез формуляры на раненых, подобранные Таубе. Алексей вручил курьеру сотню для передачи барону и развязал папку. В ней лежали три офицерских формуляра и двадцать шесть – на нижних чинов. Из них сыщика интересовала только одна бумага. Вот она! Казак Второго Ейского полка Арсений Гулый. Ну-ка... Уроженец станицы Старолеушковской. Так и есть! Отчислен из лейб-гвардии Атаманского полка за дурное поведение. Награжден темно-бронзовой медалью за турецкую войну. Получил увечье в действующем отряде. Комиссован из Кубанского войска как неспособный нести строевую службу. Вручено единовременное пособие – тридцать рублей. Негусто...

Каких-то зацепок, где в Москве искать увечного воина, формуляр не содержал. Но теперь полиция хотя бы знала имя Безносого. Проживает он по чужим документам, однако город большой. У казака могут быть тут знакомые, сослуживцы, земляки. Кубанская община в Москве должна же существовать! Надворный советник подозвал Войлошникова, вручил ему формуляр и приказал шерстить казаков что есть мочи.

После этого следовало доложить начальнику отделения о вчерашнем аресте. Однако сначала Алексей хотел навестить «Сережкину крепость», где сидел в засаде Мойсеенко. Шансов почти нет, но вдруг... Надзиратель пошел один, чтобы не делиться ни с кем премией. Смелый поступок! Одному, без поддержки там опасно. Надо убедиться, что все в порядке.

Лыков не успел ничего сделать. С грохотом распахнулась дверь, и явился Мойсеенко собственной персоной. Под глазом у него был свежий синяк, ворот шинели висел на нитках. Надзиратель втолкнул в комнату связанного верзилу в грязном армяке:

– Принимайте гостей!

Пленник едва мог говорить – у него оказалась сломана челюсть. Мойсеенко выложил на стол трофеи: рыбацкий нож амурского фасона и свинчатку.

– Вот с чем ходим!

– Это не похоже на арсенал шнифера, – прокомментировал Лыков. – Неужели посланец от Безносого?

При этих словах верзила занервничал. Э-э, да такого увальня они быстро расколют! Надзиратель подтвердил догадку начальства:

– Так и есть, Алексей Николаевич! Шайку Бородина я всю поименно знаю. Там народ чистый, лощеный. Воровство – дело тонкое. Да и ножи таскать Пашка своим запретил. Это другой породы зверь!

– Кто он? Связной от атамана?

– Скорее посыльный. Агриппина не пришла, куда обещала. Мы ж ее ночью арестовали. Вот атаман и отправил человека выяснить. Любовь у них там, не иначе. Ну дает баба! Всех поработила!

Пленника пока заперли в одиночной камере. Никаких доказательств, что он из шайки Безносого, не было. Упрется, скажет, что явился слам^[50] делить, и замучишься опровергать... Лыков с Мойсеенко пошли к начальнику сыскной полиции на доклад. Тот выслушал их и телефонирует обер-полицмейстеру. Через четверть часа три сыщика входили в высокий кабинет. Надзиратель чувствовал себя героем дня и красовался фингалом, как орденом.

Власовский, однако, в фанфары дуть не стал. После отчета он сухо констатировал:

– Ну и чего вы добились? Да ничего! Арестована баба. Возможно, она наводчица в шайке Безносого, а возможно, и нет. Схвачен парень с ножиком. Тоже неизвестно кто. И найдена шуба баронессы Боде-Колычевой. Вот ваш единственный бесспорный успех. Что дальше?

Все дружно посмотрели на Лыкова. Тот ответил:

– Успехов несколько больше, Александр Александрович. Теперь мы знаем настоящее имя Безносого и его приметы...

На этих словах он машинально тронул порезанный бок, и полковник рявкнул:

– Скотина! Срежь бела дня напасть на полицейского! Да такого сроду у нас не было! Я хочу быстрее познакомиться с этим наглецом.

– Я тоже, – спокойно продолжил Лыков.

– Как собираетесь его искать?

– Есть несколько направлений. Прежде всего, нужно идентифицировать труп налетчика, которого зарезали свои же. Вдруг он имеется в картотеке? Далее, допросить, как вы выразились, парня с ножиком. Он не похож на Сенеку, наверняка расколется. Затем устроить опознание его и Затейниковой распорядителем ресторана в Сокольниках.

Были они там в ночь убийства? Времени прошло мало, ресторатор должен помнить. Затем допросить Бородина и его бабу, порознь и вместе, с утра до ночи. Ловить на противоречиях, склонять к признанию – как обычно. Параллельно этому опрашивать всех кубанцев, что есть в Москве, особенно тех, кто воевал в Кобулетском отряде. И наконец, сориентировать осведомителей по приметам Арсения Гулыго.

Обер-полицмейстер задумался. Алексей покосился на Мойсеенко и дополнил:

– Самое важное – склонить к сотрудничеству Затейникову или Бородина. Лучше бабу, она напрямую знает атамана. Но ей сдавать убийц невыгодно, а по характеру Груша циничная и расчетливая. Крепкий орех. Поэтому и Пашка сойдет, если согласится. Он обижен и на нее, и на Безносого. На обиде можно сыграть... Предлагаю поручить это сыскному надзирателю Мойсеенко. Он больше других сделал для дознания в последние дни. Даже рисковал жизнью.

Власовский раздраженно сказал:

– Денег не дам! Только когда приведете мне Безносого. Поняли, Мойсеенко?

– Так точно.

– Все свободны.

Колесо сыска закрутилось с удвоенной скоростью. Ресторатор опознал Агриппину Затейникову. Да, вертелась вокруг карточных столов. Глазки строила... Ну, там она не одна такая! И что еще делать в заведении красивой бабе? Улика была косвенная, курам на смех. Но Лыков всегда собирал доказательства, как кирпичи в стене, – один к одному. И первый кирпич был положен.

Верзилу в армяке ресторатор никогда раньше не видел. Не было его и в картотеке МСП. Надворный советник приказал сфотографировать арестованного и послать его портрет в Петербургское сыскное. Вдруг там что-нибудь есть? Вместе с ним отправили и фото покойника, зарезанного перед Голофтьевским пассажем. Его в московской картотеке также не оказалось.

Власовский отметил геройское поведение сысного надзирателя Мойсеенко премией в двенадцать рублей.

Лыков приказал собрать материал на Грушу. Она оказалась бывшая толерантка^[51]. Начинала горничной в хороших семействах, так что этому ремеслу обучена. Но попутно обучилась и другому! Дважды девку выгоняли за то, что соблазнила – раз хозяина, а раз его сына. В итоге молодая красotka выбрала легкие деньги. Работала в Рыковке, на углу

Четвертой Тверской-Ямской. В 1889 году городская дума упразднила врачебно-полицейский надзор. Вновь созданное Санитарное бюро лишь выдавало проституткам альбомы для медицинских осмотров. Прежние принудительные явки были отменены. Заботу об отметках в альбоме возложили на самих толеранток, а в публичных домах – на содержателей домов. И еще на полицию. Та возмутилась и практически саботировала новый порядок. Как следствие, резко выросло число незарегистрированных проституток и венерических заболеваний.

Не избежала сифилиса и Затейникова. Она прошла курс лечения в печально знаменитом Мясницком отделении больницы для чернорабочих. Пользуют там исключительно меркуриальными^[52] снадобьями. Процедура очень болезненная и не всегда эффективная. Видимо, после этого Груша решила сменить род занятий. Красивая, хитрая и молодая, она обаяла пожилого купца. Тот держал в Верхних торговых рядах иконную лавку. Через год после женитьбы старичок помер... О его смерти говорили разное. Одни утверждали, что Груша отравила супруга. Другие – что довела его до удара бесконечными требованиями половых отпращиваний. Но пожить купеческой вдовой не вышло – лавку отсудили наследники. Правда, она сумела утаить значительную наличность, и суд оправдал ее. Как же проверить, сколько денег лежало в кубышке? Говорили, что тысяч десять у Груши осталось всяко. Она вела себя осторожно, желтый билет не получала, отдавалась задорого и с разбором. Еще торговала своими фотокарточками, где она в голом виде. Потом сошлась с Пашкой Бородиным и крутила им, как хотела. А затем ее потянуло на убийц...

Допрос Затейниковой ничего не дал. Она выбрала тактику простую и безотказную: знать ничего не знаю. Улик не было, а над догадками сыщиков баба только смеялась. Лыкову она заявила с блудливой улыбкой:

– Ваше высокоблагородие! Ежели я вас чем обидела, то могу отработать. По-нашему, по-женски. Только глазом мигните. Уж вам понравится!

На очной ставке с Пашкой Груша легко побожилась, что любит одного его... Лыков плюнул и попытался заагентурить маза. Но тот удивил. Когда ему предложили свободу в обмен на сведения о нахождении Безносого, Пашка первым делом спросил:

- Ежели его поймают, что приговорят?
- Каторгу по первому разряду.
- А Груше что дадут?
- На две ступени ниже, – честно ответил Лыков.
- Это сколько?

– Восемь лет... в лучшем случае.

– Тогда я отказываюсь! – заявил вор. И прекратил беседу, не поддавшись ни на какие уговоры. Стало ясно, что он любит Затейникову и ни за что не причинит ей зла.

«Парень с ножиком» тоже не оправдал надежд. У него оказалось что-то с нервами. При упоминании Безносого арестант начинал дрожать всем телом. На вопросы он не отвечал, а только угрюмо озирался по сторонам. Двигался неохотно и медленно, мог часами сидеть в одной позе. Вызванный врач предположил кататонический ступор. Пришлось отправить парня в больницу на обследование. Вечером отослали, а ночью он сбежал.

Наутро, когда Рыковский отчитывал доброхота-доктора, поступил звонок из Мещанской части. Телефонировал поручик Лебедев. С начальником отделения он говорить не стал, а попросил к аппарату его помощника.

– Слушаю вас, Василий Иванович! Что случилось?

– Мои молодцы только что задержали неизвестного. Он был в халате и белье с клеймами Преображенской больницы. Не ваш пропавший?

– Белобрысый, с побитым лицом?

– Так точно.

– Он, сукин сын! Подержите его пока взаперти, я сейчас подъеду.

Алексей доложил Владиславу Рудольфовичу, что беглец схвачен. Тот обрадовался:

– Ну, слава богу! А то представляю, какой разгон мне вышел бы от полковника!

– Жаль только, что мы не узнали, куда он направлялся. Но это следует исправить!

Коллежский советник опешил:

– Не понял... Что вы задумали, Алексей Николаевич?

– А вы представьте, что было бы, если бы не бдительность городских Мещанской части?

– Ну...

– Куда шел наш беглец?

– К своим, конечно.

– Вот! А мы сейчас его обратно в кутузку? А он опять в дурачка играть. Так?

– Да поясните наконец!

– Владислав Рудольфович, беглец нужен нам на свободе. Только под наблюдением. И тогда он приведет нас к Безносому.

– Хм... Но как теперь это сделать?

– Да запросто! Вызовите Мойсеенко, я ему все объясню.

Через час за неизвестным в больничном халате приехали из сыскной полиции. Надзиратель Мойсеенко нес одежду арестанта.

– На! Оденься, едем в Гнездниковский. Хватит клоуна ломать!

Белобрысый облачился в свое, а халат с бельем держал в руках.

– Куда энто, ваше благородие? – спросил городской. – Казенное...

– Надо в больницу завезти, отдать, – ответил надзиратель.

Извозчик повез их по Стромынке до Матросской богадельни. Там завернул и въехал во двор Преображенской больницы. Напротив темнел мрачный корпус Исправительной тюрьмы, вдоль забора ходил часовой с винтовкой.

– Покарауль пока! – приказал ему надзиратель и понес шмотье в больницу.

– Это что за хрен с горы? – спросил часовой у извозчика.

– Пес его знает, – ответил тот, раскуривая папиросу. – Из сыскного кто-то...

– Из сыскного? – рассердился солдат. – Им еще я не подчинялся! Тьфу! Сыскные сами первая жулябия^[53] и есть! А туда же, командовать...

И молча двинулся вдоль забора. Извозчик покосился на него, потом на арестанта. Тот недоуменно глядел в удаляющуюся спину часового. Прошла минута, надзиратель все не выходил. Тут возница не выдержал:

– Чего сидишь, дурень? Бежи!

Парень сразу сиганул с пролетки, будто ждал команды. И помчался, подобрав полы армяка, в сторону богадельни.

Спустя десять минут по Преображенской улице несли извозчик. В пролетке, откинув фартук, стоял во весь рост Мойсеенко с красным от злости лицом и кричал:

– Наподдай! Он в Черкизово ушел, больше некуда! Эх, начальство мне башку снесет...

Когда экипаж скрылся из виду, от забора Ольгинского приюта отделилась фигура и потрусил в Москву. За ней, держась на удалении, шли две неприметные личности в сером.

Лыков сидел в отделении и нервничал. Удастся ли его выдумка? Обер-полицмейстер с трудом разрешил разыграть побег арестанта. Что если филеры его упустият? Об этом не хотелось и думать.

Сыскные надзиратели разошлись кто по делам, кто обедать. Рядом сидели Войлошников и Мойсеенко, заgrimированные биржевыми артельщиками. Лыков тоже приготовился: оделся мещанином и наклеил

бороду. Филеров за беглецом послали двоих. Если тот где-то укроется, один останется его сторожить, а второй даст сигнал в отделение. И тогда поимка Безносого может вступить в завершающую фазу...

Войлошников весь извелся. Он уже трижды спросил, взял ли надворный советник с собой револьвер... Мойсеенко был спокоен. Вдруг раздался звонок. Лыков схватил трубку аппарата. Телефонировал один из филеров, и с хорошей новостью.

– Есть! – сообщил Алексей надзирателям.

– Где? – лаконично поинтересовался Мойсеенко.

– Наш беглец пришел на Хитровку. Встал на площадке, где толпятся чернорабочие, и ждет. Постоянно озирается.

– А неглупо! С его наружностью куда еще идти? В трактир, так у него денег нет. По улице слоняться – городовые заметят. А в этой мешанине...

– Поехали!

Хитровка – не только главное в Москве сборище уголовных и люмпенов, но еще и биржа труда. В середине площади и ближе к торговым балаганам стоят мужчины, у стен Мясницкой части – женщины. Мужики с Фоминой недели едут в Первопрестольную на заработки. Ежедневно сотни людей толпятся в Яме^[54], ожидая нанимателя. Хорошее место, чтобы спрятаться беглому! Надо спешить, пока его не увели...

Сыщики оставили пролетку в Подколокольном переулке. Возница был свой, из служительской команды. Три смелых человека при револьверах, плюсом два филера – должно хватить для ареста. Много сюда не нагонишь: преступники засекут, и тогда все насмарку. Вряд ли шайка Безносого многочисленна. Одного убили – осталось двое-трое. Но терять им нечего...

Филер встретил начальство на подступах и издали показал беглеца. Тот жался ближе к лоткам, переходя с места на место. Сыщики рассредоточились. Лыков выбрал себе самый удобный пункт наблюдения – из окна Мясницкого полицейского дома. Для этого ему пришлось показать приставу билет и объяснить свое присутствие. Через три часа стемнеет, и народ начнет расходиться с площади по ночлежкам. Тут беглеца легко упустить. Н-да...

Вдруг к белобрысому подошел человек, дернул за рукав и зашагал к бульвару. Эге! Знакомый персонаж! Это он стоял с коробкой перед дверью Голофтьеевского пассажа, отвлекая внимание Лыкова! А потом напал на него. Клюет, клюет...

Надворный советник слетел по лестнице вниз, выбежал на площадь. Разбойники быстро удалялись. За ними вслед двинулись и сыщики. На

Покровском бульваре уголовные долго ловили извозчика, выбирая «ваньку» победнее. Потом торговались с ним, махали руками... За это время успела подъехать сыскная пролетка. Лыков боялся, что их заметят, и разделил преследователей. Он с Мойсеенко сел в полицейский экипаж, который держался в пятидесяти саженях от гайменников. Остальные ехали в наемной коляске далеко позади.

Так они ползли по бульварам. Люди Безносого не торопились и вели себя настороженно, то и дело оглядывались. На Трубной площади надворный советник поменял экипажи местами. Теперь слежку возглавляли Войлошников с филерами, а сыскная пролетка ехала в отдалении.

Разбойники слезли с «ваньки» только на Тверском бульваре. Потоптались, осмотрелись – и шмыгнули во двор ресторана Саврасенкова. Это было известное в городе заведение. Недорогое, но злачное, оно славилось отдельными кабинетами, в которых творился бешеный разгул. Слово «саврас», означавшее пошлого жуира, произошло отсюда... Неужели беглеца с побитым лицом впустят в ресторан? Не должны! Да и сунулись ребята не в главную дверь. Недоумение рассеял Войлошников:

– Алексей Николаевич, я, кажется, знаю! Содержатель холодного буфета у Саврасенкова – бывший казак Ейского полка. Я хотел повидаться с ним, да пока не успел.

– Вот и хорошо! Иначе спугнули бы Безносого. Думаю, он здесь, в одном из флигелей. Но только в каком?

Один из филеров поговорил со швейцаром и доложил:

– Буфетчик проживает во дворе, голубая калитка, против нее – водопойная колода. Но он сейчас в ресторане.

– Что будем делать, господа? – спросил Алексей у надзирателей. – Можно показать буфетчику билет и велеть выманить квартиранта. Но вдруг там казачья солидарность?

– Опасно, – согласился Войлошников. – Но и ломиться внутрь тоже не стоит. Нас мало, местности мы не знаем. Разбегутся! Давайте вызовем подмогу, оцепим, и тогда уже будем штурмовать.

– Ты, Александр Иванович, вечно подмоги требуешь, – рассмеялся Мойсеенко. – Как говорил Наполеон? Надо ввязаться в драку, а там будет видно! Пойдем прямо сейчас и возьмем всех тепленькими.

– На усмотрение начальства, – ответил Войлошников, пряча обиду.

Лыков подумал и приказал:

– Идем туда. Дмитрий Петрович прав: действовать надо быстро. Вдруг эти шильники уйдут через какую-нибудь заднюю калитку? Скоро стемнеет, будет только хуже. Всем приготовить оружие!

Сыщики вынули револьверы и взвели курки. Сейчас начнется захват... У Лыкова, как всегда в минуту опасности, учащенно билось сердце. Там несколько отчаянных, а их пятеро; должны совладать. Ну, вперед!

Они выбили дверь и ворвались в горницу. Двое сидели и пили водку. Никого больше в комнате не было, и Лыков понял, что сыщики оплошали.

– Руки вверх! Встать!

Громилы вскочили, подняли руки. Вид у них был растерянный – гостей не ждали.

– Где атаман? – спросил Алексей у налетчика, оцарапавшего ему бок.

– Сами ждем, – ответил тот с запинкой. Он не успел еще договорить, как надворный советник бросился во внутренние комнаты. Следом побежал Мойсеенко, а остальные принялись вязать арестованных.

В комнатах было пусто. Сыщики ринулись в огород. Баня, выгреб, нужник... Где искать? В сумерках Лыков разглядел, что дверь отхожего места распахнута и качается на петлях. А за забором слышны быстро удаляющиеся шаги. Безносый сбежал.

Обыск в квартире дал некоторые результаты. Нашли три револьвера, казачью шашку, ножи со следами крови. И всего двадцать рублей мелкими купюрами. Главной находкой оказался паспорт купца из Котельнича, труп которого подобрали на Шаболовке. Это была абсолютная улика!

Задержанных доставили в Малый Гнездниковский переулок, и Лыков сразу же приступил к допросу. Начал он с нового арестанта.

– Как зовут?

– Иван Отченашенко.

– Кубанский казак?

– Был, да весь вышел.

– Исключили из сословия?

– Так точно.

– С Арсением Гулым как познакомился?

– Да мы из одной станицы...

– За что тебя исключили?

– Лишение всех прав состояния. Сосед у меня был – богатый! Ну и... зарезал я его. Думал, не найдут, а вот нашли.

– Так ты беглый?

– Третий год как.

– Откуда сделал ноги? С каторги?

– Не доехал я до каторги, ваше высокоблагородие. С пересылки утек, с-под Тюкалинска.

– Это в Тобольской губернии который?

– Так точно.

– И дальше что делал?

– Так вы ведь знаете!

– Мы-то знаем, но ты скажи.

– Ну, людей мы с Безносым резали... Я его встретил в Ростове. Обрадовались друг дружке, выпили и сговорились. Мишка еще с нами был, которого Безносый кончил... да вы помните!

– Как не помнить!

– Арсентий-то сообразил, что вы Мишку не отдадите, и кончил. Свой своего, э-эх... Да нельзя же было его вам оставлять! Хоть он тоже казак, но из другой станицы, из Ясенской.

– А этот кто такой, которого ты с Хитровки забрал?

– Прибился. Зовут Васька.

– Так кто он?

– Он, ваше высокоблагородие, просто Васька.

– И что, взаправду сумасшедший?

– Нет, просто тупой. Когда сидел в следственной тюрьме, его там научили прикидываться. Есть такие знающие люди...

– Понятно. Кататонию всех легче изобразить. Васька тоже резал?

– Все больше за руки держал.

– А кто убивал?

– Арсентий. Он от этого прямо трясся весь, нравилось ему. Нелюдь! Я-то не ангел, но смотреть и мне было тяжело...

– А почему он в шею всегда бил? Это же трудный удар. Легко и промахнуться.

– Он так первого человека зарезал, еще на войне. Турка какого-то. Ну и повадился кувшин по воду ходить... Набил руку будь здоров! Ни разу не было осечки.

– Еще вопрос. Впервые мы услышали кличку Безносый от одного налетчика. Потом он исчез. Не вы его?

– Это Лихарев, что ли? – спросил казак. – Из Марьиной Рощи?

– Да.

– Нет, он сам убёг. Атаман искал человека, чтобы способный был. Ну, предложили Лихареву. Тот сходил с нами один раз и больше не стал!

– Что так?

– Да он поглядел на Безносого в деле и опешил. Убивать-то, говорит, зачем? Всю полицию тока взбаламутили! Стукнули в голову, чтоб не до смерти, взяли дуван и ушли... А тут? Нет, я с такими дураками дел не имею! И концы в воду.

Лыков откинулся на спинку стула, пристально всмотрелся в арестованного. Было чувство, что тот говорит правду. И не станет долго запираяться...

– Ну что, Иван, поговорим откровенно?

– А поговорим!

– Плохо твое дело.

– Совсем плохо, ваше высокоблагородие?

– Совсем. Убийство, побег, затем разбой. Скольких вы там в Ростове зарезали, я не знаю, но по Москве за вами шестеро. Плюс покушение на убийство полицейского. Меня то есть. Это бессрочная каторга.

Отченащенко насупился и долго молчал. Потом спросил:

– Сделать-то можно что-нибудь? Или уже конец? Подыхать пора?

– Расскажешь все честно – два-три года судья скинет. Но не больше.

Бывший казак закрыл лицо шапкой и застыл так.

– Надо было раньше думать, как ответ держать, – продолжил Алексей. – Ты чего же хотел?

– Денег я хотел да легкой жизни... Значит, бессрочная?

– Нет. Это лишь называется так. Сроки есть. Прибудешь на Сахалин, тебе там сразу скинут до пятнадцати. Дальше порядок такой: шесть-семь лет в разряде испытуемых, это самые тяжелые будут годы. Потом, если нет замечаний от начальства, переводят в разряд исправляющихся. Живешь уже не в тюрьме, а на вольной квартире. Только кормиться ходишь в казарму, а можешь брать пайком.

– Да вы что!

– Точно говорю, я же там служил начальником округа. Исправляющимся будешь лет пять, много шесть. Затем на поселение. Строишь дом, берешь бабу в хозяйки, из таких же арестанток, и живете семейно. Детей можно завести.

– Чудеса говорите... То есть жизнь на каторге не кончается?

– Ты, Иван, сам свою жизнь сгубил. Винить некого. Но есть возможность исправить, последняя. Трудно, долго, тяжело... Однако выбраться можно. Через десять лет поселения получаешь права крестьянина и уезжаешь с Сахалина. Можешь даже домой вернуться, на местожительство. Раньше было нельзя, а теперь разрешили. Представь себе это и подумай. Женишься, дети пойдут, и к старости у тебя будут семья и дом. Только к старости! Но будут. Решай сейчас.

– Что от меня требуется, ваше высокоблагородие? Арсентия выдать?

– И Арсения выдать, и показания дать правдивые. Обо всем, что вы с ним натворили.

– И суд может скинуть годик-два?

– Я напишу в акте дознания, что ты помог сыскной полиции. Следователь передаст дело прокурору, и там будет то же самое. Прокурор в суде, когда заявит требования, отметит твою помощь и попросит смягчить наказание. Судьи всегда идут навстречу.

– Понял. Спрашивайте, что хотите, ваше высокоблагородие! Как на духу. Что ж, мне одному на нарах гнить? Нет, резали вместе и отвечать надо вместе!

– Хорошо. Как нам поймать Безносого?

– Квартира у него есть в Дегтярном переулке, но вы уж его там не застанете. Он от Саврасенкова туда побежал. Спыхватал вещи и утек. Где теперь его искать?

– Ты, если бы хотел его найти, что бы сделал?

– Я бы к Агриппине пошел.

– Вот как? Она его маруха?

– Да. И еще казну хранит. Вы заметили, что денег в квартире почти не взяли? Ножи там, револьверы... А мы ведь семь тыщ награбили! Арсентий их к Груше снес и ей доверил. Вот там что!

– Любовь у них?

– Это у него любовь, а баба свою сметку имеет. Крутит им, как ей выгодно. Хитрая!

Надворный советник устроил очную ставку Затейниковой с Отченашенко. Баба опять показала нрав.

– Какие еще деньги? – крикнула она в лицо казаку. – Ты мне их давал?

– Нет, давал Арсентий. Он мне сам о том сказал.

– Никакого Арсентия я знать не знаю и денег никаких не видела! Оговор это!

После такой беседы Лыков понял, что бабу надо выпускать. Прямых улик против нее как не было, так и нет. В суде она выкрутится и только опозорит сыскных. А на свободе от Груши больше толку. На нее можно ловить Безносого, как на живца.

Так и сделали. Затейникову выпустили, а в «Сережкиной крепости» устроили засаду. И на третий день атаман попался.

Когда Лыков выбил дверь, Безносый уже держал Агриппину за горло. Глаза у него были страшные, отчаянные. Накладка отвалилась, открыв безобразное увечье.

– Ах ты, ведьмино племя! Продала меня? Так получи! – Гайменник занес над бабой нож.

– Арсюша, это не я! Арсюша, не бей, это не я! – завизжала маруха. Но

любовник не собирался ее слушать.

Тогда Лыков сделал шаг вперед и сказал возможно более спокойным голосом:

– Арсений, это действительно не она. Зарежешь ни за что. Опустит нож, сдавайся.

Гулый застыл, но все же чуть-чуть отодвинул лезвие от шеи Груши.

– Врешь, сыскарь! Сговорился с этой курвой?

– Дурак ты, Арсений. Зачем сюда явился? Знал ведь, что мы тебя здесь ждать будем.

– Знал...

– И пришел.

– Соскучился по ней... А она!!! – Атаман опять занес нож.

– А она нам не помогала. Мы ее нарочно отпустили, чтобы тебя изловить. Но Груша ни при чем. Слово дворянина.

Это «слово дворянина» подействовало на уголовного больше всех других аргументов. Он вдруг размяк. Лыков не двинулся с места, хотя мог бы уже достать Безносого в броске. Уродливое лицо атамана неожиданно изменила улыбка. Он погладил бабу по волосам, сказал растроганно:

– Не выдала! Грушенька, ласка моя, дролечка... Прости-прощай, зазнобушка... Вспоминай иной раз... А я тебя тоже не выдам!

И бросил нож. Уже через минуту скованного наручниками Безносого усаживали в пролетку.

Дознание завершилось быстро. Гулый и Отченащенко дали признательные показания. Но оба отрицали, что Агриппина Затейникова состояла при шайке наводчицей. Иван отказался и от своих слов про казну, доверенную бабе. Видать, не просто так: ему объяснили, что идти на каторгу лучше с капиталом. Груша или вернула деньги разбойникам, или обещала посылать их на каторгу. Второе маловероятно, поскольку Отченащенко вряд ли поверил бы ее обещаниям. Факт тот, что Агриппина не отдала полиции ни копейки и благополучно избежала наказания. Следователь исключил ее из дела за отсутствием прямых улик.

При последнем свидании баба игриво напомнила Лыкову о своей готовности отблагодарить его по-женски. На этот раз за спасение жизни...

Двое влюбленных в Грушу мужчин отправились за решетку. Гулый получил пожизненную каторгу, а Пашка Бородин сел на три года за кражу шубы. Отченащенко дали пятнадцать лет, которые по прибытии на Сахалин изменят на двенадцать. Третий член шайки, Васька Бесфамильный, схлопотал восемь с половиной. Он пытался симулировать сумасшествие, но не убедил врачей...

Мойсеенко вручили тысячу рублей премии и произвели в следующий классный чин. Обер-полицмейстер хотел разделить деньги между ним и Лыковым, отдавая тому должное. Ясно, что без петербуржца шайку казаков ловили бы еще долго. Но Алексей отказался в пользу сысского надзирателя. Вскоре тот был повышен в чиновники особых поручений.

Алексей вернулся в Петербург уже в июле. Он дал положительную характеристику Рыковскому. Владислав Рудольфович возглавлял сыскную полицию до 1899 года.

Полковник Власовский так и не стал генералом. После трагических событий на Ходынке, во время коронации Николая Второго, его сделали козлом отпущения. Александр Александрович был уволен без прошения и через три года скончался. Но вымуштрованная им московская полиция и без жесткой руки оставалась на высоте. Именно кадры, набранные Власовским, много лет обеспечивали в городе образцовый порядок.

В.И. Лебедев вскоре перешел из приставов в Московскую сыскную полицию и сделал там хорошую карьеру. В 1903 году он возглавил МСП. В мае 1905 года передал эту должность А.И. Войлошникову. 14 декабря 1905 года Александр Иванович был схвачен у себя на квартире боевиками Пресненской боевой дружины, на глазах у жены и детей. Его вывели на улицу и расстреляли; на теле насчитали потом 25 ранений.

Освободившуюся должность начальника сысского отделения занял Д.П. Мойсеенко и исполнял опасные обязанности до 1908 года. Это было страшное время. Полицейские отказывались носить мундиры и массово подавали в отставку. При градоначальнике Москвы генерале А.А. Рейнботе революционный террор был ликвидирован жесткой рукой. В городе наконец воцарилось спокойствие. И Мойсеенко тут же завел в сысской полиции неслыханные злоупотребления.

Масштаб их передает следующий факт. В то время на Московском железнодорожном узле очень развилось хищение грузов. За год их пропадало на сумму 10 миллионов рублей! Колоссальная для тех лет цифра. В Подмоскovie открыто существовали огромные склады, в которых торговали похищенным. Покрывал всю эту гигантскую воровскую организацию Мойсеенко. А в сыские надзиратели он взял своего собутыльника Огарева, известного хипесника!^[55] Ревизия обнаружила в шкафах МСП десятки пар часов, столовое серебро, другие ценные вещи. Все это были вещественные доказательства, которые придерживали подручные начальника отделения. Кончилось все фактическим расформированием МСП. Восемьдесят процентов ее состава были уволены, Мойсеенко отдан под суд. Новым начальником отделения стал

знаменитый А.Ф. Кошко.

О.Б.П. (Оставить без последствий)

3 января 1899 года министр финансов Витте телефонировал министру внутренних дел Горемыкину и попросил того о встрече. Как можно скорее! Горемыкин быстренько распахал всех из приемной и предложил подъехать прямо сейчас. Витте – всесильный человек, первый среди равных. Три дня назад получил действительного тайного советника. А по весу чистый канцлер! С таким надобно дружить...

Витте приехал через четверть часа, и не один. С ним прибыл управляющий Государственным банком Плеске. Тоже не с дерева слез! Отец – бывший командир лейб-гвардии Саперного батальона, любимого всеми государями с декабрьского мятежа 1825 года. Тогда именно саперы укрыли от бунтовщиков цесаревича. С тех пор батальон на особом счету, а его начальник – важная фигура. Горемыкин понял, что финансисты явились не с доброй вестью.

Витте с Плеске отказались от чая и сразу перешли к делу. Оба были взволнованы.

– Вот, Иван Логгинович, взгляните, – министр разложил перед коллегой банковские билеты. – Это мы нашли случайно. Уже собирались в бумагорезку пустить...

– Что это? Деньги. Фальшивые, что ли?

– Точно так, ваше высокопревосходительство, – выпалил Плеске. – Фальшивые, но превосходной работы. А нам их из банка прислали! Как же так? Это ведь... каторга!

Управляющий банком чуть не заплакал от огорчения. Горемыкин ничего не понял и попросил объясниться как следует. Слово опять взял Витте.

– Прошу извинить Эдуарда Дмитриевича. Он не в себе, возмущен. Я тоже возмущен! Как это возможно?!

Горемыкин потрепал себя за невероятно длинный ус и промолчал. Сейчас расскажут. Действительно, Витте взял себя в руки и внятно изложил происшествие. Оно и впрямь оказалось неприятным.

Два года назад Россия перешла на золотой стандарт рубля. Эта важнейшая реформа готовилась еще при Александре Третьем. Министерство финансов проделало титаническую работу. Оно накопило золото в необходимых количествах, прикрыло спекуляции с рублем на Берлинской бирже (те приносили огромные убытки казне), убедило

государя и Государственный Совет. Противников реформы было много, но могучая воля Витте преодолела все преграды. Сейчас реформа вступила в заключительную стадию. Дело в том, что рубль по ее итогам девальвировался на треть. Серебро было ограничено в хождении, основными платежными средствами стали золото и билеты. В оборот начали поступать новые купюры. Постепенно они должны были заменить старые, девальвированные. Пачки новых денег рассылались по конторам и отделениям Государственного банка, а те уже обменивали их всем желающим.

Основные контрагенты тут, конечно, были не частные лица, а казенные учреждения и коммерческие банки. Последние наиболее важны! Филиалы Плеске не могли вести обменные операции в одиночку: их было слишком мало. Семьсот местных казначейств, по недавнему закону, осуществляли простейшие банковские операции. Они также в поте лица меняли купюры. Но и этого оказалось недостаточно! И частные банки стали агентами правительства, взяв на себя львиную долю работ. Они обменивали билеты, а старые опечатывали и присылали в Петербург. Там их утилизировали для нужд Экспедиции заготовления государственных бумаг. Купюры перерабатывали в специальных варочных котлах и получали бумагу для бандеролей^[56]. Огромные мешки с пачками старых банковских билетов проверялись выборочно. Во-первых, банки себе не враги: попадутся на подделках – их могут и прикрыть. Во-вторых, масштабы обменных операций делают полный контроль невозможным. В обороте более миллиарда рублей! Как за всем уследить? А тут еще Новый год...

На этом месте Горемыкин перебил Витте:

– И как же обнаружилась подделка? Ежели все без разбору бросали в котел...

Почувствовав в вопросе упрек, за министра ответил Плеске.

– Случайно в одном мешке пачки со старыми билетами развязались. Их стали обратно увязывать и... Рабочие у нас в Экспедиции опытные, глаз наметанный. Смотрят, а номера-то одинаковые! Мошенники, как оказалось, делали «куклу». Это когда сверху и снизу пачки кладут настоящие купюры, а подделки внутри! Так их еще труднее разглядеть. Только по номерам и поняли и сообщили начальству. Но, ваше высокопревосходительство! Второй год, с утра до ночи! В выходные, праздничные и великоторжественные дни, без отдыха...

– Так! – прервал стенания министр внутренних дел. – Давайте ближе к делу. Кто из банков попался? Там ведь на пачках должны быть печати!

– Печати были Московского промышленно-купеческого банка.

– Хм. И что это за учреждение? Крупное, старое или вчера народилось для таких вот махинаций?

– Махинации, Иван Логгинович, все были в бурные времена реформ, – пояснил Витте. – Тогда, если изволите помнить, аферы случались через день. Кассиры сбегали с выручкой, председатели правлений давали швейцарам «красненькую» на чай... Тех времен уж двадцать лет как нету.

– Сергей Юльевич, но вот случилось же! Я и спрашиваю: что за банк?

– Московский промышленно-купеческий – это карманный банк Кречетова.

Горемыкин изменился в лице:

– Того самого?

– Да. Действительного статского советника и кавалера ордена Святой Анны первой степени. У господина Плеске, хоть он и выше чином, этого ордена еще нет. А у Ивана Пименовича Кречетова уже имеется. Теперь понимаете, почему мы пришли к вам? Открытое расследование произошедшего невозможно. Во-первых, мы подорвем репутацию банка...

– А черт бы с ней, с репутацией! – рассердился Горемыкин. – Об этом Кречетове такое рассказывают! Пусть ответит!

– ...и во-вторых, только спугнем мошенников.

Тут министр внутренних дел замолчал, весь обратившись в слух.

– Ведь обмен билетов очень удобно использовать, чтобы сбыть все фальшивки.

– Все? – опешил Горемыкин. – А сколько оказалось в мешке?

– Сто сорок шесть тысяч.

– А... сколько вы еще предполагаете?

Витте стал терпеливо объяснять:

– Я не знаю. Только думаю, что найденные в мешке – не последние. Если сейчас начать шуметь, кричать, расследовать, то мошенники затаятся. И сдадут оставшиеся поддельные билеты где-нибудь в Польше или Сибири. Или на Кавказе. Империя-то огромная. А наплыв старых банкнотов такой, что мы не сможем их отследить.

– Что же вы предлагаете, Сергей Юльевич?

– Более разумным мне представляется тайное дознание. Пусть мошенники думают, что мы ничего не заметили и их операция прошла успешно.

– А-а... Понимаю, понимаю...

– Вот именно, Иван Логгинович! Подошлите туда секретных людей, агентов! Есть же у вас такие? И они будут наши глаза и уши. Жулики, раз удалась афера, непременно захотят ее повторить. Привезут новые

фальшивки. Тут-то полиция их и схватит. Верно говорю?

Горемыкин пожевал губами. От этого его знаменитые усы опустились вниз, словно часовые стрелки.

– Как у вас все легко, Сергей Юльевич... Гладко только на бумаге выходит! Тайные агенты, то да се... С Кречетовым в игры играть – дело трудное. Он о прошлом годе трижды встречался с государем! Дайте подумать.

– Если требуется, я завтра же иницирую Высочайшее поручение, – с самым невинным видом предложил Витте. – У меня как раз доклад. Тогда дознанию будет оказана любая помощь!

Горемыкин встал.

– Нет уж! Помощь и без того явится. Передайте Его Величеству, что вверенное мне министерство берется за дело!

Директор Департамента полиции действительный статский советник Зволянский вызвал к себе Лыкова. Тот вошел, протянул руку:

– Здорово, кавалер!

– Здорово, кавалер!

С глазу на глаз они были на «ты». Зволянский, всего двумя годами старше Алексея, делал карьеру у него на глазах. А до того воевал с турками, тоже вольноопределяющимся, только не на Кавказе, а в Болгарии. За бой под Телишем был награжден солдатским Георгием.

В Департаменте полиции оба кавалера сначала шли вровень. Оба имели Владимирский крест четвертой степени, в чине титулярного советника. Вместе обеспечивали безопасность государя на коронации в 1883 году и получили за это коллежских асессоров. Потом Зволянский рванул вперед. Он стал личным секретарем при Плеве и старшим помощником делопроизводителя при Дурново. А Лыков по семейным обстоятельствам вышел в отставку. Когда вернулся, Сергей Эрастович был уже вице-директором.

Затем начались передраги. За три года в Департаменте полиции сменилось три директора, а это вредно для дела. Когда Горемыкина назначили министром, он тут же посадил в кресло Зволянского. Алексей объяснял это просто: правовед тащит правоведа. Там такая стачка! Но злые языки говорили другое. Зволянский и Горемыкин одновременно были любовниками жены генерала Петрова, сменившего Дурново. Молодая и блудливая бабенка сдружилась саврасов, хотя министр был на шестнадцать лет старше своего «заместителя»... Так или иначе, Зволянский сделался начальником Алексея. Хорошие отношения между ними сохранились,

службе это не мешало. Раз в год Сергей Эрастович даже ходил к Лыковым в гости, на именины хозяина. Надевал при этом свой солдатский Георгий, сослуживцы выпивали много водки и вспоминали войну... Когда бывший канонир начинал рассказывать, как он мазал сапоги розовым маслом, для бывшего пластуна это был сигнал: пора завязывать!

– Скажи-ка, Алексей Николаевич, а давно ты был в Москве?

– По делам или так, проездом?

– По делам.

– В девяносто пятом. Я тогда по просьбе великого князя Сергея Александровича инспектировал его нового начальника сысской полиции.

– Рыковского?

– Да.

– У тебя с ним хорошие отношения?

Лыков пожал плечами:

– Не ссорились. Владислав Рудольфович – католик, и это почему-то смущало его начальство. Я приехал, поглядел... На своем месте человек! Бывший судебный следователь, который ради казенной квартиры пошел в сыщики. Там, ты знаешь, пятеро детей: не до жиру. Ему было трудно, это можно понять, но он старался. Мы расстались по-хорошему. Я поздравляю его закрыткой с католическим Рождеством, он меня – с православным.

– Ага! Отношения рабочие. Дас ист гут!

– А что, надо ехать в Москву?

– Получается, так. К Горемыкину сегодня пришли Витте и Плеске, управляющий Госбанком. Ты знаешь, что идет обмен старых банковских билетов на новые. И фальшивомонетчики решили воспользоваться. Это ж какой вал хлынул! Все население бежит в банки сдавать прежние банкноты. В нынешних содоме с гоморрой самое время сбыть свои липовые бумажки! Так и случилось. Один из московских банков всучил конторе Плеске целый мешок фальшивок. Думали, проскочит. Прежние купюры перерабатывают для бандеролей, занимается этим Экспедиция заготовления государственных бумаг. Сколько уже там сварили в чанах фальшивок, мы не знаем. Но этот мешок развязался, стали собирать – и обнаружили подделку! Представляешь? Повезло.

– Много было в мешке?

– Почти сто пятьдесят тысяч.

– Ого! Но от нас-то что требуется? Пусть московское сыское начнет дознание. Кто принимал банкноты, кто ставил печати... Наверняка замешан старший кассир и кто-то из рядовых. И один из директоров. Все же просто.

– Да, но это банк Кречетова!

– Ну и что? Коммерции советникам уже дозволено законы нарушать? Кречетов вообще негодяй, он, если хочешь знать, первый на подозрении!

– Допускаю это, – не стал спорить Зволянский. – Однако есть еще соображение. Мешок, что так некстати развязался, был не первый, купюры меняют уже третий год. Но, скорее всего, он и не последний!

Лыков насторожился:

– Ты хочешь сказать...

– Именно! Сейчас Рыковский поднимет шум, схватит маленького кассира, доложит о раскрытии дела. А главные лица останутся в тени. Не лучше ли поступить умнее? Сделать вид, что все прошло для жуликов удачно. Они пустят по проторенной тропе следующую партию. Мы заранее расставим везде своих людей. Отследим всю цепочку. И одним махом возьмем шайку!

– Да, согласен, это много лучше, – согласился надворный советник. – Насчет расставить своих людей... Ты думаешь, их придется искать нам?

– Конечно! Поручение от министра получено. Москва – большая деревня, там все на виду. Надо же поместить своего агента внутрь, ввести его в кадр банка. А кто это может быть? Люди Рыковского наперечет, они известны каждому дворнику. Нет, тут нужно новое лицо.

– Но это не я! – испугался Лыков. – Еще под старость лет кассиром в окошке сидеть... Пожалей!

– Ты назначаешься руководителем дознания, – не принял шутливого тона Зволянский. – Рыковский подчиняется тебе. Вопрос слишком серьезный, люди должны работать в одной упряжке. А лицо для внедрения – это, возможно, твой Велевачев. Как думаешь?

– Юрий Ильич? А что, хорошая кандидатура. Он в Москве никому не известен. Подготовка у парня неплохая. Пора ему на самостоятельное дело!

– Вот и договорились!

Зволянский встал, протянул руку:

– Сутки тебе на соображения. Жду завтра в это же время. Помни: действовать надо быстро! Витте – тот еще интриган. Он уже грозил Ивану Логгиновичу Высочайшим поручением. Как тебе? Якобы в целях помочь! Если мы замешкаемся, он нас изгадит в глазах государя. Помни об этом. Я поручился за тебя перед министром, что ты справишься. Не подведи!

Выйдя от начальства, Алексей сразу отправился на телеграф. Он отбил шифрованный экспресс Рыковскому, в котором кратко изложил ему суть дела. Сообщил также, что выезжает завтра в ночь в Москву со своим человеком, которого нужно будет внедрить в кадр провинившегося банка. И попросил подготовить к этому времени справку на всех его сотруddников.

Затем надворный советник послал курьера в кассы Николаевского вокзала. Заглянул домой и сообщил об отъезде жене. Выпил кофею на Литейном. И лишь после этого стал искать помощника.

Валевачев нашелся в кабинете, на своем месте. Он сочинял какую-то бумагу и не подозревал, что уже стал «демоном»^[57]. Да еще в Москве... Плотно ухмыльнувшись, Лыков вырвал у Юрия бумагу, скомкал и выбросил в корзину.

– Э-э! Алексей Николаевич, вы чего творите?! Только-только слог наладился!

– Забудь про эту ерунду.

– Какая ерунда! Это отношение к градоначальнику насчет соединенных действий летучих отрядов! У нас послезавтра совещание на Гороховой по указанному вопросу!

– Послезавтра ты поселишься в Москве и звать тебя будут Гаврила Неумытый.

– Что?

Валевачев в панике вскочил, его красивое лицо перекосилось.

– Почему Неумытый? Нельзя ли как-то иначе? И потом, что мне делать в Москве?

– Секретная командировка, поручение самого министра. А Неумытый – в интересах дела. Так надо!

Коллежский секретарь тут же сел и успокоился. Даже начал соображать.

– Так-так... Секретное задание? От министра? Оч-чень интересно! Ну, пусть будет Неумытый... А что делать-то надо? Револьвер я могу взять с собой?

– Куда ж в Москву без револьвера? И патронов возьми побольше. Сотни две. Мало ли что?

Тут Валевачев догадался, что его подначивают, и сменил мину. Он выпрямил спину, взял бумагу и перо.

– Алексей Николаевич, я вас слушаю.

– Итак, серьезно. Нам с тобой поручено, и действительно самим Горемыкиным, следующее дело...

Надворный советник рассказал о задании и завершил так:

– Мы с тобой выезжаем в Первопрестольную. На неопределенный срок, пока не закончим. Внедряться в банк будешь ты. В каком качестве, мы решим после ознакомления с материалами Рыковского. Думаю, кандидатом в конторские служащие. Жить будешь под чужим именем, встречаться со мной – на условиях конспирации. Задание твое может оказаться опасным! Где большие деньги, там случается всякое...

Валевачев был доволен услышанным. Под чужим именем, в другом городе... Настоящий «демон»! Вот это удача. Может, и пострелять получится! Но начальник спустил коллежского секретаря на землю.

– Скорее всего, – сказал он, – будет долгая и скучная рутина. И в этом

есть для тебя опасность. Ты привыкнешь, устанешь себя контролировать – и однажды забудешься.

– В чем я забудусь?

– В мелочах, конечно.

– Поясните!

– Посмотри на меня. Я тоже был «демоном» и ходил по лезвию ножа, но мне было легче. Учитывая полное отсутствие актерских способностей, мне даже имя не меняли! Я играл сам себя и только так и мог выжить. Это относительно просто. Тебе же придется играть другого человека. Влезть в чужую шкуру и в ней жить, под настороженными взглядами. Ни на секунду не возвращаясь в себя самого, даже во сне оставаться в образе. Справишься ли?

– Пока не попробую, не узнаю, – ответил Валевачев. – А чего это вы меня страшаете?

– Я не страшая, а говорю, как есть. Ты будешь жить среди преступников. Им светит каторга, а не два месяца арестного дома! Случись что, церемониться не станут. Всегда держись настороже. Веселись, пой, пей, работай, будь как все. Неотличим от других. Заурядный, обычный... правдоподобный. Но – не расслабляйся ни на миг!

– Так чем я себя могу выдать? Не дай бог, конечно.

– Образ человека, которого ты играешь, должен соблюдаться до мелочей. Речь. Жестикуляция. Привычки в быту. Однажды я раскрыл агента полиции потому, что у него не оказалось грязи под ногтями.

– Как это?

– Да вот так. Сидит в пивной человек, читает газетку. Такой... потертый. Неавантажной наружности, из тех, кто ищет на водку. Вроде бы как граф Бутылкин. А ногти подстрижены, и руки чистые! Не учел агент эту мелочь, и я его вычислил. Что, если бы это сделал уголовный?

Валевачев задумался.

– А случай с Красноумовым? – продолжил Алексей. – Отличный был актер, прекрасный человек, умница! Замечательный «демон». Но попался на пустяке. Он запоминал приметы убийц, как полагается по инструкции, сверху вниз: волосы, лицо, одежда, обувь, осанка. Так и водил глазами. А один из уголовных читал ту инструкцию! И догадался. Кто мог это предвидеть?

– И... что с ним стало?

– Зарезали, а тело утопили в Екатерингофке. Мы его так и не нашли...

Юрий впервые всерьез задумался, что его ждет в Москве. А Лыкову только это и было нужно. Он отослал помощника и принялся набрасывать

план дознания. Зволянский хоть и приятель, но только с виду. Он – креатура министра и будет глотку за него грызть. Да и с Витте шутки плохи. Нужно вылезти вон из кожи, но найти фальшивомонетчиков. Быстро и доказательно.

Вечером Алексей вынул из бумажника две десятки, старую и новую, и положил их перед собой. Вроде бы одно клише! Дородная женщина, изображающая Россию, со щитом и пальмовой ветвью. Но текст на лицевой стороне немного отличался. На новом билете имелась надпись: «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы (1 рубль = 1/15 империяла, содержит 17,424 долей чистого золота)».

Еще больше изменений оказалось на обороте. Раньше там помещались извлечения из Высочайшего манифеста о кредитных билетах. Теперь их заменили тремя параграфами из Высочайшего Указа от 14 ноября 1897 года:

«1. Размен Государственных кредитных билетов на золотую монету обеспечивается всем достоянием Государства.

2. Государственные кредитные билеты имеют хождение по всей Империи наравне с золотой монетой.

3. За подделку кредитных билетов виновные подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу».

Да... И не боятся люди заниматься такими делами! Лыков убрал бумажки на место и отправился ужинать.

Через тридцать шесть часов оба полицейских были уже в Москве. Их поселили на конспиративной квартире в Грузинах и велели по улицам зря не шляться. Вечером туда явились начальник МСП Рыковский и его помощник Лебедев. Василий Иванович представился уже не поручиком, а титулярным советником – перешел в статскую службу.

– Итак, господа, дело ваше объявлено особо секретным, – сказал Рыковский. – Знать о нем будем из москвичей только мы двое. Вся помощь – через Василия Ивановича.

– Даже обер-полицмейстер не в курсе операции? – удивился Лыков.

– Даже он. У Кречетова всюду глаза и уши. Так будет надежнее.

– Понятно. Готовы ли сведения по кадру банка?

– Лишь самые общие. Московский промышленно-купеческий банк никогда не проходил по делам сыскного отделения. Надежный, консервативный...

– Давайте, что есть.

Рыковский кивнул своему помощнику, и Лебедев стал докладывать:

– Начнем с верхушки. Председатель правления – лично Кречетов. Вице-председатель – Поляков, директор Товарищества «Викула Морозов с сыновьями».

– Тот самый Поляков? – оживился Алексей. – Иван Кондратьевич?

– Да. Выдающийся предприниматель, человек безукоризненной честности. Он-то уж точно ни при чем!

– Само собой. Мы с ним, кстати, знакомы. Он знает, кто я и где служу. Может пригодиться... Пошли дальше.

– Дальше идут директора. Их двое: Котлубай и Желтобрюхов.

– Что за люди?

– Проверяем. Пока ничего криминального за ними не нашли. Зато много всякого имеется за директором-распорядителем! Зовут его Альфред Осипович де Лятур. Он ставленник Кречетова и не просто так им сунут в банк, а в качестве поощрения.

– За что? – заинтересовался надворный советник.

Лебедев нахмурился.

– Иван Пименович Кречетов, по правде сказать, большая скотина. Просто огромная! И первое, в чем его обвиняет молва, – это отравление своего старшего брата Сергея. А де Лятур – доктор по профессии. Именно тот самый доктор, который подписал заключение о смерти Сергея Пименовича от апоплексического удара.

– И после этого пошел в банкиры?

– Да. Правда, не сразу. Сначала у него умерла пациентка, которой он сделал незаконное кесарево сечение. Получился скандал. Выяснились такие вещи, что Лятура лишили права на вольную практику. В больницы его, разумеется, не взяли после случившегося. И Кречетов двинул бедолагу в директора-распорядители. Эскулапа – в банкиры! Явно не просто так.

– Да, темная история, – согласился Лыков. – Смерть старшего Кречетова полицией не дознавалась?

– Повода не было. Бумага, чин чином подписанная доктором. Пожилой человек... А молва? Люди всегда что-то болтают!

– Возможно отравление. Есть один способ выяснить это, но теперь уже поздно...

– Какой способ, Алексей Николаевич? – удивился Лебедев.

– Что сейчас говорить? Надо было сразу же... Вы продолжайте про де Лятура. Как он справляется в банке? Это не кесарево сечение производить...

– Плохо он справляется. Дела не знает и компенсирует свой

дилетантизм хамством и излишней суровостью. Кличку ему за это дали: О-Бэ-Пэ.

– Странная кличка...

– Альфред Осипович на все просьбы служащих о вспоможении или кредиторов о продлении займа отказывает. Всегда. И пишет на бумаге: «Оставить без последствий». А в последнее время, когда совсем зазнался, ему стало лень писать и эти три слова. Теперь Лятур просто чертит три буквы: О, Б и П. Такое вот сокращение трудов.

– М-да...

– Кстати, Алексей Николаевич, а чьи подписи были на фальшивых купюрах? – спросил из угла начальник сыскной полиции. – Тех, из мешка, который развязался.

– Кассира Саладилова, старшего кассира Парфенова и самого де Лятура.

Рыковский с Лебедевым переглянулись, и коллежский советник хмыкнул:

– Попался!

– Ничуть, – парировал Лыков. – Скажет, что доверился кассирам. Он не специалист, чтобы отличить фальшивые билеты от настоящих. А во время обмена их столько приносят, что нет никакой возможности уследить!

– Расколоть кассиров! Перекрестные допросы с утра до ночи! Запугать, заставить выдать главного виновника!

– Владислав Рудольфович, а если они не расколются? Спугнем. Нет, надо ловить всю шайку на новой махинации, тепленькими. И с нашим агентом внутри, – возразил Лебедев.

– А вот вам и агент, – кивнул Алексей на своего помощника. – Юрий Ильич Велевачев.

Лебедев молча покачал головой.

– Чем не годится? – встревожился надворный советник.

– Больно казистый он для артельщика. Образование выпирает.

– Какого еще артельщика?

Рыковский мягко пояснил:

– Мы с Василием Ивановичем и так пробовали, и сям. По всему выходит, что агент должен попасть в банк на место артельщика.

– Какие артельщики в банке? Вы имеете в виду служителя?

– У нас в Москве это называется артельщик.

– У вас в Москве все не как у людей, – съязвил Лыков. – Но почему не кассиром, не писцом?

– В банке Кречетова всего три кассира, – опять взял слово Лебедев. –

Кроме уже упоминавшегося Саладилова есть еще Титкин и Омелюстый. Ну и старший, Парфенов. Все кассиры служат под начальством Парфенова много лет, у них спайка. Если устранить одного, оставшиеся двое его заменят. Чужого не возьмут.

– А канцеляристом?

– Таких семь человек, но к обмену купюр они отношения не имеют. Если даже мы сумеем устроить туда господина Валевачева, он ничего с такой должности не узнает. Учет векселей, выдача кредитов, оценка залогов... Нам это зачем?

– Ну, в маленьком банке всегда можно что-то подслушать и подсмотреть! – не сдавался Лыков.

– В этом нельзя. Московский промышленно-купеческий банк так устроен.

– Поясните, Василий Иванович!

– Контора банка занимает два этажа. На первом кассиры (четыре вместе со старшим), служащие кредитного и вексельного отделов и оба директора, Котлубай и Желтобрюхов. Ну и артельщик первого этажа. Все самое интересное происходит на втором этаже, куда снизу никто не ходит. Там сидит сам де Лятур, рядом кабинет Кречетова, особая касса, хранилище и комната для заседаний. На входе дежурит охранник. Все крупные суммы кассиры в течение дня носят в хранилище. Важные клиенты, внесшие эти суммы, тоже обслуживаются наверху. Переговоры с Лятуром ведутся там же. Как и опечатка мешков со старыми купюрами...

– Понятно! – остановил Лебедева надворный советник. – Согласен, нам нужен человек, вхожий на второй этаж. Но кто это? Артельщик?

– Да, единственная возможность для внедрения – провести агента в артельщики второго этажа. Каким-то образом устранив на время нынешнего. Создать искусственно вакансию и толкнуть туда Юрия Ильича. А он, извините, лицом для такого места не вышел...

Валевачев хотел что-то возразить, но начальник дал ему знак помалкивать.

– Лицом не вышел... Ну, эта проблема решается. Сделаем из Юрия Ильича сына крепостного бастарда, внука блудливого помещика. Труднее с манерами. Играть вчерашнего крестьянина Валевачеву много сложнее, чем разночинца. По роду воспитания, по жизненном опыту. Но, если нет другого выхода, будем его готовить. Вместо одного дня у нас уйдет три. Я начну ходить с ним по всяким темным местам: портерным, чайным, торговым баням. И учить, как правильно там себя вести, как правильно говорить, реагировать, расплачиваться, скандалить...

– Даже скандалить? – не поверил Валевачев.

– Скандалить по-простонародному тоже надо уметь, – строго ответил ему Лыков. – А сколько стоит помыться в бане, знаешь? Не в дворянском номере.

– Нет...

– Вот и стану тебя образовывать.

Все четверо какое-то время молчали. Было заметно, что москвичам идея Лыкова не нравится. Они не верили, что за три дня потомственного дворянина и универсанта можно переделать в обывателя. Потом надворный советник спросил:

– Кто сейчас артельщик второго этажа?

– Отставной ефрейтор Избышов, – прочитал с листа Василий Иванович.

– Как он добился такой службы? При Лятуре и всех его тайнах. Кого попало туда бы не поставили.

– Избышов работал на фабрике Кречетова, проявил себя как надежный и неболтливый. Опять же, медаль у человека за подавление польского мятежа. Представительный.

– И... как мы его подменим? У Юрия Ильича тоже есть медалька, кстати. За труды по переписи населения. Сгодится?

– Очень даже! – обрадовался начальник сыскной полиции. – Это объяснит и его интеллигентную наружность. Из крестьян, но пообтесался среди господ...

– Насчет подмены, – обратился Алексей к Лебедеву. – Как сунуть туда Юрия Ильича, я знаю; а вот как дедушку отодвинуть на время?

– Избышов любит лечиться, – ответил титулярный советник. – Прямо маньяк какой-то! Каждую неделю таскается по врачам, изводит их. Но долго болеть старику в банке не дают. День-два, не больше. А мы подговорим доктора, чтобы он уложил ветерана в больницу, с подозрением на серьезную хворь. Недели на две. Тут-то и появится вакансия. Но вы сейчас сказали, что знаете, как сунуть Юрия Ильича...

– Да, это просто. Вице-председатель правления Поляков похлопочет перед Кречетовым за своего родственника. Чтобы взяли артельщиком на время, пока старик болеет. И присмотрелись, не годится ли он для более серьезной службы, например канцеляристом.

– И Поляков согласится? – недоверчиво спросил коллежский советник.

– Еще как согласится, – уверенно ответил Лыков. – Банк, в котором он участвует, пойман на обмене фальшивых билетов! Это бросает тень и на Ивана Кондратьевича.

– Сильный ход, – кивнул Рыковский. – Уж своему вице-председателю Кречетов отказать не сможет. Тем более принять на время, без обязательств и на служительскую должность...

– Это еще одно объяснение, почему Юрий Ильич так интеллигентно выглядит, – поддакнул Лебедев. – Хоть и дальняя, но родня самого Полякова!

Москвичи повеселели. Не так плохо все получается! А столичный гость подлил им воды на мельницу:

– Знаете, как Поляков сделал карьеру?

– Нет!

– Эх, а еще здешние сыщики! В молодые годы Иван Кондратьевич служил сторожем на воротах при фабрике Викулы Морозова. Тот долго искал человека, который может читать Священное Писание по-старославянски. Чтобы четко и с выражением! Ему и посоветовали послушать сторожа... Парень прочитал так, что хозяину сразу понравился. Викула Алексеевич велел устроить его на маленькую должность, но уже в самой фабрике. И тот пошел, пошел в гору... и дорос до директора. Так что наличие у Полякова родственника из простого сословия никого не удивит.

Четверо сыщиков были довольны: план складывался. Но тут Алексей задал вопрос, которым чуть все не испортил.

– А что входит в обязанности артельщика?

– Принимать верхнюю одежду у начальства и его гостей, – ответил Лебедев, как-то подозрительно косясь на Юрия.

– Так. Еще что?

– Разносить чай. Даже охраннику полагается чайное довольствие.

– Понятно. Еще?

– Убирать мусор из корзин...

– Очень хорошо! – обрадовался надворный советник. – В этих корзинах могут попадаться интереснейшие вещи!

– ...и чистить отхожее место.

Все замерли.

– Алексей Николаевич! – жалобно воскликнул Велевачев. – Как же? Как же я это сделаю?

На коллежском секретаре не было лица. Красный, обиженный...

– Руками, Юрий Ильич, руками! – жестко ответил Лыков. – А ты как хотел «демоном» служить? По ресторанам на казенный счет ходить? Арфисток склонять к непотребству?

– Но...

– Я в восемьдесят третьем году прошел всю Россию от Петербурга до

Нерчинска. По этапу, с арестантами! Знаешь, сколько вшей на мне было?

– А...

– Туалетной бумаги «Шантеклер» там не водилось! Подтирался лопухом, баню не видал два месяца! А тебе нужно будет лишь ретирадник вымыть, куда, кроме Лятура, никто не ходит.

Валевачев скорбно замолчал. А титулярный советник окончательно добил петербуржца:

– Туда ходит еще один человек.

– Кречетов? Он там часто бывает?

– Нет, Иван Пименович – редкий гость в банке. Я имею в виду третьего артельщика, Шишку.

– Это кто такой? – хором спросили приезжие.

– Никто толком не знает, – развел руками помощник начальника отделения. – Доверенный человек Лятура. Посыльный, телохранитель, порученец по секретным делам.

– Очень сильный?

– Как бык! – ответил Лебедев. И тут же поинтересовался: – А как вы догадались, Алексей Николаевич?

– Шишка – самый крепкий в бурлацкой ватаге. Он идет в бичеве первым, задает ход. Это всегда рослый плечистый детина.

– Но ведь бурлаков давно нет!

– Кличка осталась. Так все же, что известно про этого Шишку? Как его имя? Откуда взялся? Что у него в прошлом?

– По паспорту он Никифор Бардыгин, плоцкий мещанин.

– Из Польши в Москву приехал? Ага!

– А что тут такого? – обиделся вдруг Рыковский. – Я вот тоже из Плоцкой губернии и тоже живу в Москве!

– Жулики часто называются выходцами из Царства Польского, – пояснил Лыков. – Там в гминах^[58] сидят сплошь ваши единоверцы, Владислав Рудольфович. И – уж не обижайтесь! – очень неохотно отвечают на полицейские запросы из внутренних губерний. Уголовным легче жить по подложным польским документам!

Теперь уже смутился начальник сыскной полиции.

– Я пошлю запрос на Бардыгина в нашу картотеку, – как ни в чем не бывало продолжил Алексей. – И на де Лятура тоже. Копию запроса – в Варшаву. Если эти двое так дружны, наверняка их объединяет общее прошлое. Преступное прошлое.

Совещание пора было заканчивать.

– Господа москвичи, – объявил надворный советник. – Завтра я

встречусь с Поляковым, заручусь его согласием и узнаю то, что необходимо для легенды. Деревня, волость, фамилия родственников, сельская кличка... После этого выправляем Юрию Ильичу паспорт. И я начинаю натаскивать его в простонародных привычках. Налет интеллигентности допускается, как мы уже поняли. С вас пока две вещи. Первая – положить нынешнего артельщика... Избышова в больницу. Куда он ходит, известно?

– Да, – опять сунулся в бумаги Лебедев. – Отставной ефрейтор мучает исключительно военно-врачебную лечебницу в Мыльном переулке. Верит лишь военным докторам!

– Вот молодец! – одобрил Алексей. – Суньте его в Петровский военный госпиталь в Лефортово. Пусть подлечат дедушку.

– Сделаем, – кивнул коллежский советник. – А второе что?

– Надо подобрать Юрию Ильичу квартиру. Чтобы соседи были от вашей конторы, приглядывать за незваными гостями. Возможно, его станут проверять... Чтобы был второй ход – я буду тайно туда наведываться.

– Найдем.

– И чтобы жилье соответствовало образу нашего героя. Дешевое, но с претензией. Господин Валевачев вообще у нас с претензией, отхожие места мыть не хочет! Ишь, распустил я кадр...

Лыков натаскивал своего помощника четыре дня. Особенно трудно тому давалась речь. Говорить «благодарствуйте» вместо «спасибо» и вставлять к месту словоерсы – не пустяк. Тут надо переделать себя. Еще тяжело было отучить столбового дворянина мыть руки после посещения уборной.

Парочка обошла пивные, и Валевачев освоил все необходимые навыки пьяницы. В банях Карбышева на Пустой улице он помылся за пятак. И, под давлением начальства, посетил пансион без древних языков^[59] на Большой Бронной. Хорошо, холостой человек...

Кроме того, Лыков встретился с вице-председателем правления Московского промышленно-купеческого банка Поляковым. Высокий, плечистый, с ясными, умными глазами, деловик принял сыщика на дому. Алексей оставил помощника в гостинице, а в кабинет покамест прошел один.

– Помню, помню, – сказал хозяин, протягивая крепкую руку. – Арсений Иванович Морозов очень вас хвалил. Что стряслось? Люди вашего занятия с добром не приходят.

– В банке Кречетова идет обмен старых банкнотов на новые.

– Эдак сейчас во всех банках.

– Да. Но в одном мешке билеты оказались фальшивые. На сто пятьдесят тысяч.

Поляков так и сел.

– Эх-ма...

Подумав, он спросил:

– Моментом пользуются?

– Конечно! Билеты обменивают уже второй год. Но сначала шли мелкие номиналы: три, пять и десять рублей. А в декабре прошлого года в оборот пустили сторублевый банкнот. Тут, видимо, мошенники и вбросили свои бумажки. Соблазн большой: под шумок обменять фальшивки на настоящие деньги! В Экспедиции изготовления государственных бумаг сенокос: работают без праздников двадцать четыре часа в сутки. Не успевают печатать новые билеты и утилизировать старые. Сунь им сейчас газетную бумагу – не заметят. А в марте выйдет купюра в пятьсот рублей. Представляете, что будет? Сразу в дамки можно попасть!

– И кто заправляет?

– Мы думаем, сам Кречетов, – рубанул сплеча надворный советник. – А де Лятур – организатор.

– Это точно? Про Кречетова.

– Нет, пока лишь предположение. Но разве не похоже на Ивана Пименовича?

– Еще как похоже, – с горечью констатировал Поляков. – Вот выжига! И меня под монастырь подведет! Скажут: и Поляков в доле, раз он там вице-председатель!

– Кто вас знает, Иван Кондратьевич, тот так не скажет. Но пятно на репутацию ляжет.

– Что мне делать, Алексей Николаич?

Сыщик понизил голос:

– Недавно по этому вопросу Витте встречался с Горемыкиным. Уже доложено государю...

Поляков схватился за абсолютно лысую голову:

– Стыд-то какой!

– Я приехал сюда по поручению министра внутренних дел. Приказано провести секретную операцию и накрыть мошенников.

– Хорошо, что именно вас назначили! – вскричал деловик. – Вы Москве не посторонний. Я ведь вас еще по коронации восемьдесят третьего года помню. Вместе царя охраняли!

– Да, вы были сотским и стояли на выезде из Петровского путевого дворца.

– И вы помните, Алексей Николаич?! Поляков всегда был властям верный слуга!

– Я, Иван Кондратьевич, ничего не забываю. Ни плохого, ни хорошего. Служба такая.

В словах сыщика москвичу почудилась угроза.

– В чем же я провинился?

– Ни в чем, Иван Кондратьевич. Я пришел сюда за помощью. Правительство может на вас рассчитывать?

– Целиком и полностью. Что я должен сделать?

– Как я уже сказал, полиция готовит секретную операцию. Для этого в банк будет помещен под чужим именем агент. Просто так человека туда ввести нельзя, сами понимаете.

– Понимаю! Жулики настороже, чужого не пустят.

– Именно. После размышлений мы решили подсадить агента на место артельщика второго этажа.

– Там какой-то чудаков ходит, с медалью.

– Его фамилия Избышов.

– Он!

– Сегодня-завтра его положат в больницу, и появится вакансия. Тут-то вы и предложите взять на его место своего родственника. На время, пока Избышов болеет.

– Понимаю!

– Кречетов не откажет вам в такой мелкой просьбе, так ведь?

– Не откажет, – уверенно подтвердил Поляков. – Он знает, что я из деревенских. А там принято хлопотать за своих. Я частенько то одного крестника устраиваю, то другого. Ванька не удивится.

– Отлично. Осталось вам познакомиться со своим новым крестником.

Алексей открыл дверь в гостиную и сказал:

– Юрий Ильич, заходите!

Вошел Валевачев, одетый в готовую пару, с напыженными волосами и нелепыми претенциозными бачками.

– Здравствуйте, крёсненький! – сказал он подобострастно.

Поляков внимательно его рассмотрел и заявил Лыкову:

– Больно смазливый! И лицо чересчур чистое. Сразу видать, что землю не пахал.

– Смазливый – это хорошо. Все девки наши будут! А наружность не изменить. Поэтому легенда такая, что он из дворовых. Отец его или дед родились от барина, потому и лицо такое. Землю действительно не пахали, весь их род не пахал. Дворовые же! Бездельники и барские прихлебалы.

Вот и он такой. Приехал в Москву будто бы на заработки, а сам только и думает, как бы ему купеческую дочку окрутить! Взять с большим приданым и зажить богачом.

– Ну, таких много по Москве шляется, – авторитетно сообщил промышленник. – Даже ко мне один ходит, Насте моей надеется голову задурить.

– Вы уж Настасье Ивановне Юрия Ильича не показывайте, а то не устоит, – съязвил Лыков.

Коллежский секретарь все это время стоял как племенной бык на выставке. А два собеседника внимательно его разглядывали. Наконец Лыков сказал:

– Как он вам на самом деле, Иван Кондратьевич? Ошибиться нам нельзя. Эти люди и зарезать могут, ежели что почувствуют.

– Понимаю.

– Давайте мы посидим у вас долго-долго, поговорим, отобедаем, деревню вашу переберем. Легенду выверим. А вы будете присматриваться и делать замечания. Хорошо?

– Давайте. А как хоть зовут Юрия Ильича?

– Фамилия ему Валевачев. Чиновник особых поручений Департамента полиции. Потомственный дворянин. Окончил юридический факультет Петербургского университета. И ему действительно нелегко будет разносить чай и убираться в мусорных корзинах. Но придется.

Сыщики просидели у Полякова почти весь день. Первым делом придумали агенту имя и родословную. Теперь это был Парамон Кошкин, уроженец деревни Миндово Кинешемского уезда. Миндово – имение баронов Нольде, поэтому на них и повесили грех с крестьянскими девками... Парамоша – так сразу стал называть агента Поляков – запомнил несколько ходовых вичугских словечек. Когда сели чаевничать, выяснилось, что молодой человек не умеет прихлебывать из блюдечка. Иван Кондратьевич научил его пить чай вприкуску, вытирать рот ладонью и почтительно говорить со старшими. Он очень ответственно подошел к просьбе Лыкова: внимательно наблюдал за манерами «крестного» и разбирал их. Хозяин сделал множество ценных замечаний.

Гости остались на обед. К столу вышли жена и дочка Ивана Кондратьевича. Тот представил мужчин. Лыков сошел за делового партнера, а Валевачев впервые попробовал себя в роли Парамоши. Самое удивительное, что дочке он понравился! Настасья Ивановна любезничала с ним, как ни с кем другим доселе, рассказал потом за сигарами промышленник. И шутя погрозил «крестному» кулаком:

– Смотри, Парамон, в зятя не возьму!

Через сутки Лыков получил ответ на свой запрос, причем не из Петербурга, а из Варшавы. Лятур оказался известен тамошнему сыскному отделению. Он был врачом Института нравственного исправления детей в селе Мокотов. И разрешил наказать провинившегося воспитанника, не заметив у того порока сердца. Подросток умер под розгами, и эскулапу пришлось оставить должность. Сколько же жизней на совести этого человека?

Шишка, или Никифор Бардыгин, тоже имел отношение к исправительному заведению. Он служил там экзекутором и был уволен вместе с Лятуром. Видимо, эта парочка шла по жизни вместе.

Лятура однажды допрашивала Варшавская сыскная полиция по подозрению в реализации поддельных банковских билетов! Но он сумел выкрутиться. Горячо, горячо... И конечно, Альфред Осипович происходил от приказчика галантерейного магазина, полуфранцуза-полуполяка. И аристократическую приставку «де» присвоил себе незаконно, уже в Москве. Здесь он не сразу вышел в люди. Несколько лет Лятур вел врачебную практику и одновременно подрабатывал биржевым зайцем^[60]. На бирже попался на глаза Ивану Пименовичу, услужил ему в каком-то деле и через это стал банкиром. Возможно, оформление акта о естественной смерти старшего Кречетова и есть та услуга... А теперь полуграмотный докторишка сделался О-Бэ-Пэ.

Ответ на другой запрос пришел из родного департамента. Оттуда сообщали, что все известные полиции российские фальшивомонетчики сидят на каторге. Если не считать тех умельцев, которые никогда в империи не были, а рисуют фальшивки за рубежом. Из доморощенных уцелело лишь двое. Один бежал аж в Америку и наверняка там сейчас ваяет доллары, а второй пропал бесследно. Это еврей-гравер по фамилии Подольщиц. Последний раз его видели три года назад в Варшаве.

Алексей показал ответы Рыковскому и заявил:

– Что-то часто у нас мелькает этот город. Скажите, Владислав Рудольфович, а Кречетов туда наведывается?

– Не знаю.

– Надо узнать. Черт, неужели они поставили печатный станок в самом Мокотове? Это же какая наглость!

– Не может быть, – возразил коллежский советник. – Я ведь учился в Варшаве и знаю это место. Мокотов лишь называется селом. А на самом деле аристократический пригород! Фактически он уже в черте города. Кто же станет печатать фальшивки на виду у всех?

– Институт нравственного исправления детей находится в ведении Министерства внутренних дел, – пояснил Алексей. – Это приют для молодых преступников. Закрытое место. Никому и в голову не придет искать там печатный станок! Умно, умно... если, конечно, моя догадка верна. Владислав Рудольфович, расскажите мне о Кречетове все, что знаете. Что он за фрукт? И как лучше всего взять его за тазобедренный сустав?

– Он крупная фигура, по-настоящему крупная. Честно говоря, я не уверен, что нам удастся, например, засадить его в тюрьму.

– Настолько богат?

– Иван Пименович многолик, и в этом его сила. Он владелец «Товарищества мануфактур Кречетова». Председатель правления Московского промышленно-купеческого банка и член правления еще в двух банках. Председатель Учетного комитета Московской биржи, а это очень влиятельная должность! Коммерции советник. Почетный мировой судья. Почетный опекун и в этом качестве представлялся государю! Многолетний гласный Городской думы. Член попечительского совета Художественно-промышленного музея и Московского Императорского коммерческого училища. Владелец больших паев в Зуевской и Гаврилово-Ямской мануфактурах. Учредитель богадельни в Ямской слободе и приюта для слепых и малозрячих на Введенских горах. Состоит в четвертом классе^[61]. В минувшем году Кречетов трижды встречался с Его Величеством. А уж с Витте он общается ежемесячно! Как же мы возьмем такого за сустав?

– Витте его уже списал, выдав Горемыкину.

– А вы в этом уверены, Алексей Николаевич? Откупится в очередной раз. Ему не впервой.

– Вы чего-то опасаетесь, Владислав Рудольфович?

– Опасаюсь, – честно ответил начальник МСП. – Вы уедете в Петербург, а мне тут служить. Снова вспомнят, что я поляк и католик...

Лыков уходил из Малого Гнездиновского переулка в невеселом настроении. Что за служба! Исполняешь честно свой долг и боишься, как бы за это не поплатиться...

Через четыре дня обучение «демона» закончилось. К этому времени артельщик Избышов уже лежал в военном госпитале с клизмой в одном месте. Илья Кондратьевич посетил банк и потом пожаловался Кречетову:

– Зашел я в отхожее, а там не прибрано! Фу! Что опять стряслось?

– Да артельщика в больницу положили!

– Нового возьми на время. Это же не дело!

– Возьму, завтра же и возьму. Не до того сейчас.

– Слушай, Иван Пименович, – спохватился вице-председатель. – А у меня крестник место ищет! Молодой, шустрый. Испробуй его! Буду твой должник.

– Что за крестник? – нахмурился купец. – Мы в банк кого попало не берем. На фабрику могу его пристроить.

– Парамоша его зовут. Из моей деревни. Отслужил действительную, пообтерся в земстве, перепись вел. А теперь прибыл в Москву. Грамотный! Наружность приличная. Не пьет. Медаль имеет! Фамилия Кошкин. На фабрику того... лучше бы в банк.

– Ладно. Пусть явится к Лятуру, я ему велю взять. Временно. Но, когда старый артельщик выйдет, Кошкину твоему на дверь укажут!

– Иван Пименович, душа моя! А пусть в банке к Парамоше присмотрятся! Парень ловкий, не только чаи разносить сгодится. Все ж крестник. У нас в деревне принято опекать.

– Поглядим, – отмахнулся Кречетов. – Ты мне лучше скажи, какой дивиденд на паи положить? Скоро годовое собрание...

Вечером того же дня Кошкин сидел в шинельной и вел с охранником скучный разговор. Московский промышленно-купеческий банк располагался в Троицком подворье на Ильинке. Сердце купеческой Москвы! Наискось – Биржа, через улицу – другие банки. До Кремля камнем добросишь. Через час ожидания дверь с улицы распахнулась, и вошли двое. Один был верзила большого роста, с нехорошим лицом. Завидя такого в темном переулке, отдашь все без принуждения... Второй – subtilный, богато одетый мужчина с усами и бородкой а-ля Наполеон Третий. Охранник вскочил и вытянулся по-военному; проситель сделал то же самое.

– Кто? – спросил subtilный, глядя в сторону.

– Кошкин, ваше высокородие! Их превосходительство господин Кречетов велели через крёсенького зайти. Ищу должность артельщика.

– А-а, Парамоша?

– Так точно, ваше высокородие!

– Шишка, разберись, – бросил через плечо Лятур и прошел к себе. Верзила поднялся с гостем на второй этаж, поставил его под лампу и внимательно рассмотрел. Очень внимательно! И что-то ему сразу не понравилось. Он стукнул в дверь кабинета. Директор-распорядитель тут же вышел.

– Альфред Осипыч, гляньте на него. Какой же он крестьянин?

Лятур впери в парня подозрительный взгляд. Тот осклабился:

– Это вы насчет моей наружности? Так у нас полдеревни на одно лицо.

А все благодаря барину. Барон Нольде его звали, Михаил Александрович. Веселый барин был! До девок шибко охочий. Ни одной не пропустил!

– Хм. Говорят, у тебя медаль есть?

– Так точно!

Проситель распахнул полушубок на груди:

– Вот.

– За труды по переписи населения? Я думал, военная.

Шишка вдруг заступился за парня:

– Народ дурак, Альфред Осипыч. Есть медаль, и слава богу. Значит, герой! А за что она дадена, никто читать не станет!

Лятур махнул рукой:

– Хорошо. Сам Поляков попросил, ему отказать неловко... Объясни новенькому обязанности, ну и вообще... научи, как себя в банке вести. Помни, Парамоша, чуть что – сразу вон!

Кошкин даже зажмурился, словно бы от страха.

– Ваше высочордие! Наизнанку вывернусь! Смею мечтать, что оправдаю... я ведь и по письменной части могу... Дозвольте оставить надежду!

– Какую надежду?

– Что понравлюсь вашей милости.

О-Бэ-Пэ польщенно улыбнулся и ушел. А Шишка занялся новым работником. Он показал ему комнаты второго этажа, а потом провел беседу.

– Меня зовут Бардыгин Никифор Прович. Все свои вопросы решаешь через меня. Человек я строгий, спуска не даю.

– Понял, Никифор Прович. Вы только скажите, ежели я что не так сделаю спервоначалу. Вмиг исправлю!

– Твое дело днем – это раздеть и одеть Альфреда Осипыча и его гостей. Еще поить их чаем. Часто ходят Кречетов и твой Поляков. Запоминай: Альфред Осипыч пьет чай с лимоном, Кречетов любит с липой, а Поляков – с мятой. У тебя всегда должен иметься запас. Еще сахар чтоб был обычный и постный. А к чаю – баранки и сушки. Деньги на это добро получаешь от меня и мне же отчитываешься. Если вздумаешь украсть хоть копейку – сразу вон!

– Как можно-с!

– Да знаю я вас... Слушай дальше. Еще чай полагается охраннику и мне. Охранники меняются через сутки, их трое, все бывшие солдаты. Я люблю к чаю мятные пряники.

– Слушаюсь, Никифор Прович!

– Дальше. Это все днем. К директору часто заходят купцы, их тоже по желанию надо уметь угостить. Поэтому самовар всегда чтоб был наготове! В шесть часов снизу поднимаются два других директора, и у них с Альфредом Осипычем тогда бывает совещание. Опять нужен чай.

– Позвольте спросить, а какие у господ директоров пожелания?

– Котлубай любит зеленый чай. А Желтобрюхову что ни налей, все хорошо, лишь бы много. Он пьет по три стакана, учти! По окончании совещания снизу приносят деньги, векселя, купоны и запирают в хранилище. И все уходят, а ты начинаешь уборку. Сор из корзин выкинуть, пыль стереть, фикус полить... Что еще? Отхожее место вычистить, посыпать чуть-чуть хлоркой, полотенце менять через день.

– А воды долить в рукомойник?

– Ты что? – рассмеялся Шишка. – Какой рукомойник в Троицком подворье? Тут водопровод есть.

– Виноват-с! Деревня...

– И клозет не отвоцким порошком чистится, а смывается водой. Тебе облегчение!

– Благодарствуйте.

– Уходишь домой, только когда все закончишь. В восемь утра чтобы был здесь! Самовар должен кипеть к девяти, когда приезжаем мы с Альфредом Осипычем. На обед тебе дается час времени, когда директор-распорядитель отбудет из банка. Пока он здесь, отлучаться не смей.

– Слушаюсь. А позвольте полюбопытствовать насчет жалования...

– Жалование у тебя будет как у каменщика высшего разряда: двадцать рублей в месяц. Только каменщик за эти деньги на ветру и на морозе день-деньской, а ты в тепле при самоваре. Цени! Ну, иди сейчас домой, а завтра к восьми как штык. Ты где поселился?

– В Тетеринском переулке, в доходном доме Вецлиха, в третьей квартире.

– Ну, ступай.

Выпроводив нового артельщика, Бардыгин пошел к директору.

– И как он тебе? – спросил тот, откладывая в сторону бумаги.

– Поглядим... Вроде сообразительный.

– Нам тут слишком сообразительные ни к чему.

– Ивану Кондратьевичу ведь не откажешь. Чего теперь? Я стану за ним приглядывать. Чуть что, сразу выкинем. А человек все равно нужен, уборную надо же мыть!

– Ты вот что, Шишка. Завтра поутру сходи к новенькому на квартиру. Понюхай там, чем пахнет. С хозяином поговори. Кто к нему навевывается, тихий ли, нет ли чего подозрительного. И в вещах поройся.

– Угу.

– Когда партия приходит?

– В пятницу.

– Все у нас готово?

– Нет.

Лятур насторожился:

– Что не так?

– Саладилов на нервах. Второй день пьет, а в пьяном виде болтает что ни попадя.

– Черт!

О-Бэ-Пэ вскочил и начал нервно бегать по кабинету.

– Черт! Вот никак нельзя с этими русскими!

– Я вроде тоже русский, и что?

– Ты не русский, ты железный. Но как быть с Саладиловым? Наболтает ведь в кабаке, попадет на агента и сгубит нас всех. Что делать, Никифор?

– Надо его отправить в деревню, передохнуть.

Лятур сел и пристально всмотрелся в своего помощника.

– На самом деле в деревню или?..

– В такую деревню, откуда не возвращаются.

– А что скажут другие кассиры? Они ведь заодно.

– Саладилова заменит Титкин. Нам надо-то всего неделю! А там хоть трава не расти. Миллион прокрутим и разбежимся.

– То есть?

– То есть кассирам говорим, что Саладилов попросился у тебя в отпуск. Ты заметил, как он водку лопает. Понял, что это не работник, и отпустил. Поехал человек в деревню, на покой, до Фоминой недели. И так строго им скажи: ежели увижу, что и вы пьете, всех распуцу и обратно уже не возьму!

– Так-так. Где у этого идиота деревня?

– Далеко, в Вологодской губернии. Пока хватятся, нас уже след простынет.

– Еще неделя... Надо продержаться. А с Саладиловым... Ну, ты понял. Тебе не привыкать.

– Сделаю, – коротко ответил Шишка.

Вечером того же дня Велевачев делился с начальником своими первыми впечатлениями.

– Бардыгин удивил! Взгляд умный, пронзительный. Всех держит в кулаке. Серьезный человек, а не скуловорот. Лятур смотрится мельче его!

– Учти, что тебя попытаются на чем-нибудь поймать. Прямо завтра и начнут.

– Как?

– Надо подумать. Савелий Савельич, можно вас?

Подошел хозяин квартиры Щурь, старый негласный агент сыскной полиции.

– Слушаю, ваше высокоблагородие!

– К вашему жильцу должны наведаться проверяльщики. Вы их пустите и ответьте на все вопросы. Захотят в вещах порыться – и это дозвольте. Будто бы с перепугу.

– Ясно.

– Всем быть настороже! Начинаем игру.

Еще Лыков сообщил Юрию, что ежедневно с трех до четырех он будет сидеть в кофейне в Рыбном переулке. Если нужно срочно о чем-то доложить, то делать это надо через буфетчика Степана.

Утром Кошкин ушел на службу, а через два часа в дом Вецлиха явился огромный детина. Он прошел к Щурю и требовательно стукнул в дверь.

– Чего надо? – спросил хозяин.

– Сыскная полиция. У тебя новый жилец появился?

– А... позвольте документик, господин сыщик.

Верзила поднес к лицу старика кулак размером с пивную кружку.

– Такой годится?

– Э-э...

– Ты, старая грыжа, еще мне поговори! Я специальный агент врачебно-полицейского комитета. Скажи, твой жилец девок домой водит?

– Так точно! Дважды уже приводил, но одну и ту же. Билетная!

– Ты, что ли, у нее билет проверял?

Хозяин захлопал глазами.

– То-то. И не смей мне врать, а то из Москвы вышлем!

– Ой, не губите! Все-все сделаю!

– Пусти, я его вещи погляжу.

Шишка внимательно и умело обыскал комнату жильца, осмотрел карманы его платья, залез и в сундук. Ничего не взял. Потом спросил:

– Кто еще к нему ходит?

– Да никто. Он неделю всего, как поселился. Хотя нет, вру! Был однажды его крестный! Навещал, чай с ним пил. Знаменитая личность!

– Иван Кондратьевич Поляков?

– Он самый.

– Ну ладно. Об моем приходе никому ни слова! Ни жильцу, никому!

– Слушаюсь!

Парамон Кошкин стал служить артельщиком, а по вечерам рассказывал надворному советнику новости. В первый же день он поведал о пропаже кассира Саладилова. О-Бэ-Пэ заявил, что тот уехал в отпуск. Но за обедом в кухмистерской артельщик подслушал разговор двух других кассиров. И Омелюстый вполголоса сообщил Титкину:

– Не зря он сбёг. Не просто так. Решил заранее уйти, а мы тут отдувайся...

Лыков дал команду разыскать исчезнувшего кассира. В Вологду полетела шифрованная телеграмма. Через два дня оттуда пришел ответ, что Саладилов домой не приезжал. И вообще, там его раньше Пасхи не ждут...

Сыщик занервничал. Он собрал начальство МСП и объявил:

– Что-то тут не так. Кассиры в январе в отпуска не уходят. Годовой отчет надо делать, деньги старые на новые обменивать...

– Саладилов, говорят, запил, – сообщил Лебедев.

– Но зачем тогда сказка про отпуск?

– Увидели, что он не работник, дали ему денег и велели убираться с глаз долой.

– Василий Иванович! – расстроился Алексей. – Вы сами бы отпустили такого свидетеля? Да еще в запое!

Рыковский насторожился:

– Вы нам складку^[62] шьете? До ста пёрунов!^[63] Алексей Николаевич, побойтесь бога! И так на отделении два нераскрытых убийства и одно покушение. Какие у вас для этого основания? Нет, я против!

– Куда же тогда по-вашему делся кассир?

– Да мало ли! К любовнице ушел и сидит там сейчас, водку хлещет.

Лыков так и не смог убедить москвичей в своей правоте. Нет тела – нет дела! Даже умный и честный Лебедев отказался начать дознание.

Следом произошел неприятный эпизод. Лыков сидел в кофейне в Рыбном переулке. Неожиданно вбежал Кошкин и попросил буфетчика разменять рубль. Пока тот возился, посетитель уронил на пол бумажный шарик. Взяв мелочь, артельщик удалился; вид у него был взволнованный.

Лыков подобрал и развернул записку. Там было сказано: «Сегодня ОБП увидел в уборной, как я мою руки. Сразу изменил отношение, подозревает. Что делать?» Сыщик схватился за шапку. Вот балбес! Его же учили, нарочно учили простонародным привычкам!

Надворный советник побежал на Биржу. Собрания там производятся ежедневно с четырех до пяти пополудни. До открытия торгов оставался час. Придет ли Поляков? И вдруг у него успеют спросить о странных привычках крестного? Если Алексей запоздает предупредить Ивана Кондратьевича, тот может и опростоволоситься.

По счастью, Поляков уже был на Бирже. Он сидел в курительной комнате и подписывал бумаги, а перед ним в просительной позе стоял какой-то гешефтер. Заметив сыщика, деловик сразу же вышел в коридор.

– Лятур увидел, как Парамоша мыл руки после уборной, – шепотом сообщил Алексей. – Удивился и что-то подозревает.

Поляков кивнул и вернулся за стол. Все ли он понял? Но разбираться в этом было неудобно: кругом сновали люди, многие здоровались с Иваном Кондратьевичем и косились на Лыкова. Тот не стал искать лиха и ушел.

Вечером он, как всегда через черную лестницу, явился к Кошкину. Тот

был возбужден, но весел.

– Ай да крёсненький у меня! – крикнул он шефу.

– Как все прошло?

– Лятур разыскал Полякова на Бирже и спросил: что это за барские манеры у его протеже? А Иван Кондратьевич объяснил: я, мол, сам Парамошу этому научил. Если-де хочешь попасть в услужение в хороший дом, блюди гигиену! И особенно мой руки после отхожих мест. Лучше с мылом!

– Вот умница, – выдохнул Лыков. – А ты? Остолоп! Мы же нарочно касались этого пункта!

– Извините, Алексей Николаевич! Забыл. Трудно за четыре дня переучиться и отказаться от многолетних привычек...

Далее события развивались своим чередом. Новый работник быстро освоил нехитрые обязанности. Он сумел угодить и начальству, и сослуживцам. Парамоша часто заглядывал на первый этаж, то занять щепок для самовара, то просто поболтать со сверстниками. Его интерес был понятен. Ловкач явно не намеревался застревать в артельщиках и потому интересовался чистыми должностями. Служащие охотно делились с обходительным новичком мелкими секретами. Вечером Кошкин рассказывал:

– На первом этаже три кассы. Теперь, как уехал Саладилов, работают только две. Одна для народа, в ней меняют небольшие суммы, и туда всегда очередь. Вторая – для важных клиентов, в ней суммы покрупнее. А самые богатые поднимаются к нам, на второй этаж. Здесь ими занимаются лично Лятур и старший кассир Парфенов. Какие там обороты, мне неведомо.

Или:

– Желтобрюхов сегодня получил выговор от О-Бэ-Пэ. Спустился вниз сердитый и говорит второму директору, Котлубаю: «Он учит меня банковскому делу! Меня – этот клистир!» А Котлубай ему отвечает: «Ах, оставь, пожалуйста! Ты же знаешь, что он сидит тут не для этого!» И оба сразу замолчали.

Лыкова больше всего интересовали, как он выразился, «клиенты второго этажа». Туда ходили люди, имевшие дело лично с Лятуром. Надворный советник предположил, что среди них есть фальшивомонетчики. Причем не те, кого нашел Кречетов, а другие, сторонние. И Лятур замыслил сделать собственный гешефт втайне от хозяина. Взять у них поддельные бумажки и обменять на настоящие, пока идет реформа.

Однако эти встречи проводились без участия артельщика. Он

приносил чай и тут же уходил. Но вот как-то вечером, выгребая мусорную корзину, Кошкин нашел лист бумаги. Там было написано:

«Мих. Троф. $30140 * 0,7 = 21098$
мне 9042
Гусл. $75000 * 0,7 = 52500$
мне 22500
итого 31542 руб.»

Когда он выложил эту находку перед Лыковым, тот думал недолго.

– Вот это интересно!

– Чем? – спросил помощник. – Я ничего в записке не понял.

– Обычно фальшивые деньги меняют на настоящие в половину стоимости. А здесь коэффициент 0,7 – очень высокий! Видать, обмен через банк, под шумок реформы, считается малорискованным, и больше блиноделы^[64] не дают.

– А кто эти Мих Троф и Гусл?

– Я думал, ты мне скажешь, кто они. Гусл скорее всего означает Гуслицы, известное гнездо жуликов. Правда, там всех вроде бы повывели, и уже давно. Лет десять, как в Гуслицах тихо. Но кто-то уцелел... А Михаила Трофимовича надо разыскать!

– Утром приходил старик, крепкий, осанистый. Когда я вносил чай, он сказал: «У нас в Иркутске сейчас холода...» Был с мешком!

– В хранилище его водили?

– Водили.

– Подходящий дедушка! В Сибири всегда фабриковали фальшивки. Там их сбывать трудно, поэтому везут в Европейскую Россию.

На другой день Алексей явился в Малый Гнездниковский переулок, чтобы навести справки о купце из Иркутска. В кабинете начальника что-то происходило. Надворный советник заглянул внутрь и увидел занимательную картину. Два аванажных, богато одетых иностранца громко выговаривали Рыковскому с Лебедевым. А те сидели сконфуженные и прятали глаза.

– Что за скандал? – спросил Лыков у надзирателей.

– Мы их привели для удостоверения личности, – пояснили те. – Прописались в «Дрездене», стали деньгами швыряться. Фамилии уж больно чудные. А была телеграмма из Вильно, что два мошенника выдают себя за итальянцев. И вот... Кажись, ошиблись, и не сносить нам теперь головы!

– А какие фамилии показались вам чудными?

– Ей-ей, ваше высокоблагородие! Первого зовут Солерно ди Колонна, а второго – Хризосколео де Платан! Да за одно это их следовало арестовать!

Петербуржец сощурился и шагнул в кабинет. Там Владислав Рудольфович извинялся перед доставленными, а те важно кивали... Завидев Лыкова, Рыковский смутился и попросил его зайти позже.

Не обращая на это внимания, сыщик подошел к тому из «итальянцев», что поосанистей.

– Здорово, Елисей!

Тот глянул хмуро снизу вверх и отвернулся:

– Я тебя не знать!

– Врешь! – засмеялся надворный советник. – Еще как знать!

Он схватил гостя за воротник шубы и рывком поставил на ноги.

– Алексей Николаевич! – закричали москвичи. – Нам и так перед ними краснеть, а еще вы! Это же итальянские негоцианты!

– Господа, давайте на спор, – повернулся к ним Лыков. – Я умею видеть сквозь одежду. Не верите?

– Перестаньте паясничать, – попытался осадить петербуржца титулярный советник, но тот лишь отмахнулся.

– Нет, я взаправду! Вот с этого начнем. Как его? Ди Колонна? Я утверждаю, что на груди у него родимое пятно. Слева под ключицей, размером с три копейки. Ну-ка...

Алексей распахнул на иностранце шубу, задрал манишку, и все увидели родимое пятно.

– Что это? – нахмурился Рыковский.

– Это, Владислав Рудольфович, называется процедура опознания. Мы только что выявили счастливца^[65] Елисея Ручкина. Последний раз, когда он мне попался, мошенник торговал золотыми приисками.

– Но вот же настоящий итальянский паспорт! И с отметками Виленского управления полиции!

– На растопку сгодится, – отмахнулся Лыков. – В Паневежисе и не такое выделывают! Что, Ручкин, будешь и дальше морду воротить?

– Я протестовать прокурору!

Надворный советник отвесил «итальянцу» такую затрещину, что тот влетел обратно в кресло.

– Не зли меня, дурак!

– Все, ваше высокоблагородие, сдаюсь! – закричал мошенник, закрывая голову руками. – Ручкин я, Ручкин.

– Кто второй? Ну? – занес над ним кулак сыщик.

Елисей бросил быстрый взгляд на партнера и сказал ему:

– Деваться некуда, Ромуальдик. Это Лыков. Надо признаваться.

Второй «негоциант» встал и гордо скрестил руки на груди:

– Я Ощевский-Круглик, потомственный дворянин. И я протестую против такого обращения!

Москвичи были обескуражены. Коллежский советник стал лихорадочно шарить по столу.

– Ощевский-Круглик... Что-то про него присылали из Варшавского сыскного! Где оно? А, нашел! Ба!!!

Лебедев нетерпеливо заглянул начальнику через плечо и прочитал вслух:

– «Мещанин города Кельцы Ромуальд Жидово выдает себя за дворянина Ощевского-Круглика... В Варшаве обернул поддельный вексель на сумму три тысячи рублей... В Лодзи взял задаток за хлопок пятнадцать тысяч рублей и сбежал с неизвестным сообщником». Тьфу! А мы им тут в ноги кланяемся!

– Выдайте лучше премию сыскным надзирателям, что их привели, – усмехнулся Лыков.

Он повернулся к мошенникам и покачал головой:

– Эх, полудурки... Нет бы назвали скромно, чтобы не привлекать внимания. Глядишь, и получилось бы кого обмишурить. А вы? Ди Колонна, де Платан... Амбицию потешить? Вот и потешили!

Когда «итальянцев» увели, надворный советник рассказал москвичам о загадочном купце из Иркутска. Лебедев немедленно организовал его поиски. Надзиратели разошлись по гостиницам и меблированным комнатам. В участки полетели телеграммы. Через сутки выяснилось, что под описание подходит лишь один человек. Киренский золотопромышленник Михаил Трофимович Ребезов приезжал в Москву по делам, но уже отбыл обратно домой.

– Этого мы упустили, – констатировал Алексей. – Теперь он чист. Фальшивые деньги сбросил Лятуру и едет домой с настоящими.

– Телеграфируем в Киренск, пусть там обыщут, – предложил Василий Иванович. – Стоит же где-то печатный станок!

– А вы знаете где? Обычно это заимка в тайге, и одни росوماхи вокруг...

Гуслицы надворный советник решил вообще пока не трогать. Что может сделать МСП? Только сообщить о подозрении богородскому исправнику, а тот уже будет вести дознание. Но мошенническая волость насквозь пронизана гнилью. Староверы белокриницкого согласия давно

купили местное начальство с потрохами. Им тут же станет все известно. Они сообщат своему одноверцу Кречетову, что полиция следит за его банком. И тогда операции конец...

В пятницу события стали ускоряться. Утром к банку подъехал экипаж и привез шесть тяжелых мешков. Оба артельщика и охранник были привлечены к их выгрузке. Мешки подняли на второй этаж и положили в хранилище.

Днем О-Бэ-Пэ уехал на обед, Шишка тоже куда-то делся. И Парамон отправился в Рыбный переулок. Там они с Лыковым уединились в уборной, и артельщик рассказал о мешках.

– На них железнодорожные бирки с надписью «Петербургский вокзал». В тех, что я тащил, точно были банкноты!

– Петербургский вокзал есть в том числе и в Варшаве! – обрадовался Лыков. – Неужели пришла посылка из Мокотова?

– Большая партия, Алексей Николаевич, – лихорадочно блестя глазами, прошептал Кошкин. – Надо брать сегодня ночью! Прямо в банке, с поличным!

– Что, надоело отхожее мыть?

– Я серьезно! – обиделся помощник.

– Ладно, шучу. Ты прав. Пусть запечатают, распишутся, а там их и сцапаем. Возвращайся на службу и не подавай виду! А то у тебя лицо уже красное...

Остаток дня Кошкин дотерпел, как на иголках. В седьмом часу директор-распорядитель покинул банк. Как только этаж опустел, артельщик взялся за осмотр. И тут же обнаружил на столе под очками лист бумаги со знакомыми цифрами. Он принялся было их переписывать, как вдруг с лестницы послышались торопливые шаги. Парень едва успел отскочить. Когда вошел Лятур, артельщик добросовестно вытирал пыль с канделябра.

– Молодец, Парамон, – одобрил Альфред Осипович. – Скажи крестному, что я тобой доволен!

– Благодарствуйте, ваше высочорodie! Я за такое отношение – эх, горы сверну!

Лятур был в возбужденно-радостном настроении. Он схватил со стола очки, сунул в карман листок с цифрами и удалился. Уф... «Демон» сел, ноги его не держали. Чуть не погиб! Интересно, что бы они с ним сделали, если бы застукали? Шишка наверняка сидел в коляске.

Сыщик вынул блокнот и прочитал то, что он успел переписать. Столбик цифр, а внизу итог: чуть больше миллиона. Это партия из Польши,

большая, решающая! После нее, возможно, преступники перестанут менять фальшивки. Надо брать их с поличным.

Артельщик ушел из банка раньше обычного. Он не стал на этот раз мыть уборную. Обойдутся! В камере у них будет параша, пусть привыкают...

Между тем Лятур ехал домой и хмурился все сильнее. Шишка заметил это и спросил:

– Что случилось?

– Да понимаешь... Захожу в кабинет, за очками и расчетом. Парамон пыль вытирает, все как обычно. Ну, я взял, что хотел, и на выход.

– И что?

– Сейчас мне кажется, что очки лежали на расчете, когда я уезжал на обед. А когда вернулся, они уже были сбоку.

– Это точно?

Лятур подумал и уверенно заявил:

– Да. Вспомнил. Я встал, снял очки и положил их на бумагу с цифрами. И уехал. Стало быть...

– Стало быть, Парамоша решил цифры переписать, очки ему мешали, и он их сдвинул. Тут ты вошел, и он не успел вернуть вещь на место.

– Так и было! – вскричал банкир. – То-то он канделябр наяривал... И вид напуганный. Шишка! Ты понимаешь, что это значит?

– А то! – ответил верзила. – Надо ноги делать. Сейчас же. Концы обрубить, и дёру.

– А деньги? Там же миллион!

– Ты что, ополоумел? – возмутился Бардыгин. – Забудь про него! Только явишься в банк, там тебя и схватят. За ним наверняка следят. И за нами сейчас тоже.

Лятур затравленно высунулся в окно.

– Альфред, не дури, – строго сказал ему напарник. – Голову не теряй, иначе оба пропадем.

– Что же делать-то?

– Вести себя умно. Сейчас в переулке соскочим, а карету пошлем в Звенигород. Пусть думают, что мы едем туда с ночевкой, проверять тамошнее отделение.

– Надо Ивана Пименовича предупредить, – спохватился Лятур. – Телеграмму отбить, срочно!

– Где он сейчас? В Варшаве?

– Да, в гостинице «Европейская». Пусть скроется в Англии!

Какое-то время они ехали молча. Потом банкир вскричал:

– Но Поляков-то, Поляков! Вот скотина! Подсунул мне «крестничка»! Как думаешь, он из местного сыскного или из Петербурга?

– Какая разница? Надо Парамосе голову на рукомошник положить, он свидетель. Но сначала старший кассир!

Лятур посмотрел на Шишку:

– И его тоже?

– Его в первую очередь. Все знает!

– Так мы уже влипли! Что теперь даст это убийство? Только мокрое дело себе навесим!

– Не навесим. Уберем, как в тот раз. Нужны морфий, спринцовка, атропин. Думай, где их взять! А оставлять в живых нельзя. Парфенов – главный свидетель всему. Ежели он помрет, то на него можно все валить. На тот случай, если попадемся. Но лучше не попадаться! Скажешь, что доверился старшему кассиру, скреплял его подпись не глядя... А живой он тебя первым утопит!

– Но миллион, Никифор, понимаешь?! Миллион теряем!!!

– Зато не в каторгу! У нас сколько отложено?

– Мало! Двухсот тысяч нет! Плюс металлические квитанции^[66] на десять фунтов золота.

– Забудь про них! Квитанции именные, полиция их арестует.

– Черт! Черт! – в истерике стукнул кулаком по стенке Лятур. – И золота мы лишились!

– На первое время денег хватит, а там новое дело придумаем, – хладнокровно сказал Бардыгин. – Главное – свобода! Учти, Альфред, на нас грехов теперь до черта. Попадаться нельзя. Уберем Парфенова, вот и нет главного свидетеля. А если и «крестника» туда же, то никто ничего не докажет. Поищут да и перестанут.

Коляска двигалась уже в полной темноте. Шишка на ходу перебрался на козлы, пошептался с кучером и вернулся.

– Приготовься! Сейчас будет поворот с Кудринской на Большую Пресненскую. Фонарей там мало. Кучер встанет на три секунды. Чтобы успел!

На изгибе улицы коляска чуть задержалась. Две фигуры выскользнули и растаяли в ночи.

Через час отряд сыскной полиции вошел в Московский промышленно-купеческий банк. Возглавлял его титулярный советник Лебедев. Лыков, одетый в партикулярное платье, руководил операцией негласно.

Сторож и охранник беспрекословно отперли двери. Однако ключей от хранилища у них не было. Но фальшивки находились именно там! Алексей

послал двух агентов за старшим кассиром, а сам сел ждать в кабинете Лятура. Настроение у него было неважное. Что-то случилось... Но что? Лятур с Шишкой едут в Звенигород, за ними приглядывают. Валевачев в безопасности, сидит на квартире. Сейчас привезут Парфенова, вскрыют хранилище, и дело в шляпе! Однако на душе было мутно.

Вдруг снизу затопали ноги, и вбежал запыхавшийся агент.

– Ваше высокоблагородие! Парфенов мертвый!

Еще через полчаса Лыков наклонился над телом старшего кассира. Он тщательно рассмотрел его, особое внимание уделив глазам. Зачем-то лизнул лацкан домашней бобриковой куртки и удовлетворенно кивнул. Рядом стоял полицейский врач и с иронией наблюдал за сыщиком.

– Каково ваше заключение, доктор?

– Все ясно. Апоплексический удар, классическая картина!

– И вскрытия делать не будете?

– А зачем? Я же говорю: все ясно и так.

– А почему у покойного зрачки разной величины? Вы заметили это?

Доктор, пожилой и важный, лишь усмехнулся:

– Молодой человек, вы учить меня, что ли, собрались? Я сорок лет занимаюсь криминальной медициной!

– Так что насчет зрачков?

– Это называется анизокория. Бывает именно при ударе. Видимо, покойный страдал глаукомой, вот зрачки и расширились по-разному.

– Да. Или в них закапали атропин.

– Зачем? – удивился эскулап.

– Затем, чтобы скрыть убийство.

– Так его убили, по-вашему? Ну... нет слов, – развел руками доктор. – Мальчишество какое-то! С моим опытом... что вы, простой сыщик, не доктор, в этом понимаете?

Лыков вздохнул и стал терпеливо объяснять:

– Посмотрите внимательно. Виски и ресницы мокрые, воротник тоже...

– Ну, он не сразу умер. Лежал и плакал от боли и бессилия.

– А почему тогда вкус у воротника не соленый, а горький?

Доктор осекся.

– И соль в уголках глаз осталась. Нет, это атропин, а не слезы.

Доктор внимательно осмотрел лицо покойного, затем лизнул воротник его куртки, как ранее сделал это Лыков.

– Боже мой!

– Убедились?

– Но... как же его убили?
– Уколом морфия. Надо осмотреть тело, должен остаться след от спринцевания.

– Морфием?

– Да. Вы же доктор и знаете это лучше меня. При передозировке опиатами все признаки как от смерти при ударе. Кроме одного.

– Да. Суженные зрачки, – кивнул доктор.

– Именно. Чтобы устранить эту улику, убийцы закапали несчастному кассиру в глаза атропин. Но делали это второпях и, видимо, без пипетки. Лили прямо из пузырька. Поэтому плеснули лишнего и не поровну в каждый глаз. Оттого зрачки расширились, но по-разному.

Доктор смотрел на сыщика, как ребенок глядит на сказочника. Потом он очнулся:

– Я возьму соскоб на анализ.

– Никаких соскобов! В уголке левого глаза остался атропин.

– Как же я его извлеку?

Лыков опять вздохнул:

– Спиртом, подкисленным винной или щавелевой кислотой. И воротник туда макните.

Эскулап вынул книжку и стал записывать.

– Когда добудете состав, экстрагируйте его органическим растворителем, – продолжил надворный советник. – Например, хлороформом. Растворитель испарится, и останутся аморфные осадки. Исследуйте их или общеалколоидными реактивами, или реакцией Витали-Морена. Но это сложнее...

Доктор продолжал писать.

– В самом конце проведите микрокристаллическую реакцию с солью Рейнеке и бромной водой. И тогда убедитесь, что имели дело именно с атропином.

Эскулап хотел что-то спросить или, может быть, извиниться за свой тон. Но Лыков не стал его слушать.

– Прошу прощения, мне надо бежать. Мой помощник в опасности!

Он послал в банк с агентами ключи от хранилища, а сам помчался в Тетеринский переулок. Сердце учащенно стучало. Вот отчего сыщику было беспокойно! Шишка с Лятуром не едут в Звенигород. Они незаметно соскочили и теперь прячут следы. Парфенов убит, и следующий на очереди – Юрий Валевачев...

Алексей бесшумно поднялся по черной лестнице, отпер ключом дверь и проскользнул на кухню. Там горел настенник^[67], скупо освещающая

пространство вокруг. Тишина... Квартира Щуря насчитывала четыре комнаты, из которых Кошкин занимал крайнюю. Вход в нее был из кухни и из длинного коридора. Сыщик прислушался. В гостиной бубнил хозяин, он кому-то выговаривал. Надворный советник был готов ко всему. А более всего боялся увидеть тело помощника с ножом в груди. Но внутри вроде пусто... Сыщик стоял в коридоре и не шевелился. И вскоре понял, что он не один! В комнате Кошкина кто-то прятался.

Лыков мог простоять без движения целый час. Этому его научили пластуны на войне. Противник не обладал такими навыками. Крупный тяжелый человек переминался с ноги на ногу и чуть слышно дышал. Не иначе, Шишка! Явился по Юрину душу и теперь поджидает жертву. Но где же сам коллежский секретарь? Ему велено было сидеть дома, а он в бегах... Тут Алексей себя одернул. Если бы Юрий выполнил инструкции и торчал на квартире, сейчас он был бы уже мертв. Ура нарушителю приказов!

Но что дальше? Не ждать же, когда Щурь заметит гостей. Надо напасть сейчас. Лыков начал бесшумно подвигаться. Но тут в замке парадной двери повернулся ключ, по коридору быстро прошел Валевачев. Он не видел начальника и принял за него фигуру в своей комнате.

– Алексей Николаевич, беда! Я сдвинул очки в кабинете О-Бэ-Пэ. И он мог это заметить! Я... Ой!!!

– Вот тебе и «ой», собака, – с тихой ненавистью сказал Шишка. – Кого обмануть хотел? Меня?

– Никифор Прович, как вы здесь оказались? – пытался играть Юрий, но голос у него дрогнул.

– Скажи, кому служишь, и я отпущу тебя, не стану убивать.

– Я вам служу... Вы же знаете!

– Последний раз спрашиваю, сыскарь: кто нас пасет? Московские или питерские?

– Никифор Прович, за ради бога, объясните! Я вас не понимаю!

– Ну, лешман, сам себя приговорил.

Лыков услышал шум в комнате и ворвался туда. Бардыгин душил его помощника.

– Эй, махонький! – окликнул убийцу Алексей. – Чего ты с ребенком мараешься? Побеседуй лучше со мной.

– Так вас двое? – развернулся Шишка. – Ну ладно! Держись, фараоны!

Мигом поняв, что Лыков опаснее, он отбросил парня и попер на него. Огромный и злой, Никифор напоминал разъяренного буйвола. Он мгновенно сблизился с Лыковым и схватил его за горло.

Однако дело у силача сразу не пошло. Алексей напряг мускулы шеи, и

пальцы преступника разъехались... Бардыгин остолбенел. Попытался еще раз – и опять не получилось. Словно бы он хотел раздавить чугунную трубу... Лыков тем временем положил убийце на загривок правую руку и нажал. Тот зашатался.

– Что, мало? На-ка еще!

Рослый детина рухнул на колени, так что в горке звякнула посуда.

– Знаешь, – задумчиво, вполголоса сказал Лыков, – у меня с такими, как ты, разговор короткий. Был шишка – стал ямка. Вот сейчас приложу тебе в левый висок, а из правого мозги вылетят... И ничего мне за это не будет. Потому – не впервой. Начальство мою манеру знает и в душе одобряет. Меньше мусора остается, людям легче.

Он приставил кулак к голове убийцы и сделал вид, что сейчас ударит. Бардыгин зажмурился.

– Говори, собака, коли жить не надоело!

– Что говорить-то?

– Ты Парфенова убил?

Шишка молчал. Лыков влепил так, что голова у фартового чуть не отлетела... Поднял упавшее тело, поставил перед собой на колени. Детина был без сознания, приходилось его удерживать.

– Юра, плесни воды!

Подбежал Валевачев с кувшином, вылил его на голову Шишке. Тот открыл глаза.

— Смотри на меня, крыса, — встряхнул его за ворот сыщик. — Ты ведь пришел сюда казнить моего помощника? Да я за него на части тебя разорву! Он мне как сын. И ты... ты, мразь, явился по его душу?

Лыков не играл и не шутил, он действительно был в гневе. Ведь если бы не везение, Юрий лежал бы уже замертво! Шишка понял, что его сейчас взаправду убьют.

— Все скажу, только пощадите!

— Кто кончил старшего кассира?

— Мы с Лятуром.

— Ты держал за руки, а он сделал укол морфия?

— Да.

– А потом закапал ему в глаза атропин?
– Вы будто рядом стояли, ваше высокоблагородие...
– Пипетку забыли купить и лили прямо из пузырька?
– Так точно...
– Дальше! Где Лятур?
– На постоялом дворе в Давыдовской улице. Это напротив Измайловской земской больницы. Меня ждет.
– Куда делся кассир Саладилов?
Шишка замялся:
– Сбежал спьяну... Сами его ищем.
Лыков ударил второй раз. Теперь убийцу пришлось долго приводить в чувство. Когда он вернулся в сознание, Лыков сказал:
– Большой, да с дурью. А Юрий говорил, что умный. Еще одна такая затрещина, и ты калека. Голова не ноги, это материя тонкая. Вместо каторги сдохнешь на больничной койке. Зачем тебе такая смерть? А жаловаться на меня потом бесполезно. Я скажу: да, помял. Потому что ты оказывал сопротивление. У меня вон и свидетель есть. Правда, Юра? Оказывал?
– Еще как! Меня вообще чуть не удушил!
– Говори, покуда здоровье осталось! Ну? Что со старшим кассиром?
– Саладилова я убил. Тело бросил в полынью в пруду, что на Жабенском лугу.
– Это в Петровском-Разумовском?
– Точно так.
– Как умер старший Кречетов, Сергей Пименович? Тоже морфием погубили?
– Это без меня было, – торопливо ответил Шишка. – Лятур сам все сделал.
– Что все?
– Ваше высокоблагородие! – чуть не плача, вскричал фартовый. – Надо у Альфреда спрашивать! Не было меня там, честное слово!
– Кречетов знает про фальшивки?
– Конечно, знает. Он и ездит расплачиваться за них.
– Где именно в исправительном институте стоит станок?
– Все-то вам известно...
– Где, спрашиваю?!
– В подвале вещевого склада.
– Гравер – Подольщиц?
– Точно так.
– Кто из администрации всем заправляет?

- Директор Чарночепка и его помощник Кулябко-Корецкий.
- Последний вопрос: где сейчас Кречетов?
- Не знаю, надо спрашивать Лятура. Я человек маленький, исполняю, что прикажут.
- Ну, живи покуда...

Операция по аресту шайки фальшивомонетчиков перешла в завершающую фазу. В Московском промышленно-купеческом банке обнаружили поддельных билетов на миллион рублей. Лятур стал главным обвиняемым. На первом допросе с перепугу он дал показания на Кречетова, но потом отказался от них. Точно так же поступил и Бардыгин. Он признался в двух убийствах, но коммерции советника от всего отмазал. Тот успел выехать в Лондон и жил там до осени. Вопрос о странной смерти его старшего брата так и не был поднят в суде.

Лятур, Бардыгин и фальшивомонетки из Мокотова отправились на каторжные работы. Сроки им выписали большие. Кассиры Титкин и Омелюстый сели на три года в исправительную тюрьму. В Иркутске прошел еще один суд, над золотопромышленником Ребезовым. Лятур охотно выдал его властям.

В сентябре Кречетов, как ни в чем не бывало, вернулся в Москву. За месяц до этого начальник МСП Рыковский был выкинут в отставку «согласно прошения». Спустя много лет, когда Лыков и Лебедев служили вместе в Департаменте полиции, Алексей спросил у приятеля, почему Владислав Рудольфович это сделал. Тот неохотно пояснил: по приказу обер-полицмейстера. Иначе Трепов^[68] грозил выгнать коллежского советника по третьему пункту. Причину найти – пара пустяков! Видимо, Кречетов решил обезопасить себя от сыскной полиции и оплатил устранение опасного свидетеля...

В октябре того же года Горемыкин был неожиданно уволен от должности министра внутренних дел и назначен в Государственный Совет. Дело Кречетова было окончательно предано забвению.

Но в январе сыщики всего этого не могли предвидеть. Лыков и Велевачев уезжали домой победителями. Перед отъездом они пришли в гости к Полякову, поблагодарить за содействие. Юрий был очень эффектен в вицмундире с петлицами коллежского секретаря. И без помады в волосах...

– Позвольте заново представиться, Настасья Ивановна, – сказал он, подходя к ручке барышни. – Юрий Ильич Велевачев, чиновник особых поручений Департамента полиции. Исполнял секретное поручение

министра внутренних дел, для чего и вырядился Парамошей. Прошу меня за это простить – служба!

Барышня была сражена. Лыков, видя успех помощника, поддержал его тяжелой артиллерией:

– Господин Валевачев из потомственных дворян. Трудно ему было чаи разносить! А когда злодеи заподозрили неладное, то Юрия Ильича едва не убили. Министр ходатайствовал о его награждении.

В итоге на Масленой неделе оформили помолвку, и в мае сыграли свадьбу... Полякову оказалось лестно породниться с хорошей дворянской фамилией. А молодые просто влюбились друг в друга.

Еще перед отъездом Алексей сводил помощника в хороший трактир. Москва менялась. После воцарения в ней великого князя Сергея Александровича она стала утрачивать свою привлекательную патриархальность. Скоро тут и поесть будет негде! Полицейские отведали знаменитых блюд. Лыков истребил шею из говядины с горошком англез, потребовал кофею. А потом обратился к Валевачеву:

– Вот ты и побыл «демоном». Посмотрел смерти в глаза. Что, не самые хорошие воспоминания?

Юрий поежился:

– До сих пор страшно! Если бы не вы...

– У тебя же имелся револьвер!

– Я не успел его вынуть.

– Кричал бы! Там Щурь был в квартире. А он всегда при оружии.

– Шишка так быстро все проделал! Сдавил горло, я и пикнуть не мог. В глазах потемнело. Думал – конец...

– Эх, Юра, Юра... Ладно. Живой, и задание выполнил. Все хорошо. Только на будущее учти, что надо быть проворнее.

– Алексей Николаевич! Таким, как вы, я же никогда не стану! Вы силача Шишку одной рукой к земле пригнули. И это...

Валевачев посмотрел учителю прямо в глаза:

– Спасибо вам!

История про фальшивые деньги начиналась с двух министров, на них же и закончилась.

Сначала Лыкова и Валевачева вызвали к Витте. Тот принял их на скорую руку. Сергей Юльевич хорошо знал Лыкова по Нижнему Новгороду. Там в 1896 году проходила XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка. Витте был одним из главных ее организаторов. А надворный советник в качестве представителя Департамента полиции

вместе с нижегородцами обеспечивал безопасность. С тех пор сановник держал сыщика в поле зрения и негласно помогал ему.

Встреча получилась короткой. В потертом вицполукафтани, с застрявшей в бороде капустой, министр финансов был лаконичен. Он отослал полицейских на экскурсию в Экспедицию заготовления государственных бумаг. Те приехали на Фонтанку и долго бродили по огромной фабрике. Им показали, как делают бумагу для банковских билетов и как потом по ней печатают деньги. Было интересно. Гигантские машины, из которых вылетают полосы неразрезанных банкнот! Суммарная сила станков – три тысячи паровых лошадей! Однако чиновники Экспедиции поразили своей наивностью. Подделать новые купюры, заявили они, невозможно. Печать в три краски орловским способом – изобретение русского инженера Орлова – есть высшее достижение. А новая металлография! На преступном промысле можно ставить крест. Лыков только посмеялся^[69].

С Фонтанки сыщики вернулись в кабинет Витте. Тот был в парадном мундире, капуста из бороды исчезла. Министр финансов показал свежую резолюцию государя на своем докладе. Витте излагал историю ликвидации шайки фальшивомонетчиков. Под шумок денежной реформы те пытались сбыть поддельных банкнотов более чем на миллион рублей. Но чиновники Департамента полиции Лыков и Велевачев пресекли аферу. Напротив этого абзаца государь изволил начертать: «Наградить обоих». Как и полагалось, августейшая мета была покрыта специальным лаком.

– Я уже телефонировал Горемыкину, – сказал действительный тайный советник. – Удостоиться именной резолюции Его Величества! Поздравляю! В первый раз такое?

– У Юрия Ильича впервые, – подтвердил Лыков.

– А у вас?

– Именной указ, именное повеление и четыре монарших удовлетворения. Но все равно приятно!

Витте пытливо взглянул на сыщика и сказал:

– Те, прежние, были от покойного государя?

– Да.

– Этот другой. У него не допросишься... Поверьте мне, Алексей Николаевич, я хорошо знаю обоих. Цените редкую теперь честь!

В результате Велевачев «не в очередь» получил чин титулярного советника, а на Пасху еще и Станиславский крест третьей степени. Такого даже у Лыкова не было! Он смеялся и просил дать поносить... Сам Алексей был произведен в коллежские советники.

На ту же Пасху управляющий Государственным банком Плеске получил долгожданную Аннинскую ленту. Видимо, за компанию с сыщиками...

В мае суд в Москве завершился обвинительным приговором. Но Лятур написал прошение на имя министра внутренних дел. В нем он просил отправить его для отбывания наказания в места с теплым климатом. Ссылаясь на многочисленные хвори... Горемыкин вызвал к себе Зволянского, а тот, узнав причину, взял с собой Лыкова.

Алексей подробно рассказал о проделках афериста, докатившегося до убийств. На совести эскулапа жизни двух кассиров и, хоть это и не доказано, смерть старшего Кречетова. Только везение помогло уцелеть чиновнику Департамента полиции Валевачеву. Тот нарушил приказ начальства сидеть дома. Когда понял, что может быть раскрыт, «демон» не пошел к себе, а бродил по людным местам. И лишь когда окончательно продрог, явился на квартиру, где его уже поджидали...

Горемыкин выслушал рассказ сыщика, взял перо и написал на прошении Лятура три буквы: О.Б. П.

Варешкин

Дождливый утром 27 октября 1906 года кассир Товарищества Норской мануфактуры Пашков пришел в Северный банк. Требовалось положить вышедшие по сроку купоны на текущий счет. Банк считался русским, а на самом деле был «дочкой» знаменитого французского «Сосьете женераль». Поэтому в нем охотно обслуживались петербургские клиенты – так казалось надежнее. Солидное здание на Невском проспекте, 62, олицетворяло собой эту нерусскую надежность.

Кассир взялся за ручку двери, но открыть ее не успел. От ворот к нему побежал человек, по виду рабочий. Приставил к голове револьвер и выстрелил. Пашкова отбросило на ступени крыльца. Убийца схватил портфель с купонами, вскочил в ожидавший его экипаж и тут же скрылся из виду. Лишь после этого на улицу осмелился выйти охранник банка. Кровь из простреленной навывлет головы кассира быстро заливала мостовую...

Коллежский советник Лыков прибыл на место происшествия по просьбе начальства. Именно по просьбе. Дознанием занималась Петербургская сыскная полиция, и в помощи департамента она не нуждалась. Рядовое происшествие... Но у вице-директора Зуева в Северном банке служил брат, и Нил Петрович захотел узнать подробности нападения. Не было ли там какой угрозы родственнику?

Сыскари градоначальства знали Лыкова давно и относились к нему по-дружески. Поэтому он все разузнал и даже поехал на Офицерскую, 28. У Алексея Николаевича было дело к начальнику ПСП Филиппову. Однако он не успел войти в хорошо знакомое ему здание Казанской части. Со стороны Екатерининского канала вдруг раздался сильный взрыв. И следом началась пальба.

Лыков и несколько приехавших с ним агентов бросились к каналу. От Львиного мостика в них полетели пули. Агенты ответили, и стрелявшие рассеялись. Коллежский советник был без оружия и держался позади. Когда он выбежал на набережную, то увидел дикую картину.

На углу Екатерининского канала и Фонарного переуллка стояла коляска, рядом лежала мертвая лошадь. Весь тротуар был засыпан битым стеклом. Несколько верховых стражников крутились, пытаясь успокоить своих коней. Вдруг со второго этажа в них бросили еще одну бомбу. Ба-бах! Все заволочло дымом. Лошади понесли в испуге, и стража разлетелась кто куда.

С десяток молодых людей сновали вокруг коляски. Высокий человек в белой шапке командовал ими. Вот подъехал экипаж с пассажиркой в элегантной вуали. В него погрузили два мешка, и лихач тут же умчался в сторону Казанской улицы. Нападавшие, отстреливаясь, бросились врассыпную.

Лыков не верил своим глазам. Среда бела дня (была половина двенадцатого) в центре столицы разгорелся настоящий бой. Тут и там свистели пули, люди бежали, падали, кричали раненые... Грохнул еще один взрыв. Коллежский советник долетел до угла Фонарного и помчался по нему к Мойке. Впереди чесал дворник в чуйке и хотел догнать студента. Тот отстреливался на ходу. Делать это ему мешал большой сверток с печатями. Так это экспроприатор убегает с денежным пакетом, догадался сыщик. Он еще поднажал. Вдруг, уже на углу Максимилиановского переулка, у «студента» выпал из кармана черный предмет.

— Ложись! — крикнул сыщик, но не успел воспользоваться собственным советом... Раздался взрыв. Лыкова сильно ударило в грудь, он упал и потерял сознание. Когда очнулся и поднялся, «студент» лежал в луже крови. Рядом уткнулся головой в тумбу чуйка. Какая-то просто одетая женщина сидела на земле и выла, а по лицу ее стекали алые полосы.

Лыков хотел ей помочь, но выстрелы вдруг раздались у него за спиной. Обернувшись, он увидел потасовку на Офицерской улице. Напротив ресторана Кина смешалась куча мала. Два дворника бились сразу с четырьмя террористами и одерживали верх. От их кулаков те повалились на мостовую. Но тут появился пятый боевик и расстрелял обоих храбрецов из револьвера.

На ватных ногах, плохо соображая от контузии, сыщик кинулся обратно. Боевики поднимались с земли, потирая бока. Тут на них налетели два солдата с винтовками, в форме лейб-гвардии Стрелкового полка. А со стороны Прачечного переулка подбежали офицер-нейшлотец^[70] и третий дворник. Завязалась рукопашная схватка. Один стрелок штыком распорол террористу щеку. Тот отшатнулся и поднял наган, но сильный удар приклада припечатал его. Другого нападавшего повалил офицер. Третий боевик хладнокровно, в упор поразил прибежавшего дворника. Развернулся к солдатам, но выстрелить в них не успел. Лыков сзади схватил его за плечи и крепко сжал. Детина пробовал вырваться. Тогда коллежский советник поднял его на воздух и приложил о брусчатку.

На секунду стало тихо. Выбившийся из сил сыщик понял, что больше он никуда не побежит... Пятьдесят лет почти! У них остался один убитый террорист и двое пленных. Еще двое быстро улепетывали в сторону

Вознесенского проспекта. Уйдут ведь, сволочи! Вдруг путь им преградил городской. Злодеи начали стрелять. Служивый ловко увернулся и сбил ответным огнем первого. Но патроны в барабане кончились, а второй продолжал наступать.

– Шашкой его... – прохрипел Лыков, тяжело дыша от усталости. Словно услышав, городской выхватил шашку и несколькими ударами расправился с боевиком.

– Вот молодец! Надо номер бляхи записать...

Коллежский советник огляделся. Вокруг толпились люди. Валялись стреляные гильзы, осколки стекла, чьи-то калоши. Стены домов рябили выбоинами от пуль. То тут, то там на мостовой темнели пятна крови. Слышались стоны раненых и испуганные женские крики. Ржали лошади и пахло порохом. Будто война пришла в столицу...

Лыков сам доставил в Казанскую часть схваченного им террориста. Там их уже скопилось несколько человек. В числе арестованных оказался и главарь в белой шапке. Особняком лежал «студент», подорвавшийся на собственной бомбе. Он был в сознании и скрипел зубами от боли. Трое негодяев были убиты при сопротивлении, четвертый застрелился сам. По словам очевидцев, спастись удалось лишь паре боевиков. И скрылась пролетка с женщиной-сообщницей и захваченными деньгами.

Вскоре из дома номер 85/7 по набережной, откуда бросили бомбу, привели еще двух террористов. Они прятались в прачечной, но их отыскивали. Очевидцы повсюду бегали за преступниками, указывали их полиции и солдатам, а часто и сами пытались арестовать. Несколько человек при этом были ранены, некоторые – тяжело.

Пристав рассказал Алексею Николаевичу, что нападение организовали эсеры-максималисты. Они экспроприировали карету, перевозившую таможенные суммы из Санкт-Петербургской таможни в Государственный банк. Оказалось также, что Охранное отделение знало о готовящемся нападении. Весь район был наводнен филерами и агентами. Но террористы не были известны охранникам в лицо, и те не смогли предотвратить «экс». Он состоялся, два мешка денег похищены, куча народу переранена. Многие нападавшие схвачены, но это дело рук героических дворников, городских, шедших мимо солдат и просто случайных прохожих. А филеры никого не подстрелили и не сцапали. Чему их там учат?

Лишь после обеда Лыков вернулся в департамент и рассказал Зуеву подробности происшествия. Кровавый «экс» в Фонарном переулке затмил убийство скромного кассира на Невском. Столица была взбудоражена – такого в ней еще не случалось. Текущие дела не шли на ум, голова у

коллежского советника болела, и он отправился к доктору. Собственное поведение неприятно удивило сыщика. Давно он уже так глупо не гонялся за злоумышленниками... Разучился, старый пень! Кое-как одного прихватил, а пробежал чуть не полгорода. И оружие пора носить с собой постоянно, время такое!

Доктор осмотрел пациента, выписал бромные капли и свинцовые примочки. А еще советовал полежать... Со ссадинами на лице и в порванной на спине шинели Лыков отправился домой.

Хорошо, что там его никто не ждал. Сыщик не напугал близких – пугать было некого. Варенька умерла четыре года назад. Бог пожалел ее и забрал по-доброму. Уснула и не проснулась... Остановилось сердце. Осматривавшие ее врачи заявили, что оно и к лучшему. У Варвары Александровны обнаружился рак груди, в той стадии, когда делать операцию уже поздно. Она скрывала это от мужа и занималась самолечением. Лишь теперь Лыков понял, почему находил иногда в спальне капустные листья.

Ночь, когда он проснулся оттого, что плечо жены холодное, стала самой страшной в его жизни.

Сыновья в это время уже заканчивали Первый кадетский корпус и готовились к переходу в Павловское пехотное училище. Дочь посещала Мариинскую женскую гимназию. Дети сплотились вокруг отца и помогли ему смириться с потерей... Потом они разъехались. Павел и Николай теперь поручики Первого Туркестанского стрелкового батальона. Служат в Ташкенте, собираются поступать в Академию Генерального штаба. Александра же влюбилась в очень порядочного француза, вышла за него замуж и живет в Париже. Даже до двадцати одного года не дотерпела, в восемнадцать выскочила! Эжен нравился тестю: скромный, умный, деятельный. Ученый-математик, скоро станет профессором в Сорбонне. Так, глядишь, и до внуков удастся дожить...

Лыков наложил сам себе примочки, лег на диван и стал вспоминать детей. Это всегда ему помогало... Год назад сыновья достигли совершеннолетия и вступили в права наследования заповедным именем. Тем самым, которое долго мешало их отцу сделать предложение их матери. Заповедное имя передается только по мужской линии. Братья Лыковы-Нефедьевы владели им в равных долях. Чтобы не обидеть Принцессу Шурочку, родители с самого ее рождения копили на особом счету деньги для приданого. К 1905 году там было уже двести восемьдесят тысяч. Так что в Париж молодая жена поехала не с пустыми руками. На семейном совете братья постановили, что из доходов Нефедьевки ей полагается

треть. Так, будто она тоже совладелица дачи. Еще десять тысяч ежегодного содержания присудили отцу, несмотря на его крики. Теперь молодежь получала в год около двадцати тысяч рублей каждый и была довольна. Математик сначала протестовал, не хотел существовать на женины деньги, но потом смирился. Управляющий Титус постоянно поднимал доходность имения. С такими капиталами братья Лыковы-Нефедьевы могли бы служить в столице, в гвардии. Но выбрали вакансии в Туркестане.

Алексей Николаевич сменил местожительство. Квартира на Моховой была для большой семьи. Для большой счастливой семьи... Одиному человеку там делать нечего. Он переехал в скромное жилище на Стременной улице. При Лыкове осталась их старая семейная кухарка Нина Никитична. Теперь она вела все несложное холостяцкое хозяйство.

Жениться вторично сыщик не собирался. Его не покидало чувство вины. Варвара потому так рано ушла из жизни, что постоянно боялась за супруга. Из-за его опасной службы, без которой тот не мог. И сердце устало переживать. Мучить так же еще одного человека было бы бессовестно.

Под мысли о детях коллежский советник заснул. Проснулся он рано, в пять часов утра. За окном снова шел дождь. Голова уже не болела. А неплохо я вчера поднял на воздух семипудового паренька, подумал о себе Лыков. Слово перышко! То-то он опешил... Нет, порох еще остался, нечего себя старить. В итоге он вышел из дому без брюзжаний, повеселевший.

Правда, сразу выйти не удалось. Его шинель пострадала от взрыва и разошлась, когда сыщик проехался на спине. Можно было бы надеть статское пальто, Лыков так раньше и делал. Его служба не терпела публичности, и чиновник особых поручений редко надевал мундир. Но за последние два года все переменилось. На улицах стали убивать людей в форме только из-за нее. Счет жертвам шел на тысячи, и полицейские начали сдавать. Все больше их являлось на службу в партикулярном платье и уже там переодевались. Даже приставы ходили по участку без мундиров! Среди чинов министерства внутренних дел началось печальное поветрие. Каждый старался скрыть свою принадлежность к карательному ведомству. Многие не выдерживали ежеминутного страха и увольнялись. Раньше в наружную полицию было не попасть, желающие ждали очереди месяцами. Теперь же образовалось множество вакансий. Люди были запуганы и хотели выжить.

Алексей Николаевич не осуждал их. Легко, когда тебя никто не ждет и дети далеко. А как смотреть им в глаза, если они здесь, при тебе? Маленькие, а уже все понимают. Каждый день газеты приносят новые

жуткие известия. Государство кажется бессильным, а террористы всемогущими. И погубить себя? Бросить своих чад один на один с судьбой? За копеечное жалование, за безвольного царя?

Лыков вспомнил цифры из доклада, который он составлял для Столыпина. С октября 1905-го по сентябрь 1906 года было убито и ранено 3611 государственных чиновников и военных. Счет жертв среди частных лиц тоже шел на тысячи. Больше всего потерь понесло МВД. За год погибло 8 генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников. 21 полицмейстер и исправник пали на посту. Расстреляно и взорвано 79 приставов и их помощников, 125 околоточных, 346 городских, 57 урядников, 257 стражников, 55 жандармских нижних чинов и 18 агентов охранных отделений.

Многих из них Лыков знал лично. От великого князя Сергея Александровича до Плеве и начальника МСП Войлошникова. Защиты не было никому. В сентябре прошлого года зарезали Леонида Шереметевского. Любимец Путилина, лучший сыщик градоначальства, он еще в 1899 году вышел на пенсию и мирно заведовал метеостанцией в Гаграх. Нет, нашли и убили! А два месяца назад взорвали дачу министра внутренних дел на Аптекарском острове. Взрыв небывалой силы убил на месте 27 человек, еще семеро умерли потом в госпиталях. Были ранены трехлетний сын и двенадцатилетняя дочь Столыпина. Лыков часто думал: хорошо, что моя Варенька не дожидается этого ужаса...

Зимой получил свою пулю и Федор Кундрюцков. Шел домой со службы, и ему подло выстрелили в спину. Когда он вылез, Лыков посоветовал уходить из наружной полиции. Пять детей и трое внуков умоляли о том же. Сейчас Федор живет в Нефедьевке, командует лесными объездчиками. Пьет молоко и постепенно восстанавливает силы в окружении малышни, которая проводит на Ветлуге все лето... В столицу Кундрюцков возвращаться не хочет.

Так что последний год Алексей Николаевич ходил на службу в форме и со старшими орденами. Помирать, так во всей красе! Если сейчас явиться в штатском, скажут: «экс» в Фонарном переулке сломал даже Лыкова. Поэтому Нина Никитична все утро чинила шинель. Хорошо, что сыщик проснулся рано и потому не опоздал.

Путь в департамент лежал сначала через Невский. Перед Аничковым мостом следовало повернуть направо, и тогда открывался красивый вид на Фонтанку. Сыщик любил эту картину и всегда любовался ею. Изгиб затянутой в гранит реки, Шереметевский дворец с чудесной решеткой, Михайловский замок и Летний сад вдалеке. В этом саду они в хорошие

годы гуляли всем семейством... Коллежский советник при этих воспоминаниях чуть было не разнюнился. Но не успел. Напротив Екатерининского института его грубо окрикнули:

– Эй, царский сатрап!

– Это вы мне? – не поверил своим ушам Лыков.

Два рослых парня с наглыми лицами разглядывали его и ухмылялись. Где только их так раскармливают?

– Тебе, фараон, кому ж еще! – осклабился левый, со щербиной в зубах. Вид у него был особенно вызывательный. Правый, с рябым лицом и длинными русыми волосами, казался умнее. Вот только шевелюра неделю немытая...

– Глянь, Васька, – сказал щербатый. – Кочевряжится! А по петлицам

ежели судить, полицейская шкура! Сколько он наших товарищей в темницах сгубил? Ась? Казнить его, и дело с концом.

Алексей Николаевич поглядел по сторонам. У ворот института стоял городской и старательно отворачивался. Понятно...

– А что у вас за товарищи? – спросил он, пытаясь казаться спокойным. – Если фартовые, то да. Этой мрази я много передал. Могу и вас заодно. Только попросите.

– Ишь! Еще и угрожает! – взъярился щербатый.

А рябой обиженно пояснил:

– Мы революционные боевики, а не уголовные! Мы боремся за счастье всех трудящихся!

– Ты, может, и идейный... И то убивать никому не позволено. А приятель твой смахивает на каторжную кость.

Тут щербатый окончательно разозлился и полез в карман. Выхватил револьвер, но сыщик ударил его по руке. Оружие выпало.

– Ой, мля...

Васька сунулся за пазуху. Лыков вырвал у него смит-вессон и бросил на землю. Оба боевика выпятились на чиновника. Тот их не просто не боялся, но еще и собирался побить!

– Бежим, Степка! – крикнул рябой, но было уже поздно. Коллежский советник взял нападавших за шеи, пригнул и слегка нажал. Те завизжали и стали сучить ногами. Вид у них сделался жалкий, и вырваться никак не получалось.

– Городовой, ко мне!

Подбежал служивый, козырнул.

– Помогите отвести их в участок. И оружие подбери.

У городского дрогнуло лицо:

– Ваше высокоблагородие! Отпустите вы их Христа ради! Вам же лучше будет.

– Ты что, белены объелся? Как фамилия?

– Фамилия моя Родионов.

– Как ты смеешь забывать свои обязанности?

– Эх... Видать, за вас переживать некому... А у меня четверо деток и жена больная, в больнице Святой Ольги лежит. Так что лучше увольте меня от службы, ваше высокоблагородие. Такое время настало, что... Они же меня потом убьют!

– Обязательно убьем! – пообещал снизу щербатый. Лыков чуть сильнее сжал пальцы, и бандит закричал от боли.

Что же делать? Сыщику стало жаль городского. «Видать, за вас

переживать некому...» А тут четверо детей, больная супруга. По лицу служивого было видно, что он не врет.

– Ладно. Возвращайся на пост.

Городовой откозырял и бегом возвратился к воротам Екатерининского института. Коллежский советник за шиворот потащил пленных к Фонтанке. Он решил их искупать – будут знать сатрапа! Щербатый попробовал вырваться, а затем вдруг начал расстегивать пуговицы пальто. Хочет выскочить из него и убежать! Лыков развернул обоих, взял их за грудки, оторвал от земли и понес. Как два чемодана... Васька сжался и помалкивал, а Степка злобно бранился и пытался лягаться. Подойдя к набережной, сыщик стукнул его за это головой о парапет. Тихонько, чтобы не потерял сознание, а то еще утонет...

Поблизости рыбачил мастеровой. В консервной банке плавала одинокая уклейка. Увидев готовящуюся расправу, мужик отодвинулся и стал с интересом наблюдать. От ворот так же пялился городской Родионов, а к окнам института припали пансионерки. Зрителей получалось многовато, но Алексей Николаевич уже рассердился. Нашли палача, сукины дети! Нагло, средь бела дня, в самом центре... Двое на одного... Нет, надо проучить!

– Не знаешь, тут глубоко? – спросил он у рыбака.

– Прямо под нами аршина два. А дальше глубже. Вы их утопить собираетесь али как?

– Надо бы утопить, да жалко дураков. Поучить хочу.

– А... Тогда прямо вон туды бросайте, ваше высокоблагородие. По пояс будет. Выплывут!

Лыков так и сделал. Раздались два громких всплеска, и затем матерная ругань. Следом полетели револьверы. Октябрь, вода холодная – пусть получают свое, халамидники... Закончив с революционными борцами, сыщик пошел на службу.

Вскоре он уже забыл о происшествии. Опять телеграммы со всей России приносили вести о новых жертвах. В Изюме взорвали урядника вместе со случайным прохожим. В Пермской губернии «лесные братья» Лбова застрелили жандарма. А тут два шпаненка с пугачами... Искупались в ледяной Фонтанке – может, одумаются? Хотя щербатый очень уж нехорош. Законченный негодяй.

Вечером, уходя домой, коллежский советник заглянул в приемную. Была готова сводка происшествий по столице. Он раскрыл ее и почувствовал словно удар тока. В самом низу страницы было указано: «Напротив Екатерининского института благородных девиц в 16 часов

застрелен городской второго разряда Родионов. Убийца скрылся с места происшествия».

Вот так! Отец четверых детей, и жена больная... Это ведь щербатый Степка! Обещал убить и убил. Эх! Нужно было приложить гаденьша башкой о парাপет со всей силы. Пожалел сыщик двух сволочей, недооценил зло, которое в них сидит. И погубил несчастного Родионова.

Алексей Николаевич пересчитал купюры в бумажнике. Шестьдесят рублей. На первое время кое-что, а там разберемся. И он пошел во Второй участок Литейной части.

Пристав капитан Лесовский сидел в кабинете с красными от бессонницы глазами и что-то быстро писал. Нехотя оторвавшись от бумаг, он кивнул на стул:

– Присаживайтесь, Алексей Николаевич. Ко мне?

– Я по поводу нынче застреленного Родионова.

У капитана дернулась щека.

– Подонки! Четверо детей остались сиротами!

– Говорят, жена его в больнице лежит. Верно ли это?

– Верно, Алексей Николаевич. Не знаю, чем и помочь... А вам кто сообщил про жену?

– Он сам, утром. Скажите, а стрелял один человек или два?

– Один.

– Молодой, высокий, в длинном рыжем пальто?

– Точно так! Откуда знаете?

Лыков рассказал приставу об утреннем происшествии. Тот был поражен:

– Значит, Родионов просил вас отпустить «борцов» и они же его потом застрелили?

– Да.

– Какая-то уж неслыханная подлость... Человек за них заступился и пострадал! Надо найти негодяев!

– Это Степкиных рук дело, я уверен. Записывайте приметы.

Лесовский взялся за перо.

– Рост – два аршина девять вершков^[71]. Возраст – около двадцати пяти лет. Сложение крепкое. Глаза серые, в верхней челюсти слева щербина. Волосы короткие цвет номер три, шатен. Одет в дешевое пальто из верблюжьей шерсти, пиджачную пару, цветную перкалеву сорочку. На голове суконная фуражка полупрусского фасона, обут в готовые сапоги с калошами. По виду из пролетариев.

– Скоро агент придет из сыскного, я ему сообщу. Спасибо, Алексей

Николаевич! Только уж вы не говорите никому, что Родионов отказался арестовывать преступников! А то вдове пенсию не дадут.

– Конечно, Иван Сергеевич. Я скажу, что не видел его на посту во время драки. Отлучился, бывает. За это ведь пенсии не лишат?

– За это не лишат.

– Еще вот что. Я уже проверил приметы Степки в нашей картотеке и в картотеке Особого отдела. Нигде такой не значится. Если он революционный боевик, то оформлен как политический. Пусть сыскное пошлет запрос в Охранное отделение. Вдруг у них есть какие-то данные?

– Хорошо.

– Последний вопрос, и пойду. У вас своих дел выше крыши. Где живут Родионовы?

– На Литейном. Я велю проводить.

– Сделайте одолжение.

В итоге коллежский советник привел сирот к себе на квартиру. Телефонировал оттуда баронессе Таубе, и та примчалась помогать. Родионовых оказалось три девочки и мальчик. Они были испуганы и без конца плакали. Старшей стукнуло восемь лет. За ней шли близняшки-шестилетки, а мальчик четырех годов был самым маленьким. Лыков в первую ночь оставил его у себя, Лидия Павловна забрала только девчонок. Но Петя скучал по сестрам и куksился. Сыщик сумел заинтересовать его лишь одной игрой: сборкой и разборкой револьвера. Оказалось, что так его развлекал покойный отец. Уснул мальчишка с трудом, под боком у Лыкова, и за ночь трижды просыпался от страха. Пришлось утром отвести его к остальным членам семьи. Больше всего это расстроило Нину Никитичну. Бездетная старуха любила малышню. Когда лыковские детки выросли, она заскучала и даже пыталась женить барина.

Через день состоялись похороны. Павшего на посту городского пришли проводить несколько десятков человек. На вынос прибыл сам градоначальник фон дер Лауниц. Он вручил вдове пачку мелких купюр – собрали сослуживцы. Та держалась из последних сил. Женщине выделили пролетку, где она сидела в обнимку с детьми. Ходить несчастная могла кое-как, при помощи костылей.

Пристав Лесовский рассказал Алексею Николаевичу, что Лауниц пошел на служебный подлог. Родионова задним числом произвели в городовые первого разряда. Это повысило пенсию семейству на шесть рублей в год – немного, но хоть что-то... Лыков похвалил градоначальника, однако сам уже решил вопрос по-своему. Семья Родионовых через два дня переедет в квартиру в одном доме с Таубе. Оплачивать жилье станет

коллежский советник, он же нанимает доктора для излечения вдовы. (Врачи уже ее осмотрели и сказали, что шансы есть.) Питание, одежда, прочие необходимые траты – из «фонда Благово». Павел Афанасьевич, умирая, завещал ученику десять тысяч рублей на добрые дела. Лыков поместил деньги в банк и снимал лишь проценты. В год выходило четыреста-пятьсот рублей. Он добавлял к ним пару тысяч своих денег, и супруги решали, кому их пожертвовать. Так продолжалось несколько лет. Когда жена умерла, муж потерял интерес к фонду. И вот теперь вспомнил о нем и решил помочь вдове с сиротами из тех средств. Он не сомневался, что Благово это одобрил бы...

Когда похоронная процессия вышла на Литейный, Лыков вдруг разглядел в подворотне знакомую высокую фигуру. Васька! Тот самый, которого он давеча купал в Фонтанке. И посмел явиться, негодяй, хотя бы и тайно! Сыщик решительным шагом направился к боевику. К его удивлению, тот не побежал опрометью, когда понял, что обнаружен. Васька стоял и ждал. И только когда Лыков был уже на расстоянии вытянутой руки, торопливо сказал:

- Это не я!
  - Знаю, иначе убил бы на месте! Чего пришел?
  - Стыдно стало. Ведь тот городской просил нас отпустить. А все Степка, зверюга, его рук дело...
  - Кто он такой?
  - Он не идейный! Так, прибил к нам, максималистам. Ему бы лучше к анархистам-безмотивникам, по его-то характеру.
  - Как фамилия Степки? Откуда он?
  - Фамилия его Варешкин. Приехал, кажется, из Юзовки. Воровал там заряды с рудника, из динамитного погреба.
  - Зачем?
  - Как зачем? – удивился парень. – На революционные цели!
  - Ясно, – скривился сыщик. – Что еще о нем можешь сказать?
  - Много не скажу, поскольку это было бы предательством, – с достоинством ответил Васька.
  - Чего же тогда фамилию назвал?
- Рябой посмотрел внимательно на чиновника:
- Вы ведь Лыков Алексей Николаевич?
  - Да. Как узнал?
  - Это не я узнал, а Степка. Он хочет вас убить.
- Коллежский советник помолчал, переваривая известие.
- Такой мстительный?

– Не то слово! Злой, очень злой человек. Вы даже не представляете насколько. Очень тщеславный. Сначала все грозил убить царя...

– Царя?

– Да. Или Столыпина. Так-то Варешкину все едино, кого убивать, но хочется славы. Поэтому товарищи, видя его недостатки, и терпят. Если направить энергию Степана в нужное русло...

– ...то можно погубить еще немало людей, – закончил за боевика Лыков.

– Для счастья трудового народа дозволяется!

Коллежский советник покачал головой:

– Мы с вами как будто живем в разных мирах... Жизнь человека не есть ли самая главная ценность?

– Но ваш строй убивает этих людей ежеминутно!

Они помолчали, однако каждый остался при своем мнении. Наконец сыщик произнес:

– Ладно. Повзрослеете и, даст бог, поймете. Пока молод, легко убивать и умирать самому... Спасибо, что предупредили.

– Вам спасибо.

– А мне за что?

– Ну как же! Швырнули в Фонтанку, а могли и в предварительную тюрьму. Это дурак Степка обиделся, а я-то понял, что вы нас тогда пожалели.

– Верно, пожалел. Теперь сам не рад. У Родионова осталось четверо детей сиротами... Надо было мне тогда стукнуть зверюгу головой о гранит, и дело с концом! Нападение на представителя власти, револьверы налицо... Получил бы благодарность от министра. А теперь человека уже не вернешь, детям отца не возвратишь! – Лыкова перекосило от злости на самого себя.

– Я тут... – замялся Василий. – Сумма небольшая, сколько смог...

– Нет уж, сами вручите, – отрезал сыщик. – Вон она, еще недалеко уехала. Зовут Мария Карповна. Может, когда поглядите ей в глаза, и не захочется больше людей убивать!

Опять они стояли и молчали. Похоронная процессия удалялась.

– Уходили бы от них, – сказал сыщик, глядя в сторону. – Человек-то вы не пропащий... пока.

– Теперь уже поздно. По вашим законам я – пропащий. Поэтому и не могу в предварительную. Там – петля.

– Жаль. Как мне найти Степку?

Максималист лишь покачал головой:

– Кто предупрежден, тот вооружен. Он даже знает, где вы живете. Стременная улица, дом пять, так? Будьте осторожны! Степка – очень хороший стрелок!

И побежал за пролеткой, где сидела вдова. Лыков поглядел ему в спину, вздохнул и отправился в департамент.

Сообщение боевика требовалось осмыслить. Есть негодяй, который хочет убить сыщика. В принципе, ничего нового. Так было всю его службу. Случались и трудные ситуации, когда на Лыкова объявляли настоящую охоту. Однажды в Варшаве, много лет назад, ему угрожал очень серьезный противник, у которого в подчинении была целая боевая организация. Ощущения, которые Лыков тогда испытал, он не любил вспоминать. Как рябчик, на которого открыта облава! Ходишь и ждешь выстрела в спину... Где тебя убьют? Вот сейчас, на выходе из кофейни? Или ближе к вечеру, у парадного?

Однако там в противниках был хотя бы достойный человек! А тут какой-то Степка... Но он хороший стрелок и не имеет тормозов. Убить отца четырех детей, который за тебя же и заступался! Совсем без совести, без жалости... Такой не остановится, пока не добьется своего. Или пока его самого не раскассируют.

Значит, надо поостеречься. Сообщить начальству? Но оно спросит, откуда сведения о возможном покушении. Если рассказать про максималиста, то следом появится второй вопрос: почему ты его не арестовал? И без того уже эпизод на Фонтанке стал предметом служебного расследования. Коллежский советник отпустил двух террористов! Обезоружил, мог доставить в участок, но вместо этого бросил в реку. Дело дошло до директора Департамента полиции Трусевича. Лыков в очередной раз изложил ему, как все произошло. Умолчав в очередной раз, что городской на посту отказался ему помогать...

Трусевич стал директором департамента лишь четыре месяца назад. Алексей Николаевич за это короткое время понял одно: что тот умный. Чехарда с начальством уже успела ему надоесть. С прошлого года сменилось пять директоров! В разговоре выявились другие качества нового начальника. Выслушав подчиненного, тот сказал:

– Напишите рапорт на мое имя. Что схватились с двумя крепкими террористами, сумели их обезоружить, но они вырвались и сиганули в Фонтанку – с целью спастись. Не прыгать же вам за ними следом! Так и убежали. Точнее, уплыли, хе-хе...

– Слушаюсь.

– Алексей Николаевич, – начал директор, – я давно к вам

приглядываюсь...

– И что увидели, Максимилиан Иванович?

– Рассказывают легенды о вашей силе. И о ваших приключениях. По ним, говорят, книги можно писать... Скажите, а если бы нападавших было четверо, что бы вышло?

Лыков задумался. Действительно, что?

– Такие же здоровые, как эти двое?

– Ну, допустим, что да.

– Хм... Пришлось бы их сразу бить навывлет.

– То есть?

– Ну, четверо – это много...

– Понимаю! Для меня и двое уже караул!

– ...а когда много, то надо бить так, чтобы после первого удара больше не встал. Некогда цацкаться, когда их много.

– Так. И что получилось бы?

– Ну, скорее всего, они успели бы меня застрелить. А я бы обездвижил одного или двоих, причем капитально, с увечьем.

– Понятно. Говорят, в молодые годы вы справлялись и с четырьмя? – спросил Трусевич одновременно и с надеждой, и с недоверием.

– Один раз только, на Хитровке. «Волки Сухого оврага» завели меня в безлюдное место и хотели допросить. Пришлось поучить стервецов.

– А теперь что же? Вам ведь всего сорок девять лет! У нас в Чернигове был дворник, так он в пятьдесят гнул подковы!

– Подковы и я гну. Силы с годами меньше не стало. Вот быстрота начала слабеть, а в схватке это первое дело. И потом, есть разные ситуации. Когда просто драка, можно и семерых побить. Они же друг другу мешают! Прикрылся одним, как щитом, и не подпускаешь остальных. Вырубаешь по одному... А на смелого человека и не полезут. В той же тюрьме, если видят, что ты их не боишься, то обходят стороной. Вот нож – другое дело, там и одного противника может хватить!

На этом собеседники расстались. Лыков вынес наблюдение, что Трусевич за ним приглядывает. И человек он с понятием. Но историю про максималиста и он не поймет. Спросит: почему не задержал?

Был другой способ известить начальство о готовящемся покушении. У Лыкова на связи состояло двадцать негласных осведомителей. Люди относились к разным слоям столичного общества. Ориентированы они были на уголовные преступления, но иногда случайно узнавали и про политические. Можно написать, например, так. Агент сообщил про некоего эсера Степана Варешкина, который в своем кругу похвалялся убить

Лыкова. Как царского сатрапа...

Кстати, о сатрапе. Варешкин легко может заручиться поддержкой своих товарищей-максималистов. Коллежский советник из Департамента полиции! Чем не сатрап? А на днях лично захватил одного из участников «экса» в Фонарном переулке. Казнить его! И тогда охотиться на сыщика будет целая армия боевиков, а не одиночка. Этого только не хватало...

Алексей Николаевич так и не решил, как ему поступить. Надо сделаться осторожнее, а там поглядим. На всякий случай вечером он вернулся домой другим путем, через Надеждинскую улицу. И возле подъезда тщательно огляделся. В кармане сыщик держал взведенный «веблей».

Утром его разбудил шум под окнами. Алексей Николаевич послал кухарку узнать, в чем дело. Нина Никитична принесла страшное известие. На выходе из дома только что застрелен сосед сыщика по подъезду статский советник МИДа Павлов. Ровесник Лыкова, он был чем-то похож на него: тот же рост, та же стриженная седая голова, короткие офицерские усы. В утренних сумерках легко и ошибиться. Степка! Подкараулил и шмальнул. И погиб еще один невинный человек... Черт, ну почему он тогда не убил его сразу?!

Ехать в департамент на извозчике сыщик постеснялся. Не бояться же ему всякой дряни? Но ощущения были не из приятных. Того и гляди пальнут в спину. Однажды, в 1903 году, он шел с Плеве пешком из здания МВД на Фонтанке в Зимний дворец. Вячеслав Константинович стал министром после того, как его предшественника Сипягина убили террористы. Теперь те же люди охотились на Плеве, и он это знал. И на выходе предложил Лыкову не сопровождать его, поскольку опасно! Но у Алексея Николаевича было срочное дело к министру, а другого времени тот найти не мог. Да и стыдным казалось проявить свою слабость. Двадцать минут они шли бок о бок, и Лыков успел изложить дело и получить устную резолюцию начальства. За это время спина у него взмокла... А ведь бывалый, и не такое видал! Вокруг шагало восемь охранников. Но 15 июля 1904 года они не уберегли Вячеслава Константиновича. Тот был разорван бомбой возле Варшавского вокзала.

Коллежский советник прибыл на службу с опозданием. Сразу запросил сводку происшествий и увидел в ней сообщение: на берегу Обводного канала, возле Семеновского плаца, обнаружен труп молодого мужчины. Убит двумя выстрелами в упор. Высокий, лет двадцати пяти, тип лица русский. На щеках оспины... В кармане пальто найдена записка со словами «Смерть правакатарам!».

Сыщик позвонил в приемную Филиппова, узнал, что тело убитого помещено в морг Казанской части, и поехал туда. Предчувствия не обманули его. Эсер-максималист по имени Василий (возможно, это кличка) был застрелен своими же. Степка опять нанес удар. Вероятно, он тоже наблюдал похороны городского, но осторожно, издали. И увидел разговор сыщика с рябым максималистом. Сам все решил, сам вынес приговор и исполнил его. А утром, как ни в чем не бывало, поджидал Лыкова у подъезда.

Это было уже слишком! Безжалостный и шустрый убийца гуляет на свободе по его, Лыкова, вине. Уже погибло трое. Пора остановить чудовище!

Коллежский советник пошел в Особый отдел и дал команду найти материалы на Степана Варешкина. Вероятно, максималист. Замечен в Юзовке за кражей динамита с рудников. Через два часа сыщик знал о своем враге то небольшое, что было известно полиции.

Степан Степанов Варешкин, крестьянин села Одинокое Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Он не был замешан в уголовных преступлениях, хотя по повадкам напоминал каторжную кость. Степку увлекла политика. Это новое явление на Руси. Раньше буйные недовольные шли в фартовые, а теперь охотились на губернаторов... Варешкин сначала поступил в проходчики, только не в Юзовке, а в Горловке. Работал на шахте Святого Андрея. Примкнул к боевикам. Подозревался в убийстве непрямого члена губернского правления надворного советника Палле. Год назад арестовывался за хищение динамита, бежал из холодной, убив при этом стражника. С тех пор нигде не появлялся. Полезных сведений дело Варешкина не содержало. Приятели, родня, связи, места проживания – ничего. Агентура доносила о каком-то Степке-шахтере, боевике Северного отряда. Недисциплинирован, малообразован, но смел, пользуется авторитетом. Явка где-то на Васильевском острове. Возможно, это и есть Варешкин, но где его искать? Остров большой...

Еще один Степка числился в банде, орудующей на Выборгской стороне. Там объявился некий Колька-кун. Бывший пехотный рядовой попал в плен под Мукденом. И нахватался там чужих слов и идей. Вернувшись в столицу, он собрал отряд из бывших фронтовиков. Обстрелянные, смелые и хорошо вооруженные, они наводили ужас на городских. Чуть что, сразу стреляли, а раненых добивали... За месяц банда Кольки-куна ограбила несколько лавок, почтово-телеграфную контору и ломбард. Затем прикончила кассира Военно-медицинской академии, шедшего из банка с жалованьем на весь штат. Полиция не могла напасть на

след преступников. Если Степка из банды, дело плохо... Хотя чем лучше максималисты?

Алексей Николаевич поехал на конспиративную квартиру департамента на Большой Болотной. Он вышел с Фонтанки, 16 через боковой подъезд и тщательно проверялся всю дорогу. Дожили: в Петербурге, средь бела дня надо поминутно оглядываться...

Квартира была в распоряжении коллежского советника. Здесь он встречался с негласной агентурой, и здесь же держал гримерное депо. Пересмотрев платье, сыщик выбрал любимый им тип артельщика. Наклеил седую бороду, поработал с формой носа, состарил кожу на лице и руках. Парик решил не надевать, и так сойдет. Взял два револьвера и кастет. И вышел на улицу.

Давно уже Лыков не рядился в чужую личину. Но тут особый случай. Решил поохотиться, Степка? Будет тебе охота!

Алексей Николаевич долго размышлял, не позвать ли ему подмогу. Но решил действовать один. Люди там опасные, могут кого-то и подстрелить. И так уже три покойника. Никто из департаментских не обязан подставлять грудь за Лыкова. А главное, коллежский советник решил пленных не брать. Значит, тут ему свидетели ни к чему...

Пожилой артельщик, немного прихрамывающий, с заурядным лицом, появился на Николаевской в сумерках. Свернул на Стременную, медленно прошел всю ее насквозь, разглядывая дома по нечетной стороне. Долго крестился на Троицкую церковь. Дойдя до Владимирского проспекта, двинулся обратно. Теперь старик пялился на четные дома. Время от времени он вынимал из кармана бумажку и сверялся по ней. Читал про себя адрес, шевеля губами. Пытался спросить у прохожего, но тот обругал дедушку и ускорил шаг.

Еще с первого раза Лыков заметил фигуру на углу своего дома. Невысокий, плечистый... Это не Степка! Мужчина средних лет был одет в пальто с клёком^[72]. Он курил папиросу и зыркал по сторонам. Боевик? Или просто саврас ожидает горничную, чтобы скоротать с ней вечер? Как разберешь? Дождя нет, а клёк поднят! Прячет лицо... Коллежский советник двинулся дальше.

Варешкина он заметил на обратном пути. Тот прошел мимо сыщика и шмыгнул в ворота типографии Траншеля. Боевик сделал все так быстро, что бежать за ним было поздно. Да и дислокация противника выяснена еще не до конца.

Лыков не успел обнаружить всю засаду. Когда он проходил мимо доходного дома Мюзера, на улице опять появился Варешкин. До него было

двадцать шагов, и сыщик не выдержал. Выхватив револьвер, он открыл огонь.

Степка проявил похвальную быстроту. Первая пуля попала ему в плечо, а от второй и следующих он увернулся. Тут полицейскому выстрелили в спину, и пришлось поворачиваться. Мужчина с папиросой оказался террористом, а не жуиром. Он сбил с головы Лыкова фуражку и ранил в шею. Ответным огнем сыщик уложил его наповал.

Зажав рану рукой, Лыков кинулся за Степкой. Тот заскочил в книгоиздательство Сойкина. Изнутри слышались крики и выстрелы. Сволочь, он и там кого-то убивает! Но тут Алексею Николаевичу стало не до преследования: он опять попал под огонь.

На этот раз засада пряталась на стройке доходного дома Угрюмовых. Похоже, Степка привел на Стременную целый отряд. Два человека осыпали сыщика градом пуль. Одна обожгла щеку, вторая пробила однорядку... Лыков уже разрядил барабан «веблея» и теперь пустил в ход «ремингтон». Вскоре оба нападавших лежали на мостовой.

С двух сторон слышались свистки городских, кричали люди, ржала раненая лошадь. В отблеске фонарей виднелись корчащиеся тела. Коллежский советник прислонился спиной к стене, чтобы не упасть. Кровь, пульсируя, вытекала из шеи и заливала грудь. Степка ушел.

Перестрелка на Стременной придала «делу Варешкина» официальный характер. Боевик был объявлен сразу в циркулярный розыск. Прорываясь сквозь типографию, он застрелил сторожа. Теперь на совести Степки числилось уже четыре жизни. Не считая стражника в Горловке и, возможно, кого-то еще.

Двое убитых оказались эсерами-максималистами, членами Северного отряда. Третьего, раненного Лыковым, захватили живым. Он рассказал, что помогал «товарищу Степану» без разрешения командира, по собственной инициативе. Варешкин предложил убить цепного пса самодержавия. Благородное дело! Выпили пива и пошли...

Лыков три дня пролежал в больнице, а потом получил двухнедельный отпуск для излечения. Это его устраивало. Он решил довести дело до конца. Единственная ниточка к Варешкину вела через Горловку. Кто-то там должен быть: брат, приятель, первая любовь... Ехать туда официально Алексей Николаевич не мог. Пришлось бы объяснять Трусевичу, что он действует по законам кровной мести! Другое дело, когда ты в отпуске...

Лыков прикинулся торговым человеком средней руки. У него успела отрасти щетина, сделавшая его похожим на немца-коммивояжера. Сыщик

взял из запасов департамента паспорт на имя Антона Свенха. Вооружился. И отправился на охоту.

Он сошел с поезда Курско-Харьковско-Азовской дороги спустя три дня. Пыльный и грязный поселок разместился прямо возле станции. Под ногами хрустела антрацитовая крошка. Люди, что шли навстречу, часто были перемазаны в угле. Многие находились в подпитии. Жуткие трущобы вокруг... Контраст со столицей казался поразительным. Но Лыков знал, что на окраинах Петербурга картина такая же. Где скопились пролетарские слободки, там закону места нет. Вот ужо победят социал-демократы, и нигде в этой стране не останется порядка...

Разыскав квартиру урядника, сыщик зашел внутрь. Начальства на месте не оказалось. Сотский поинтересовался, что за нужда у гостя. Тот ответил: хочу подать жалобу. Сотский ни о чем больше спрашивать не стал. Лишь покачал осуждающе головой: такое творится, а тут склочник с глупостями...

Через полчаса появился урядник. Высокий, молодцеватый, а глаза такие же красные, как у пристава Лесовского из Литейной части. Сейчас у полицейских у всех такие глаза.

– Ко мне?

– Да. Торговец Свенх, хочу подать жалобу на станционного буфетчика.

Урядник вздохнул. Было видно, что он едва держится на ногах. А тут дразги с буфетчиком... Но служба есть служба.

– Проходите.

Лыков зашел, прикрыл тщательно дверь и выложил на стол свой билет за подписью Столыпина. Служивый человек сразу преобразился. Усталость как рукой сняло! Он высунулся в приемную и приказал сотскому:

– Поди пока на улицу, погуляй. Я позову.

Потом вытянулся перед сыщиком по-военному:

– Слушаю вас, ваше высокоблагородие!

– Садитесь, пожалуйста. Вас как зовут?

– Маккавеев.

– А имя-отчество?

– Терентий Михайлович.

– А меня, как вы уже прочитали, Лыков Алексей Николаевич. Будем знакомы.

Урядник сел, внимательно присмотрелся к коллежскому советнику.

– Что за нужда у вас, Алексей Николаевич? Чиновник особых поручений Департамента полиции в шестом классе. У нас таких сроду не было!

– Я ищу Варешкина. Знаете такого?

Маккавеев насупился:

– Знаю.

– Он ведь отсюда выходец?

– Вырос недалёко, а здесь стал воровать.

– Динамит?

– Не только. Беспокойный был. Вечно людям жизнь портил.

– Варешкин объявлен в циркулярный розыск...

– Я получил телеграмму.

– Не знаете, где мне его искать?

Тут урядник удивил гостя:

– Степка прячется у своей марухи, в поселке Пятихатки. Это восемь верст отсюда. Приехал вчера в ночь.

– Что же вы его не арестовали? Не успели?

– Так точно, ваше высокоблагородие...

– Алексей Николаевич.

– ...Алексей Николаевич. Хотел нынче же нагрянуть, как стемнеет. А тут вы пришли.

– Терентий Михайлович, вы не могли бы доверить арест мне?

– Так вы начальство, вам мое согласие пошто?

– Я желаю по-людски, чтобы не было с вашей стороны обид и непонимания.

– Как же вы хотите? – недоуменно спросил урядник. Было видно, что разговор ему не нравится. – Что значит «по-людски»?

– Мы подведем вместе, вы останетесь в экипаже, а я зайду один. Потом позову вас.

– Степка секретный агент, что ли?

– Нет.

– А что тогда за тайны, Алексей Николаевич? Почему я не должен заходить с вами?

– Это моя личная просьба. Есть счет к Степке. Частного характера.

Маккавеев молча смотрел на Лыкова, потом сказал:

– Он брата моего убил.

– Стражника, когда бежал?

– Да.

– Значит, и у вас есть счет, – констатировал сыщик.

– Так точно. Я потому и хотел один...

– Тогда едем вместе и заходим тоже вместе.

Урядник вскочил, глаза его горели.

– Только уговор, ваше высокоблагородие! Живым Степку не брать!

Коллежский советник кивнул:

– Бешеных собак убивают. А он бешеная собака.

После этого разговор наладился. Маккавеев показал на карте стана местоположение Пятихатки, спросил, есть ли у гостя оружие.

– Степка будет биться, – объяснил он. – Сволочь, но не трус. Тем лучше...

– Тем лучше, – согласился сыщик. – В порядке защитных мер ответным огнем...

– Именно!

– Он приехал раненым.

– Есть такое! Левая рука на повязке.

– Это я его, неделю назад в Петербурге.

Урядник усмехнулся:

– Но и у вас, я вижу, шея в бинтах...

– Хорошо стреляет ваш Степка. И ловкий, очень ловкий. Давно мне такой не попадался. Их четверо было. Трое на месте остались, а он убежал.

– Алексей Николаич, а что у вас-то с ним произошло? – решил спросить Маккавеев.

Лыков рассказал всю историю с самого начала. К удивлению сыщика, урядник сразу его понял.

– Конечно, у вас теперь чувство вины! Я бы тоже переживал: упустить такую сволочь! Дети-сироты... А розыск ничего не даст. Ускользнет гадюка, не впервой. Надо самому добивать!

Они подъехали к Пятихаткам в полной темноте. Урядник то ли видел, как кошка, то ли знал местность наизусть. Привязав лошадь к плетню, Маккавеев повел начальство вдоль улицы.

– Через три дома баба его живет, – шепотом пояснил он диспозицию.

– Одна?

– Одна. Кто к ней придет? Все Степки боятся!

В избе тускло светилось окно. Лыков попробовал – дверь в сени была заперта изнутри. Урядник просунул в щель нож и ловко снял крючок, тот даже не звякнул. Они вошли и прислушались.

Из комнаты доносился женский смех. С кем веселится хозяйка? Наконец раздался голос, мужской, хриплый. Степка! Он здесь!

Сыщик взялся обеими руками за дверную скобу. Если даже там засов, он не выдержит. Маккавеев сбросил шинель, отстегнул шашку.

– Готов?

– Давай, ваше высокоблагородие!

Дверь отлетела, и полицейские ворвались в горницу. Степка с перевязанной рукой сидел в красном углу. Он схватился за карман, но не успел. Урядник прыгнул прямо через стол и заехал ему каблуком в переносицу. Бандит с грохотом слетел вниз. Через секунду Маккавеев уже вытаскивал его на середину, заломив здоровую руку.

– Вот он!

Лыков не сдержался, ударил под дых. Руки прямо чесались... Баба в одной рубашке закричала и бросилась поднимать упавшего. Но он был без сознания.

– Молчать!!! – рявкнул коллежский советник женщине. Так рявкнул, что та убежала за печь и высовывалась оттуда с опаской.

Они обыскали боевика и нашли в кармане штанов револьвер с полным барабаном. В сумке на подоконнике лежали патроны и самодельная бомба. Воевать собирался, тварь!

Когда Варешкин пришел в себя и увидел полицейских, то через силу ухмыльнулся:

– Все мои враги вместе собрались!

Теперь не сдержался уже урядник. Он набросился на арестованного и стал месить его руками и ногами. Бил и приговаривал:

– Это за брата! А вот еще! И еще! Получи в довесок!

Когда он устал и отступился, Степка лежал на полу пластом. Весь в крови, он был в сознании и злобно щерился:

– Я вас... сатрапов... зубами грызть буду!

Маккавеев обернулся к Лыкову:

– Ваше высокоблагородие, вы сядьте вон туда. Не смотрите. Я сам. Черт помойный! Много чести, чтобы полковник его душил. Хватит и нижнего чина.

Сыщик посмотрел на бабу, показал ей кулак, и та шустро спряталась.

– Давайте, Терентий Михайлович.

– Нет, пусть Лыков замарается! – крикнул убийца. – Я ему во сне буду являться!

У сыщика потемнело в глазах. Так хотелось подойти, положить руки на шею и сжать что есть силы... Он с трудом сдержался.

Коллежский советник отвернулся к окну. Он успел увидеть, как урядник со зверским лицом садится Степке на грудь. За спиной слышались хрипы, шум борьбы, потом все стихло.

– Можно, Алексей Николаевич.

Сыщик повернулся. Маккавеев был совершенно спокоен, будто не человека задавил, а выпил стопку водки. А впрочем, где тут человек?

Бешеная собака.

– Ну вот, я вам даже и не понадобился, – вздохнул Лыков. – Вы и без меня бы справились. Зря приезжал.

– Вдвоем легче, – не согласился урядник. – Степка нелюдь, на нелюдя напарник нужен, иначе опасно.

– Значит, я пригодился?

– Еще как!

– Но вы, Терентий Михайлович, меня в рапорте не упоминайте, пожалуйста. Вообще. Хорошо? Я в отпуске и никогда тут не был.

– Как скажете.

– А баба?

– Баба будет молчать. У нее теперь заступника нету... Правда, Машка? Та зарыдала в голос, не выходя из-за печки.

– Пора, – сказал Лыков, глядя на часы. – Иначе на поезд опоздаю.

Полицейские взяли тело за руки, за ноги, не забыли и сумку с бомбой. В темноте понесли убитого к пролетке. Из окон на них смотрели, но выйти на крыльцо никто не решился.

Алексей Николаевич успел к поезду до Курска. Урядник проводил его. На перроне мужчины крепко пожали друг другу руки. Хотели что-то сказать, но говорить оказалось нечего... Пустой беседой завершать знакомство не стали, и сыщик уехал.

У него оставалось от отпуска еще полторы недели, и Лыков чуть не отправился в Париж к дочери. Но передумал. Пугать ребенка простреленной шеей? И так газеты каждый день пишут о новых жертвах террора в России. Заявиться в Нижний Новгород, навестить могилу родителей? И напугать уже сестру... И коллежский советник выбрал Варнавин. Там Титус, ему ничего не страшно. Осень, рыжики пошли... Ветлужской стерляди поудить... Хорошее занятие для отпускника. Сыщик давно мечтал поймать мерную стерлядь^[73], да все не удавалось. Может, сейчас повезет? Кроме того, Яша говорил, что паровая машина на лесопилке устарела. Нужно принять решение на десять тысяч рублей и не ошибиться. Вот и повод для поездки, настоящий, ненадуманый! Поручики пускай служат, а папаша защитит их интересы.

В Москве Лыков взял билет через Галич до Шарьи. Только что построенная Вологодско-Вятская дорога упростила путь до Нефедьевки. Коллежский советник даже успел купить новые каучуковые блесны на ветлужских щук и поехал отдыхать. За весь отпуск он ни разу не вспомнил о Варешкине.

Шведская куртка

Утром 19 декабря 1916 года Антон Макушкин, как обычно, зашел в гараж МВД. Возле моторов уже возились товарищи Антона, такие же шоферы. Макушкин двинулся было к своему авто, но его перехватили. Сторож гаража, долговязый Васька Демин, снова принялся канючить:

– Антон, ну будь же человеком! На один вечер всего! Утром верну!

Демин давно просил у приятеля его шведскую куртку. Он обхаживал новую пассию и хотел пофорсить. Действительно, эти куртки украшали любого мужчину! Они полагались лишь авиаторам и самокатчикам, но чаще их носили тыловые крысы... Антон случайно раздобыл кожанку и делиться ею не собирался. Поэтому он отмахнулся и прошел к автомобилю с приметным цилиндрическим капотом. Погладил решетку радиатора и сказал вполголоса:

– Здравствуй, соколик!

Это был «Делоне-Бельвиль» особой модели – 70 SMT. Любимый мотор государя! Таких всего четыре в целом Петрограде. Три стоят в Императорском гараже, а четвертый – здесь. И водит его Антон. Мощность шестицилиндрового двигателя – семьдесят лошадиных сил. Способен разгоняться до ста верст в час. Внутри аж девять педалей и рычагов. Два тормоза – правый и левый; особый «горный» тормоз, он же упор; акселератор; педаль усиленной подачи масла; пневматический свисток; рычаг запуска двигателя; рычаг пневмодомкрата; педаль подкачки шин. Автомобиль запускается сжатым воздухом и может проехать на нем несколько верст. И передача не устаревшая, цепная, а карданная. Мечта, а не мотор!

Но гладить «соколика» Антону долго не пришлось. Явился министерский курьер и сообщил:

– Выезжай сей же час! Лыков ждет тебя на главном подъезде!

Статский советник Лыков был начальником Макушкина. Руководитель Восьмого делопроизводства Департамента полиции, большой человек! Можно сказать, с нуля создал общероссийский уголовный сыск. До этого каждый был сам за себя, отделения варились в собственном соку. Взаимодействия не было, и жулики легко скрывались, переезжая с места на место. Лыков и его приятель Лебедев придумали единую службу. Она руководила отделениями, снабжала их сведениями, методиками и обучала кадры. Все это шофер знал от департаментской молодежи. Сыщик от бога,

Лыков пользовался там большим авторитетом. Да еще и человек приличный, не зазнается...

Антон лихо подкатил к подъезду, взял пассажира. Тот был чем-то сильно озабочен.

– Давай к Большому Петровскому мосту.

«Делоне-Бельвиль» ринулся вперед и уже через двадцать минут был на месте. Антон вылез из авто. На берегу Малой Невки собралась толпа важных чинов. Шофер узнал градоначальника Балка, полицмейстера Галле, начальника сыскной полиции Кирпичникова, жандармского генерала Попова, следователя по особо важным делам Середу. Рядом стояли незнакомые прокурорские и кто-то из Охранного отделения. Все они рассматривали нечто, лежащее возле полыньи. Лыков энергично вторгся в толпу, сказал что-то Балку и тут же спрыгнул на лед. Помахал рукой, и к нему присоединились двое городских.

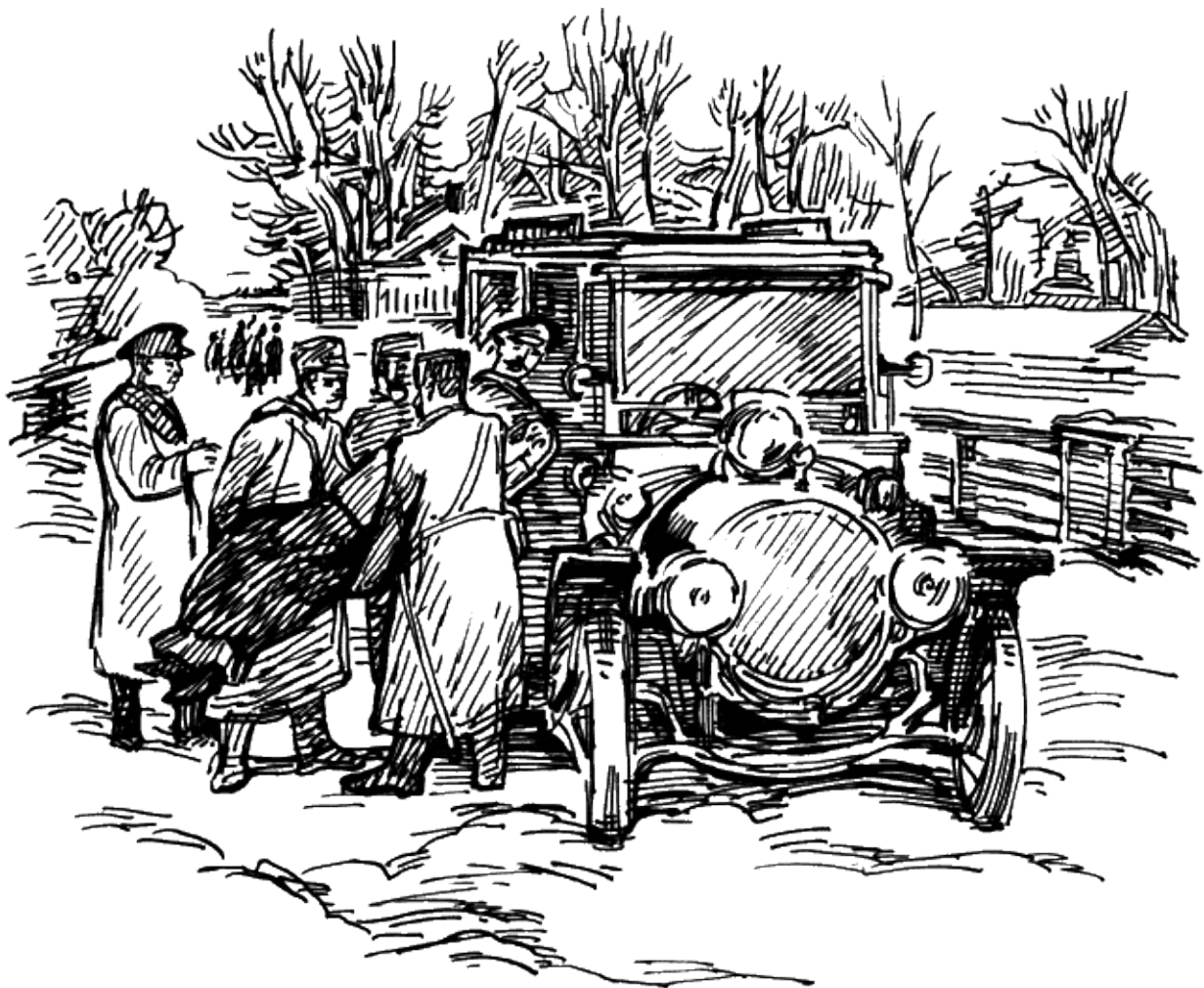
– Что тут делается? – спросил Макушкин у околоточного.

– Как что? Распутина нашли. Мертвого.

Вот это да! Антон знал, что зловещий старец два дня как пропал. И что полиция его разыскивает. И вот отыскали... Между тем городовые пешнями стали вырубать зачоченелый труп. Вскоре они, взмокшие от усердия, уже тащили страшную находку вверх. Неожиданно статский советник привел их к «Делоне-Бельвилю». Служаки приблизились к роскошному мотору и замялись в нерешительности. И тут Антон увидел вблизи знаменитого «царского друга». Голова прострелена, лицо в кровоподтеках. Руки со сжатыми кулаками подняты вверх, да так и застыли... Шелковая рубаха задралась, открыв пулевые отверстия. Ноги завернуты в мешковину и связаны. Жуть.

– Сними куртку и положи назад, – скомандовал Лыков. – Живее!

Негнуцимися пальцами Антон стянул кожанку и расстелил, как было велено. Труп уложили на нее, городовые уселись напротив. Статский советник велел ехать в Выборгский приемный покой.

Антон гнал и не мог унять дрожь. Возле морга тело выгрузили и поехали в Департамент полиции, затем в министерство. Они с Лыковым мотались по городу весь день. Макушкин устал и замерз, но так и не решился надеть кожанку. Когда вечером он ставил «Делоне-Бельвиль» в гараж, тот уже не казался ему «соколиком» и красавцем...

Уходя, шофер встретил Ваську. Тот смотрел на него с надеждой.

– На! – Антон протянул кожанку сторожу. – Дарю. Носи, не стаптывай!

– А... че это вдруг? – ошарашенно ответил тот, не решаясь взять вещь.

– Такой я человек. Ну? А то передумаю!

Васька схватил подарок и, не сказав ни слова, убежал.

На другой день по распоряжению Лыкова Антона пересадили на скромный «Руссо-Балт».

Примечания

Воинская повинность начиналась с 21 года, но в
вольноопределяющиеся брали с 17 лет. (Здесь и далее примеч. автора.)

Лампасная пехота – пластуны, пешие казачьи части.

Картузники – уничижительное прозвище линейной пехоты.

Редиф – турецкие запасные части.

Полковой командир князь Абашидзе.

Гора Чахата.

Натурный – настоящий, твердый.

Четверить обозы – запрягать повозки двойной упряжью.

Штабок – презрительное прозвище «штабных крыс» в войсках.

Формально *пластуны* – это пешие батальоны Кубанского казачьего войска, обученные выполнению разведывательных задач. Но на Кавказе *пластунами* часто называли любые подразделения пешей разведки.

Чакура – часть гурийского национального костюма, разновидность черкески.

Табор – пехотный батальон; *талиа* – стрелковая рота в линейных частях турецкой пехоты.

Ода – отряд башибузуков.

Башчавуш – старший капрал.

Спать по-заячьи – вполуха, настороже.

Наносной окоп – не вырытый в земле, а сложенный поверх нее из камней и бревен. Применялся в горах, где тонкий слой почвы.

Кардаш – брат (*тур.*).

Облический – обходной.

Тогда эту награду вручали преимущественно кавказцам из
иррегулярных частей.

Сувари – регулярная кавалерия.

Сидеть в седле по-чеченски – сидеть боком, положив согнутую ногу на луку седла.

Устаревшее написание.

Лазистанский санджак – другое название Турецкой Грузии. В него входила и Аджария.

Окложжо.

Гололобые – так именовали турок в то время.

Сторожевка – линия сторожевых постов.

«Газы» – газыри (*разг.*).

Турецкие офицеры делились на две части. Элитная часть, мектебли, получила военное образование и имела преимущество в чинопроизводстве. Вторая часть, алайли, была произведена в офицеры из отличившихся нижних чинов и редко достигала высоких званий.

Стрельба мертвой наводкой – стрельба с закрытых позиций по заранее пристрелянным ориентирам.

Дмитрия Виссарионовича. (Тогда на Кавказе одновременно воевали сразу три генерала Комарова.)

То есть к высшей, первой степени ордену Святой Анны.

Белый дворник – слуга для тяжелых работ по дому.

33

186,5 см.

Товарищ министра – заместитель.

Правовед – выпускник Императорского училища правоведения, одного из главных поставщиков бюрократической элиты России. Правоведы отличались необычайной кастовой взаимовыручкой и тащили друг друга на высокие посты.

МСП – Московская сыскная полиция.

И.Ф.Гурко – в 1886 г. варшавский генерал-губернатор.

Седьмой класс Табели о рангах – чин надворного советника.

См. книгу «Варшавские тайны».

ПСП – Петербургская сыскная полиция.

Освед – тайный осведомитель (*полиц. жарг.*).

Польское ругательство, аналогичное «К черту!».

Шемизетка – блуза.

Юр-базар – Хитровка (*жарг.*).

Шланбой – место тайной торговли водкой.

Пигментным мылом закрашивали седые волосы.

Пся кошчъ – собачья кость (*польское ругательство*).

Моторыга – беспутный человек (*народ.*).

Маз – главарь (*жарг.*).

Слам – добыча (*жарг.*).

Толерантка – проститутка-одиночка, принимающая клиентов на «секретной квартире свиданий» (*офиц. термин*).

Меркуриальный – созданный на основе ртутных препаратов.

Жулябия – жулик (*прост.*).

Яма – Хитровская площадь.

Хипес – кража денег у клиента проститутки во время полового акта, совершается ее сообщником.

Бандероль – акцизная марка (их тоже изготавливали в Экспедиции).

«Демон» – агент полиции, действующий под чужим именем в преступной среде.

Гмина – волость в Привисленском крае.

Пансион без древних языков – публичный дом.

Биржевой заяц – мелкий комиссионер, не имеющий собственных средств и работающий посредником.

Четвертый класс Табели о рангах – чин действительного статского советника.

Складка – убийство (*жарг.*).

До ста пёрунов! – К ста молниям! (польский аналог выражения «Тысяча чертей!»).

Блинодел – фальшивомонетчик (*жарг.*).

Счастливец – мошенник (*жарг.*).

Металлическая квитанция – депозитарная расписка, выдавалась Государственным банком частным лицам в обмен на золото в слитках, иностранную золотую монету и иностранные банковские билеты.

Настенник – подсвечник, крепящийся к стене.

Д. Ф. Трепов – в 1896–1904 гг. московский обер-полицмейстер.

Действительно, через десять лет русские банковские билеты были успешно подделаны фальшивомонетчиками.

Нейшлотец – офицер 87-го пехотного Нейшлотского полка.

71

184 cm.

Клёк – капюшон.

Мерная стерлядь – длиной от аршина (71 см) и более.